

**THE REVIEW
OF THE LIBERAL ARTS
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

3 (10) 2015
october

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)

Frequency: 4 times a year

Publisher: Liberal Arts University – University for Humanities
(Ekaterinburg)

Editorial address: 620041, Ekaterinburg,
3, Zheleznodorozhnikov st., office 207
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Editor-in-Chief

Doctor of Philosophical Sciences, Prof. L. A. Zaks

The editorial board:

Doctor of Philosophical Sciences, Prof. L. A. Myasnikova
(*Deputy Editor-in-Chief*)

Candidate of Engineering, Associate Prof. A. V. Agenosov
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. S. D. Balmayeva

Doctor of Philological Sciences, Prof. I. N. Borisova

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. A. Brandt

Doctor of Political Sciences, Associate Prof. S. I. Glushkova

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. A. V. Drozdova

Doctor of Psychological Sciences, Associate Prof. O. Y. Zotova

Candidate of Historical Sciences, Associate Prof. K. I. Zubkov

Doctor of Psychological Sciences, Associate Prof. I. S. Krut'ko

Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. S. A. Mitsek

Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. E. B. Mitsek

Doctor of Psychological Sciences, Prof. E. B. Pereylygina

Candidate of Sociological Sciences S. A. Ramzina

Candidate of Pedagogical Sciences L. V. Rosnovskaya

Doctor of Legal Sciences A. P. Semitko

Doctor of Legal Sciences, Prof. M. N. Semyakin

Doctor of Economic Sciences N. V. Khmelkova

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Prof. G. A. Yamaletdinova

The editorial Council

Doctor of Historical Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences
V. V. Alekseev

prof. Ives Hamant (France)

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. V. Boldygin

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. E. Burbulis (Moscow)

Member of the Russian Academy of Arts, Prof. S. V. Golynets

Doctor of Philosophical Sciences, Prof. G. Y. Zborovskiy

E. Kiseleva–Castells, Ph. D (Spain)

Doctor of Legal Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences
V. N. Rudenko

Doctor of Philosophical Sciences, Prof. A. M. Rutkevich (Moscow)

Doctor of Physical and Mathematical Sciences A. M. Taras'ev

Head of Editorial Office

M. M. Volkova

ВЕСТНИК ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

3 (10) 2015
октябрь

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)

Учредитель: НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)

Адрес редакции: 620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207.

E-mail: ektbriogu@mail.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре).

Свидетельство ПИ № ФС77-62469 от 27 июля 2015 г.

Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

д-р филос. наук, проф. Л. А. Закс

Редакционная коллегия

д-р филос. наук, проф. Л. А. Мясникова
(заместитель главного редактора)
канд. техн. наук, доцент А. В. Агеносов
канд. филос. наук, доцент С. Д. Балмаева
д-р филол. наук, проф. И. Н. Борисова
д-р филос. наук, доцент Г. А. Брандт
д-р полит. наук, доцент С. И. Глушкова
канд. филос. наук, доцент А. В. Дроздова
д-р психол. наук, доцент О. Ю. Зотова
канд. ист. наук, доцент К. И. Зубков
д-р психол. наук, доцент И. С. Крутько
д-р экон. наук, доцент С. А. Мицек
д-р экон. наук, доцент Е. Б. Мицек
д-р психол. наук, проф. Е. Б. Перелыгина
канд. социол. наук С. А. Рамзина
канд. пед. наук Л. В. Росновская
д-р юр. наук А. П. Семитко
д-р юр. наук, проф. М. Н. Семякин
д-р экон. наук Н. В. Хмелькова
д-р пед. наук, доцент Г. А. Ямалетдинова

Редакционный совет

д-р ист. наук, проф., академик РАН В. В. Алексеев
проф. Ив Аман (Франция)
канд. филос. наук, доцент Г. В. Болдыгин
канд. филос. наук, доцент Г. Э. Бурбулис (Москва)
академик РАН, проф. С. В. Голынец
д-р филос. наук, проф. Г. Е. Зборовский
Э. Киселева–Кастельс, Ph. D (Испания)
д-р юр. наук, проф., член-корреспондент РАН В. Н. Руденко
д-р филос. наук, проф. А. М. Руткевич (Москва)
д-р физ.-мат. наук А. М. Тарасьев

Заведующая редакционно-издательским отделом

М. М. Волкова

Вестник Гуманитарного университета / редкол. : Л. А. Закс, Л. А. Мясникова и др. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2015. – № 3 (10).

ISSN 2308-8117

Разделы журнала соответствуют основным направлениям научных исследований Гуманитарного университета:

1. Социально-психологические и личностные основания общественных отношений, коммуникаций и социального управления.
2. Оптимизация управления экономикой России: финансово-экономические, математические и информационно-компьютерные модели.
3. Правовая и политическая культура в социальной, государственной, военной истории России и мира.
4. Мир культуры: субъекты, институты, практики.
5. Образование как социальный институт.

Содержание

Социально-психологические и личностные основания общественных отношений, коммуникаций и социального управления.....	9
<i>Мостилов С. В.</i>	
Миграционные намерения россиян как инструмент психологической защиты....	10
Оптимизация управления экономикой России: финансово-экономические, математические и информационно-компьютерные модели.....	17
<i>Валько Д. В.</i>	
Ресурсная структура стратегического потенциала образовательной организации высшего образования.....	18
<i>Гончарова Н. А., Долгасова И. А.</i>	
Брендинг как стратегия развития образовательного учреждения.....	28
<i>Щелканова А. П., Хмелькова Н. В.</i>	
Кобрендинг: теоретические аспекты и оценка эффективности.....	32
Правовая и политическая культура в социальной, государственной, военной истории России и мира.....	39
<i>Архипова Ю. В.</i>	
Визуальная репрезентация концепта «Родина» в российском политическом дискурсе.....	40
<i>Денисов С. А.</i>	
Типичные отклонения от модели правового государства в мире.....	46
<i>Гаген С. Я.</i>	
Политические и социальные причины попытки возобновления переговоров об унии православной и католической церквей в 1334 году.....	56
Мир культуры: субъекты, институты, практики.....	69
<i>Болдыгин Г. В.</i>	
И. Кант о специфике <i>теоретического</i> и <i>практического</i> видов познания (статья вторая).....	70
<i>Лучанкин А. И., Базаров Е. Ю.</i>	
Пойесис возвышенного.....	93
<i>Мясникова Л. А., Черепанова Т. В.</i>	
Публичность в условиях трансформации современных медийных коммуникаций.....	104
<i>Полякова А. С.</i>	
Уральская кадрили как явление инноваций горнозаводской культуры.....	110
<i>Филинкова Т. А., Лаврова Л. Б.</i>	
Традиционная японская техника окрашивания тканей «сибори» как творческий источник при проектировании креативной коллекции моделей одежды.....	117

Рецензии	123
<i>Уймина Ю. А.</i>	
Рецензия на монографию Р. В. Псху «“Ведартхасамграха” Рамануджи и становление вишишта-адвайта-веданты».....	124
О редколлегии	129
Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета».....	132

Contents

Social, Psychological and Personal Foundations of Social Relations, Communication and Social Management	9
<i>Mostikov S. V.</i>	
Migration Intentions of the Russians as a Tool for Psychological Protection.....	10
The Optimization of Russia's Economy Management: Finance, Economic, Mathematical and Computer Models	17
<i>Valko D. V.</i>	
Resources of the Strategic Potential Framework of Higher Education Organization....	18
<i>Goncharova N. A., Dolgasova I. A.</i>	
Branding as a Strategy of Educational Institution Development.....	28
<i>Schelkanova A. P., Khmelkova N. V.</i>	
Co-Branding: Theoretical Aspects and Performance Evaluation.....	32
Legal and Political Culture in Social, State, Military History of Russia and the World	39
<i>Arkipova Y. V.</i>	
Visual Representation of the «Homeland» Concept in Russian Political Discourse....	40
<i>Denisov S. A.</i>	
Typical World-Wide Deviations from Constitutional State Model.....	46
<i>Gagen S. J.</i>	
The Political and Social Reasons to Reopen the Negotiation of Union of the Orthodox and Catholic Churches in 1334.....	56
The World of Culture: Subjects, Institutions, Practices	69
<i>Boldygin G. V.</i>	
I. Kant on the Nuances of <i>Theoretical</i> and <i>Practical</i> Cognition (Article Two).....	70
<i>Luchankin A. I., Bazarov E. Y.</i>	
Saving the Exalted: Poesis.....	93
<i>Myasnikova L. A., Cherepanova T. V.</i>	
Publicity in Context of Transformation of Modern Media Communications.....	104
<i>Polyakova A. S.</i>	
The Urals Quadrille as an Innovative «Mining and Factory Culture» Phenomenon...110	
<i>Filinkova T. A., Lavrova L. B.</i>	
Traditional Japanese «Sibori» Fabric Dyeing Technique as the Creative Source for Designing a Creative Cloths Collection.....	117

Book Review	123
<i>Uimina J. A.</i>	
Review: R. Pshy «Ramanuja’s “Vedarthasamgraha” and Becoming of Vishishta-advaita-vedanta».....	124
About Editorial Board	129
Submission Requirements for «LAU Vestnik» authors	132

**Социально-психологические
и личностные основания
общественных отношений,
коммуникаций
и социального управления**

УДК 316.6

Мости́ков Серге́й Влади́мирович

аспирант, преподаватель факультета социальной психологии, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)

E-mail: smostikov@ya.ru

Mostikov Sergey Vladimirovich

Postgraduate Student, Lecturer at Department of Social Psychology, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

**МИГРАЦИОННЫЕ НАМЕРЕНИЯ
РОССИЯН КАК ИНСТРУМЕНТ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ**

**MIGRATION INTENTIONS
OF THE RUSSIANS AS A TOOL FOR
PSYCHOLOGICAL PROTECTION**

Аннотация

В статье приводится анализ миграционных намерений россиян за последнее 100 лет. Рассматриваются особенности эмиграционных волн, а также психологические особенности формирования и развития миграционных намерений россиян. Миграционные намерения определяются, с одной стороны, как психологическая защита (изоляция) от фрустрирующей социальной реальности, а с другой – как способ самоидентификации. Обозначая свои намерения, личность увеличивает психологическую дистанцию с окружающим социумом. Специфика миграционных намерений всегда зависит от социальной ситуации. В статье описаны современные представления о формировании и динамике миграционной готовности россиян, указаны результаты исследований (ВЦИОМ, Левада-центра).

Ключевые слова: миграционные намерения; психологические защиты; идентичность; эмиграция.

Abstract

The article provides an analysis of migration intentions of the Russians over the past 100 years. The author discusses the features of the emigration waves, as well as the psychological characteristics of the formation and development of migration intentions of the Russians. Migration intentions are determined as a psychological protection (insulation) against frustrating social reality, on the one hand, and a way of self-identification, on the other hand. Indicating their intentions the personality increases the psychological distance towards the surrounding society. The specificity of migration intentions is always dependent on the social situation. This article describes current ideas about the formation and dynamics of migration readiness of the Russians referred to the results of the research (VTSIOM, Levada-center).

Keywords: migration intentions; psychological protection; identity; emigration.

Большая часть миграционных исследований в настоящее время недостаточно учитывает психологические факторы и особенности личностной ориентации респондентов на принятие решения эмигрировать. Исследования миграционных намерений, а также психологических факторов, делающих возможным переход от намерений к действиям, является сравнительно новой и еще малоизученной темой для отечественной социальной психологии.

Для российской культурной традиции свойственно амбивалентное отношение к эмигрантам: с одной стороны, «чемоданное настроение», особенно в приватном пространстве межличностного общения, с другой – обвинения в антипатриотических настроениях уехавших в официальных заявлениях ряда российских политиков. Недостаточная научная разработанность данного вопроса приводит к отсутствию вдумчивой и осознанной миграционной политики в стране. Остается открытым целый спектр проблем, начиная с корректного учета эмигрантов и заканчивая работой с русскоязычными диаспорами за рубежом. Очевидно, важность этих задач, а также возможные выгоды при правильном к ним подходе еще предстоит осознать.

За последние 100 лет в истории России был целый ряд подъемов и спадов в миграционных настроениях населения; к сожалению, большая часть из них анализируется ретроспективно, когда люди уже уехали. Например, Д. С. Василькович отмечает: «Миграционная политика Российской Федерации с момента своего зарождения по настоящее время строится по “догоняющей” модели, как реакция на уже сложившуюся ситуацию» [2. С. 13]. За это сравнительно небольшое в исторической ретроспективе время страна пережила четыре волны эмиграции. Все они отличаются друг от друга по демографическим характеристикам, региональной направленности и причинам выезда. В каждом случае были свои психологические мотивы и причины для принятия решения об эмиграции. Несмотря на то что во всех случаях внешними причинами служили социально-экономические обстоятельства, решение индивидами принималось исходя из внутренней психической динамики, из того, как будущие эмигранты воспринимали и оценивали происходящие в стране события.

Первая волна (10–30-е годы прошлого века) была связана с Октябрьской революцией 1917 года. Возникшая в результате этого социально-политическая нестабильность и развернувшаяся борьба с инакомыслием привела не только к оттоку представителей прежней социальной элиты (аристократы, буржуа, участники Белого движения, предприниматели), но и значительной части представителей науки и искусств – это неизбежно сказалось на интеллектуальном потенциале страны (достаточно вспомнить т. н. «Философский пароход»). Основными пунктами назначения эмигрантов были: Франция, Германия, США, Китай. В силу политической конъюнктуры, развала Российской империи, экономического кризиса и гражданской войны, исследованием причин и динамикой миграционных потоков в то время никто не занимался. Кто-то уезжал добровольно, спасая свою семью и жизнь, кого-то выслали принудительно. В настоящее время, опираясь на исторические свидетельства и документы той эпохи, мы можем лишь предполагать психологический портрет эмигранта начала прошлого века: высокий уровень стрессоустойчивости, готовность к риску, минимальное использование психологических защит: идеализации и отрицания. Оставшиеся в России представители аристократии, очевидно, предпочитали использовать психологические защиты: изоляцию аффекта, а также игнорирование – это помогало не замечать многих трагических событий в жизни общества и одновременно сохранять веру в светлое будущее. Наверное, похожие психологические механизмы были задействованы у немецких евреев, оставшихся в Германии с приходом к власти А. Гитлера: отрицать очевидные факты и сохранять веру в лучшее, даже находясь на пути в Бухенвальд.

Вторая волна эмиграции приходится на 40-е годы прошлого века, она состояла из достаточно разнородных представителей общества. В нее вошли: люди из западных регионов СССР, предпочитавшие уехать в Европу вместе с отступающими фашистскими войсками; советские воины, решившие создать семью и остаться на Западе; граждане СССР, насильственно вывезенные немцами в Германию и отказавшиеся от последующей репатриации; военнопленные. Очевидно, наполнению этой эмигрантской волны поспособствовал приказ Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии № 270 от 16.08.41 «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия», согласно п. 2 которого военнопленные отождествлялись с предателями, а их семьи лишались государственной помощи [7. С. 135]. В данном случае эмигранты неизбежно сталкивались с внутриличностным конфликтом: эмиграция – но утрата связи с семьей, либо возвращение на родину, но позор для себя и семьи. Безусловно, сейчас уже нет возможности провести психологическую диагностику участников тех событий, но мы можем предположить, что лица, совершившие выбор в пользу эмигра-

ции, характеризуются такими психологическими чертами, как индивидуализм, независимость от общественного мнения, склонность к риску. Очевидно, в силу этих психологических свойств личности стало возможным принятие решения о невозвращении на Родину, в то время как личности с большей степенью привязанности и высоким уровнем коллективизма трудно было жить и мыслить себя вне родной культуры и семьи.

Третья волна эмиграции приходится на 80–90-е годы. Если в 80-х годах отбывали в основном репатрианты (в Израиль, Германию, Грецию и т. д.) и диссиденты, то в 90-х основными драйверами мобильности становятся социально-экономические причины. Об этом этапе эмиграции Ж. А. Зайончковская пишет: «Она все больше характеризуется чертами, типичными в наше время для эмиграции из многих стран» [6]. С падением железного занавеса и распадом СССР эмиграция становится более разнообразной, появляются новые формы миграционной активности, не существовавшие до 1991 г.: временная, трудовая, семейная миграция, «утечка мозгов», «утечка невест» и т. д. На смену государственному планированию и регулированию мигрантских потоков приходит индивидуальная активность граждан, она выступает пусковым механизмом для принятия решения и планирования отъезда.

Говорить о серьезных, лишенных идеологической обработки научных исследованиях миграционных намерений граждан СССР в те годы не приходится. Учетом и контролем этого процесса занимались органы МВД и КГБ, статистические данные об отъезжающих были по большей части засекречены. Открытые обсуждения и научные исследования этого вопроса стали возможны лишь в период перестройки. Можно отметить следующие психологические факторы, подтолкнувшие к эмиграции:

- фрустрацию в результате невозможности удовлетворения базовых психологических потребностей (отсутствие социальной защиты, ощущение опасности, исходящей от государства, перманентная озабоченность, дефицит продуктов питания и т. д.);

- искусственно созданную сегрегацию по национальному признаку. Евреи, немцы, греки и др. народы зачастую ощущали себя чужими, не могли в полной мере реализовать свой личностный потенциал. Социальная категоризация (А. Тэшфел, Д. Брунер) и противопоставление «свой – чужой» находило проявление не только в фольклоре, но и в социальной жизни, действуя в качестве механизма выталкивания из страны (push-pull). В то же время активно действующие программы репатриации, предложенные Германией и Израилем, были притягательны для граждан СССР.

На основании изложенных фактов мы можем утверждать, что не существует единых «миграционных намерений», в зависимости от социальной ситуации структура и особенности реализации намерений различаются.

Безусловно, предложенная нами периодизация достаточно проста, но все же помогает создать общее впечатление о миграционных процессах в России. В качестве альтернативной, и в чем-то даже более детальной, периодизации мы можем сослаться на работы А. Ахиезера [1. С. 44], который подошел более фрагментарно и вычленил следующие этапы: 1) до 1861 г.; 2) 1861–1880-е гг.; 3) 1890–1914 гг.; 4) 1917–1952 гг.; 5) 1952–1992 гг.; 6) с 1 января 1993 г. (дня вступления в действие Закона о въезде и выезде).

В настоящее время наблюдается постепенное увеличение количества эмигрантов, которое падкие до сенсаций журналисты поспешили объявить 4-й волной. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики [11], в 2009 г. выехало за рубеж 32 458 чел., 2010-м – 33 578, 2011-м – 36 774, 2012-м – 122 751,

2013-м – 186 382, 2014-м – 308 475 [12], хотя имеется ряд проблем [10], которые ставят под вопрос эти цифры:

- отсутствие единообразной, открытой и понятной системы учета мигрантов и эмигрантов, а также их структурных характеристик. Вместо этого есть различные ведомственные методики и приказы по учету и сбору первичной информации, которые, естественно, руководствуются частными интересами ведомств и служб, а не представлением объективной картины. Предоставляемая наверх информация с мест оказывается искаженной;

- находящаяся в открытом доступе федеральная статистика базируется на закрытых ведомственных источниках, которые не могут быть проверены;

- постоянное отставание используемых методов и статистических категорий учета от социальной реальности. Одной из таких проблем становится «миграционный недоучет»: граждане, меняющие место проживания, не обязаны сниматься с регистрационного учета. «Снимаются с учета только те, кто продают свое жилье и уезжают на постоянное место жительства» [8]. Вне поля зрения остается огромная категория людей: работающие дистанционно фрилансеры, студенты, обучающиеся за рубежом, бизнесмены, появляющиеся на родине эпизодически, и т. д. [9]. Совокупность этих факторов оказывает решающее влияние на итоговые цифры миграционного учета, но даже сейчас любой активный исследователь может выявить значительное расхождение в данных, предоставляемых Росстатом (базирующихся на сведениях МВД и ФМС), и сведений из принимающих стран. Так, М. Денисенко и др. показывают, что «эта разница может достигать до 20 %» [5. С. 14]. Необходимо отметить, что начиная с 90-х годов в России стал появляться целый ряд интересных работ, отходящих от магистральных вопросов мигрантологии и нацеленных на изучение психологического содержания миграционных намерений. Необходимо отметить работы следующих авторов: Р. Р. Ишмухаметова («Депривация потребности в самореализации как фактор миграционной готовности личности»), Л. Леденевой («Не потеряет ли Россия своих Платонов и Невтонов?»), Е. О. Скрипника («Пространственная экономика»), Л. Б. Карачуриной, Н. В. Мкртчяна («Миграционная активность занятого и незанятого населения»), С. В. Чувашова («Взаимосвязь социально-психологического капитала и миграционных намерений молодежи»), А. Н. Татарко, А. А. Мироновой, С. В. Чувашова («Влияние культурного многообразия на социальный капитал в российском контексте»), Т. А. Рябиченко, Н. М. Лебедевой («Отношение к иммиграции и субъективное благополучие принимающего населения»), Г. У. Солдатовой («Психология межэтнической напряженности»), Ю. П. Зинченко, Л. А. Шайгеровой, Р. С. Шилко («Психологическая безопасность личности и общества в современном информационном пространстве») и целый ряд других, не менее интересных работ.

Если обобщить основные идеи сформулированные к настоящему времени, то можно утверждать следующее:

1. Социально-экономическая ситуация в России напрямую влияет на миграционные намерения россиян, но не всегда приводит к реальным действиям. Большинство респондентов указывают в качестве основных причин: финансовую ситуацию, социальную незащищенность, непредсказуемость и отсутствие стабильности. В итоге мы имеем повышенную тревожность и неудовлетворенную психологическую потребность в безопасности.

2. Частные предприниматели, женщины, студенты, жители городов с населением до 100 тыс., а также лица, находящиеся в активном поиске работы, чаще задумываются об эмиграции, но доводят свои намерения до реализации около 1 % [4], в основном это состоятельные, образованные представители среднего класса, проживающие в городах с населением более 100 тыс. человек. Хотели бы уехать порядка 22 % (в разные годы, в зависимости от социальной ситуации, этот показа-

тель колеблется). Таким образом, больше всего желающих уехать – в группе респондентов, имеющих минимальные шансы на переезд и получение визы. Очевидно, для данной социальной группы намерения выполняют роль жизненного стиля, психологической защиты от неудовлетворяющей социальной реальности.

3. Молодой возраст до 40 лет, наличие высшего образования, знание иностранного языка, опыт стажировок за рубежом, отсутствие семьи увеличивают вероятность переезда. Безусловно, это наиболее перспективная прослойка общества, но даже в этом случае мы не можем говорить об «утечке мозгов» [3. С. 44]. «Утечка мозгов» возможна только из антидемократического (закрытого) общества, в условиях открытого общества, включенного в общемировые процессы интеграции и коммуникации, уместнее говорить о «мозговом обращении» идей и концепций.

4. Низкая социальная включенность, низкий уровень социально-психологического капитала личности, недоверие к социальным институтам и слабо развитая гражданская идентичность препятствуют формированию ощущения принадлежности к обществу и стране в целом. Зачастую государственная и бюрократическая машина воспринимается как угрожающая, отсутствует базовое доверие граждан к органам власти, которыми социальная политика и права человека игнорируются. Все это приводит к росту миграционных настроений в стране. Постоянное ощущение психологического стресса, неудовлетворенность потребности в безопасности подталкивают индивида к поискам более стабильной социальной среды.

Интересные результаты дают разнообразные опросы общественного мнения в отношении эмигрантов. В одном из опросов ВЦИОМ респондентов просили описать эмигранта. Им оказался молодой мужчина, работник частного сектора, предприниматель, с высоким уровнем дохода, наличием высшего образования, гетеросексуал; проживает в мегаполисе, творческая личность, находится в политической оппозиции [13]. Данные о самых значимых событиях, связанных с темой эмиграции для россиян, представлены в таблице 1 (часть новостей была в дальнейшем скорректирована).

Таблица 1

ТОП-5 самых заметных в российских СМИ тем в контексте «эмиграции»

Рейтинг	Событие	Заметность события
1	К. Собчак покинула Россию по рекомендации спецслужб	148,02
2	Основатель фонда «Династия» Д. Зимин уехал из России	94,02
3	Переезд М. Гайдар на Украину	68,17
4	Основатель социальной сети «ВКонтакте» П. Дуров уехал из России	62,98
5	Обсуждение законопроекта о выплате пенсий пенсионерам, проживающим за рубежом	60,51

Колебания миграционных намерений россиян с разбивкой по годам представлены в таблице 2 [14]:

Таблица 2

**Хотели бы вы уехать за границу (за пределы бывшего СССР)
на постоянное жительство?**

Ответы	окт. 1990	апр. 1992	мар. 1993	окт. 1994	апр. 2009	май 2011	май 2012	май 2013	май 2014
Определенно да	11	13	15	11	13	7	6	6	5
Скорее да						15	14	16	12
Скорее нет	69	77	72	76	80	25	27	29	32
Определенно нет						48	46	40	45
Затрудняюсь ответить	20	10	14	13	6	5	8	9	7

Исследования миграционных намерений, проведенное Л. Д. Гудковым и др. [4], выполненное по принципу соотнесения: планов на отъезд; социального положения респондентов; отношения к ситуации в стране; предпринятых для миграции действий и субъективного восприятия жизненных перспектив, – выявило следующие закономерности. Миграционные намерения в большинстве случаев – это прожекты, которые хотя и колеблются в зависимости от происходящих в стране событий, но реализуются в редких случаях, они являются формой психологической защиты личности и могут выполнять следующие функции:

- избежать травмирующего столкновения с не удовлетворяющей индивида реальностью (аффективный уровень);
- сохранять прежнюю инертность и бездействие (поведенческий уровень);
- делегировать ответственность за свою жизнь на третьих лиц: чиновников, правительство и т. д. (когнитивный уровень);
- поддерживать представление о собственной исключительности, уникальности.

В качестве аналогии тезиса «миграция – как избегание неудовлетворяющей реальности», можно провести аналогию с «бегством – в болезнь» (З. Фрейд): в обоих случаях действует схожий защитный механизм избегания.

Больше всего желающих уехать среди мужчин, жителей небольших городов (с населением до 100 тыс. чел.), рабочих и служащих, представителей нижней части среднего класса, со школьным уровнем владения иностранным языком. Не более 3 % от числа заявивших о своих намерениях уехать предпринимают реальные шаги: рассылают документы, ищут работу, оформляют визу и т. д. (жители Москвы более активны), а не просто собирает информацию. Иными словами, за миграционными намерениями стоят «не столько мотивы реального действия, сколько символическая конструкция групповой или личностной идентичности» [4. С. 79]. Результаты указанного исследования показывают, что разговоры об эмиграции чаще ведут люди, обладающие низким уровнем социального капитала и испытывающие притязания на большее, чем имеют в реальности.

Выводы:

1. Миграционные планы большинства россиян в большинстве случаев являются прожектами, без тенденции к реализации. Их основная цель – психологическая защита, избегание реальных проблем.

2. Миграционные намерения и миграционные действия россиян зачастую направлены на удовлетворение различных психологических потребностей. В первом случае это психологическая защита, во-втором – активная попытка изменить условия существования.

Литература

1. Ахиезер А. Прошлое и настоящее эмиграции из России // Миграционная ситуация в России: социально-политические аспекты. – М. : Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН, 1994. – С. 44–45.
2. Васькович Д. С. Иммиграционная политика Российской Федерации – динамика изменений : автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М. : Изд-во Высшей школы экономики, 2009.
3. Гольдфельд М. Г. Исход науки из России: есть ли свет в конце туннеля? // Химия и жизнь. – 2007. – № 92. – С. 44–50.
4. Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Отъезд из России как социальный диагноз и жизненная перспектива // Вестник общественного мнения. – 2011. – № 4. – С. 46–80.
5. Денисенко М., Хараева О., Чудиновских О. Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада // Научные труды / Институт экономики переходного периода. – М., 2003.
6. Зайончковская Ж. А. Эмиграция в дальнее зарубежье // Демоскоп Weekly. – 2001. – 30 июля – 12 августа. – № 27–28. – URL: <http://www.demoscope.ru/acrobat/ps58.pdf>
7. Полян П. М. Жертвы двух диктатур: жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. – 2-е изд., перераб. и доп. / предисл. Д. Гранина. – М. : РОССПЭН, 2002. – С. 135–136.
8. Рахманинова М. Никто точно не знает, сколько человек уехало из России // Известия. – 2003. – 16 декабря. – С. 11.
9. Тольц М. Статистический анализ эмиграции евреев из России // Мир в зеркале международной миграции. – М. : Макс-пресс, 2002. – С. 196–210.
10. Чудиновских О. Причины и последствия кризиса российской миграционной статистики // Отечественные записки. – 2004. – № 4 (19).
11. Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. – Разд. : Население. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/
12. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 году // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_107/Main.htm
13. Эмигранты из России: сколько их? Кто они? // ВЦИОМ : [сайт]. – Пресс-выпуск № 2902. – 2015. – 14 августа. – URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115348>
14. Эмиграционные настроения : пресс-выпуск // Левада-центр : [сайт]. – 2014. – 5 июня. – URL: <http://www.levada.ru/05-06-2014/emigratsionnye-nastroeniya>

**Оптимизация управления
экономикой России:
финансово-экономические,
математические
и информационно-компьютерные модели**

УДК 338:378.1

Валько Данила Валерьевич
канд. экон. наук, научный сотрудник
ОУ ВО «Южно-Уральский институт управления
и экономики» (г. Челябинск)
E-mail: lex_13@list.ru

Valko Danila Valer'yevich
Candidate of Economics,
researcher of South-Ural Institute
of Management and Economics (Chelyabinsk)

**РЕСУРСНАЯ СТРУКТУРА
СТРАТЕГИЧЕСКОГО
ПОТЕНЦИАЛА
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

**RESOURCES
OF THE STRATEGIC
POTENTIAL FRAMEWORK
OF HIGHER EDUCATION
ORGANIZATION**

Аннотация

В статье рассмотрены подходы к описанию ресурсной модели стратегического потенциала организации, раскрыты особенности образовательной организации высшего образования с точки зрения компонентов стратегического потенциала. Предложены архитектура и состав ресурсов стратегического экономического потенциала образовательной организации высшего образования, которые наиболее полно отвечают основным задачам его использования и сущностным признакам.

Ключевые слова: стратегический потенциал; экономический потенциал; стратегия организации; структура стратегического потенциала; ресурсы образовательной организации; образовательная организация, высшее образование.

Abstract

The article describes the approaches to the description of the resource model, the strategic capacity of the organization; it reveals the features of the educational organization of higher education in terms of the strategic potential components. An architecture and structure of the strategic resources of the higher education organization economic potential is suggested to meet best the main objectives of its use and essential characteristics.

Keywords: strategic potential; economic potential; the organization's strategy; structure; strategic potential; resources; educational organization; educational organization; higher education.

Стратегический потенциал организации – сложная и многогранная экономическая категория. Поэтому разработка методологических основ ее исследования представляется особенно важной и возможной только на междисциплинарной основе [15]. В. В. Васильева в работе «Управление стратегическим потенциалом организации» доказывает, что методологической основой исследования стратегического потенциала организации может выступать ресурсная модель разработки организационной стратегии, так как в ней последовательно проводится принцип зависимости стратегии организации от ее наличных и приобретаемых ресурсов, а также компетенций [4].

Методологическое значение рассматриваемой В. В. Васильевой модели определяется следующими тезисами [Там же]:

– ресурсная модель является проактивной, упреждающей, поскольку организация может предвидеть направления изменений во внешней среде и опережающим образом создавать и укреплять стратегический потенциал, а не реагировать на изменения во внешней среде после того, как они произошли (традиционная реактивная модель);

– ресурсный поход предполагает, что организации активно воздействуют на окружающую среду и тем самым уменьшают ее неопределенность через систему стейкхолдеров, создание коалиций, альянсов, конгломератов;

– ресурсная модель является комплементарной, т. е. в максимальной степени опирающейся на системный подход, учитывающий не только экономические, но и социальные концепции, что позволяет ей представлять подходы и принципы различных школ стратегического менеджмента;

– ресурсная модель делает акцент на значимости институциональных механизмов в определении стратегического выбора, т. е. на учете как требований менеджмента организации, так и требований внешних стейкхолдеров.

Ряд исследователей (И. А. Аренков, Я. Ю. Салихова и др. [1]), изучая основные пути развития конкурентного потенциала предприятия, в рамках ресурсной модели выделяют использование внешних и внутренних возможностей и ресурсов. В. В. Рохчин и А. В. Полянский [10] отмечают, что ядром стратегического потенциала является его ресурсный потенциал, включающий материальную и нематериальную составляющие. Материальная составляющая потенциала, в свою очередь, включает совокупность локальных потенциалов: материально-технический, трудовой (кадровый), инвестиционно-финансовый, инновационный, экономико-географический, институциональный потенциалы.

Такая широкая трактовка ресурсной модели позволяет связать с ней концепцию динамических способностей [14] и ключевых компетенций [17] в рамках стратегического менеджмента. В связи с этим ресурсная модель формирования и исследования стратегического потенциала организации может быть признана наиболее адекватной, вместе с тем конкретный состав и структурные взаимосвязи ресурсов надлежит определять в зависимости от специфики деятельности организации.

По нашему мнению, обобщенная структурная группировка элементов стратегического потенциала организации может быть показана на рисунке 1. Иными словами, стратегическое (целевое) состояние организации (O_S) требует реализации стратегии (S) для организации в исходном состоянии (O_0). Реализация стратегии, как управляемый процесс (M) комбинации наличных и перспективных ресурсов и технологий (R), позволяет достичь стратегического состояния организации при условии внутренисбалансированного развития организации и максимизации результатов ее деятельности (V_S). При этом технологии можно трактовать как особый вид ресурса, охватывающий как материальные, так и нематериальные, в том числе компетентностные, составляющие.

Предполагается, что существует хотя бы одна такая стратегическая альтернатива (S_i), обуславливающая стратегическое состояние организации, при котором результаты деятельности организации максимизируются:

$$\left. \begin{array}{l} O_S = f(O_0, S, R, M) \\ \exists O_S, V_S \rightarrow \max \end{array} \right\} \quad (1)$$

Таким образом, стратегический потенциал в количественном аспекте (P_S) представляет собой меру соответствия (\approx) текущего состояния организации (в том числе ресурсов и системы управления) требованиям стратегии и будущему стратегическому состоянию:

$$O_0 \approx P_S \approx O_S, V_S \rightarrow \max$$

$$P_S = \frac{S}{R \approx M} \quad (2)$$

По нашему мнению, именно такая архитектура стратегического экономического потенциала организации наиболее полно отвечает основным задачам его использования и сущностным признакам.

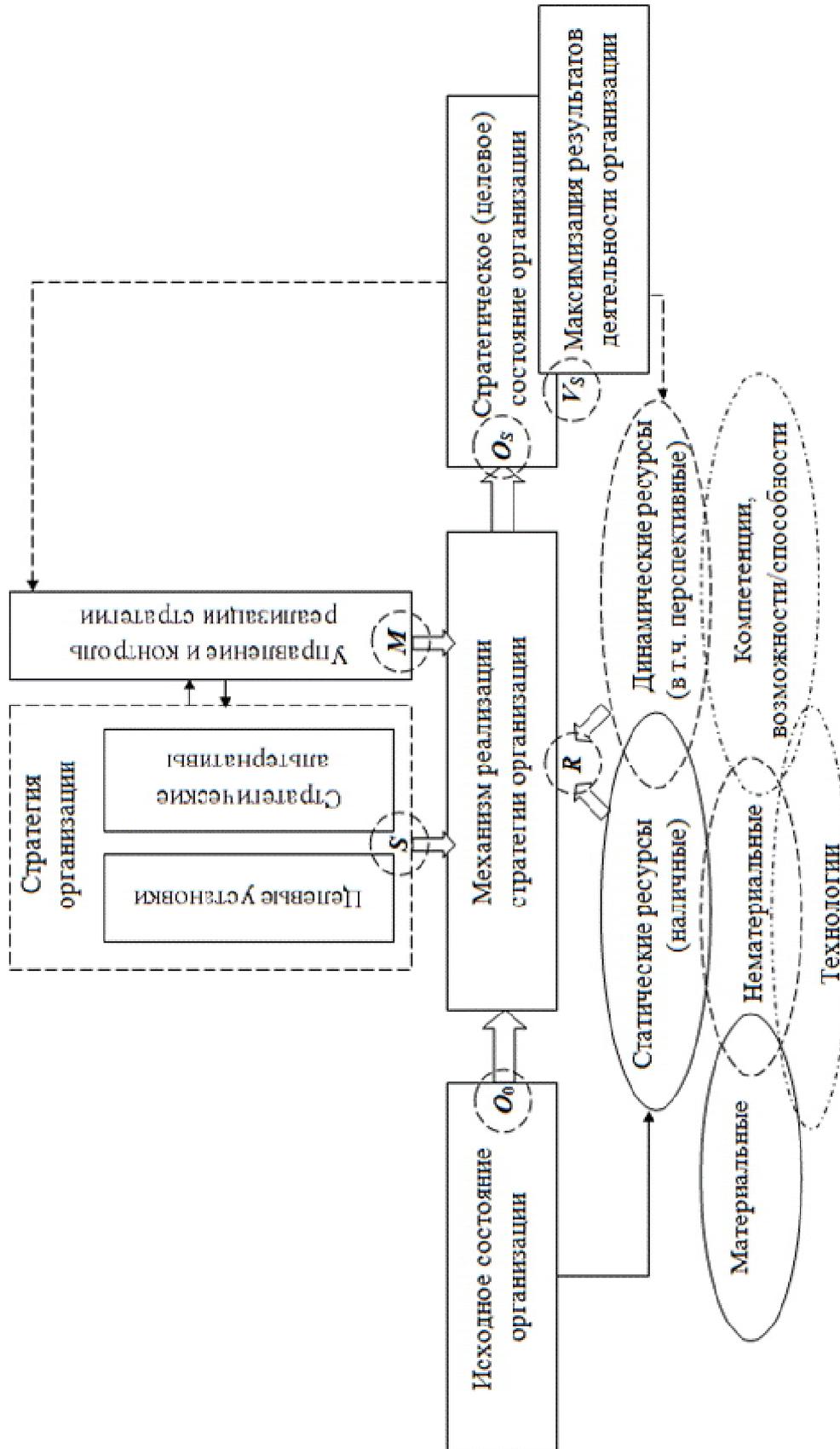

Рис. 1. Обеспечение механизма реализации стратегии организации

В современном понимании [13], полезная и результативная стратегия должна быть:

- видимой;
- релевантной, т. е. включающей все актуальные элементы организационного окружения, внутренние тактические шаги, бизнес-модель;
- простой, т. е. понятной всем сотрудникам на всех уровнях ее реализации.

Этим условиям в достаточной мере отвечает декомпозиция стратегической цели на следующие элементы:

- необходимые условия;
- связанные с ними критические факторы;
- желательные эффекты, понятные всем заинтересованным лицам;
- промежуточные цели (задачи) и решения к ним.

Таким образом на каждом этапе стратегии (S) и для каждой задачи (T_i) могут быть определены необходимые ресурсы (R_i) и управленческие воздействия (M_i), а индикатором их достаточности для эффективного решения может служить частный потенциал (P_i). Очевидно, что совокупность частных потенциалов складывается в стратегический потенциал, с учетом потерь на декомпозицию и свертку:

$$\begin{aligned}
 T(S) &\approx \sum T_i \\
 P_i &= \frac{T_i}{R_i \text{ и } M_i} \\
 P_S &\cong \sum P_i
 \end{aligned}
 \tag{3}$$

С учетом того, что стратегические решения и стратегические инновации имеют высокую значимость в комплексе взаимосвязанных характеристик [14], а именно: огромной цены последствий, редкости, неповторимости (а следовательно, невозможности учиться на ошибках), а также необратимости решений (поскольку стратегические изменения требуют концентрации всех ресурсов, повторить которые невозможно), – очевидно, что корректная сущностная трактовка и достоверная оценка стратегического потенциала организации сама по себе является ключевой компетенцией для любой организации.

В современном мире значение образования как одного из важнейших факторов формирования нового качества экономики и общества увеличивается вместе с ростом влияния человеческого капитала. Отечественная политика в области образования, отражая общенациональные интересы в сфере образования и предьявляя их мировому сообществу, учитывает вместе с тем общие тенденции мирового развития, обуславливающие необходимость существенных изменений в системе образования, в том числе [6]:

- ускорения темпов развития общества, расширения возможностей политического и социального выбора, что вызывает необходимость повышения уровня образованности граждан и готовности к такому выбору;
- перехода к постиндустриальному, информационному обществу, значительного расширения масштабов межкультурного взаимодействия, в связи с чем особую важность приобретают факторы коммуникабельности и толерантности;
- усугубления глобальных проблем, которые могут быть решены лишь в результате сотрудничества в рамках международного сообщества, что требует формирования современного мышления у нового поколения;
- динамичного развития экономики, роста конкуренции, сокращения сферы неквалифицированного и малоквалифицированного труда, глубоких структурных изменений в сфере занятости, определяющих постоянную потребность в повышении профессиональной квалификации и переподготовке работников, росте их образовательной и профессиональной мобильности;

– возрастания роли человеческого капитала, который в развитых странах составляет 70–80 процентов национального богатства, что, в свою очередь, обуславливает интенсивное, опережающее развитие образования.

В рамках модернизации образования провозглашаются следующие приоритетные и взаимосвязанные задачи:

- обеспечение государственных гарантий доступности и равных возможностей получения полноценного образования;
- достижение современного качества образования;
- формирование в системе образования нормативно-правовых и организационно-экономических механизмов привлечения и использования внебюджетных ресурсов;
- повышение социального статуса и профессионализма работников образования, усиление их государственной и общественной поддержки;
- развитие образования как открытой государственно-общественной системы на основе распределения ответственности между субъектами образовательной политики и повышения роли всех участников образовательного процесса.

В свете этого представители сферы образования считают, что низкая заинтересованность экономики в научно-интеллектуальном ресурсе, создаваемом системой образования, и особенно сектором высшего образования, обусловлена невосприимчивостью производственных систем [2]. Отсутствие массового спроса предприятий на интеллектуальную компоненту связано с неудовлетворительными темпами инновационной модернизации российской промышленности, с зависимостью от сырьевых факторов.

С другой стороны, представители производства констатируют замкнутость образовательных систем на целях саморазвития, следствие которого – низкое качество образовательных услуг и научного продукта, слабое наращивание научного и интеллектуального потенциала, способного обеспечить инновационную компоненту развития современных предприятий.

Многие исследователи отмечают также отсутствие статистического подтверждения связи личных доходов и образовательного уровня населения, прибыли предприятий и образовательного статуса работников [11]. М. П. Тодаро, исследователь факторов экономической динамики, на примере государств Латинской Америки показал, что рост образовательного уровня населения не приводит автоматически к увеличению ВВП этих стран, а лишь усиливает социальное расслоение общества [12].

Вместе с тем очевидно, что, в конечном счете, развитие интеллектуального потенциала – продукта системы образования, прирастающего новыми знаниями, обеспечивает инновационно-технологическое совершенствование производства и воплощение его в приросте общественного продукта, т. е. обеспечивает общеэкономический рост.

Необходимым и, по всей видимости, недостаточно развитым элементом этого механизма является взаимосвязь содержательных аспектов образования с целевыми индикаторами развития производственных единиц страны и регионов, а по структурным аспектам – с прогрессивными (сетевыми, кластерными) формами организации экономического пространства.

В соответствии со ст. 21–23 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», образовательная деятельность осуществляется образовательными организациями. Согласно п. 18 ст. 2 данного закона [8] образовательная организация – некоммерческая организация, осуществляющая на основании лицензии образовательную деятельность в качестве основного вида деятельности в соответствии с целями, ради достижения которых такая организация создана.

Образовательная организация создается в форме, установленной гражданским законодательством для некоммерческих организаций. Образовательная организация в зависимости от того, кем она создана, является государственной, муниципальной или частной.

Таким образом, образовательной организацией является любая некоммерческая организация с учетом указанных ограничений [7]. Согласно п. 3 ст. 50 Гражданского кодекса РФ юридические лица, являющиеся некоммерческими организациями, могут создаваться в форме потребительских кооперативов, общественных или религиозных организаций (объединений), учреждений, благотворительных и иных фондов, а также в других формах, предусмотренных законом. К числу таких законов относится, например, Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». Соответственно, некоммерческие организации не сводятся только к учреждениям. Образовательное учреждение же является частным случаем образовательной организации. При этом очевидно, что государственные и муниципальные образовательные организации будут существовать в форме автономных, бюджетных или казенных образовательных учреждений (п. 2 ст. 120 Гражданского кодекса РФ).

Образовательная организация высшего образования – образовательная организация, осуществляющая в качестве основной цели ее деятельности образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования и научную деятельность.

Таким образом, к основным характерным чертам образовательных организаций, закрепленным в действующем законодательстве, могут быть отнесены следующие:

- некоммерческий тип организации, осуществляющей образовательную деятельность;
- наличие в оперативном управлении имущества, переданного учредителем для осуществления образовательного процесса и иной деятельности (в том числе приносящей доходы);
- право на доходы от собственной деятельности, на продукты интеллектуального и творческого труда и самостоятельное распоряжение этими доходами;
- определенные государственные гарантии, связанные с приоритетностью сферы образования, в том числе налоговые льготы.

Рассмотрим некоторые структурные характеристики сферы высшего образования. Сложившаяся структура образовательной отрасли высшего образования, отражаемая государственной статистикой, представлена двумя видами образовательной организации – государственными и негосударственными учреждениями (иногда автономными некоммерческими организациями).

В числе некоторых отличий негосударственных вузов от государственных обычно называются:

- в государственных высших учебных заведениях учредителями являются правительство и органы исполнительной власти, в то время как в негосударственных учредителями являются общественные организации, коммерческие структуры и частные лица;
- источник финансирования государственных учебных заведений – бюджет, а негосударственных – плата обучающихся;
- в негосударственных учебных заведениях практикуется индивидуальный подход к каждому студенту.

В этой связи дальнейшее рассмотрение будем вести в данном разрезе.

Рис. 2. Численность учебных заведений высшего образования

Коэффициент «рождаемости» образовательных организаций высшего образования (рис. 2) находится в отрицательном диапазоне, в среднем за последние пять лет количество организаций ежегодно сокращалось на 28 единиц. При этом соотношение (%) для негосударственных и государственных образовательных организаций в среднем составляет 40/60.

На рисунке 3 представлена численность студентов образовательных организаций высшего образования на 10 000 человек населения, а также цепной темп роста общей численности студентов.

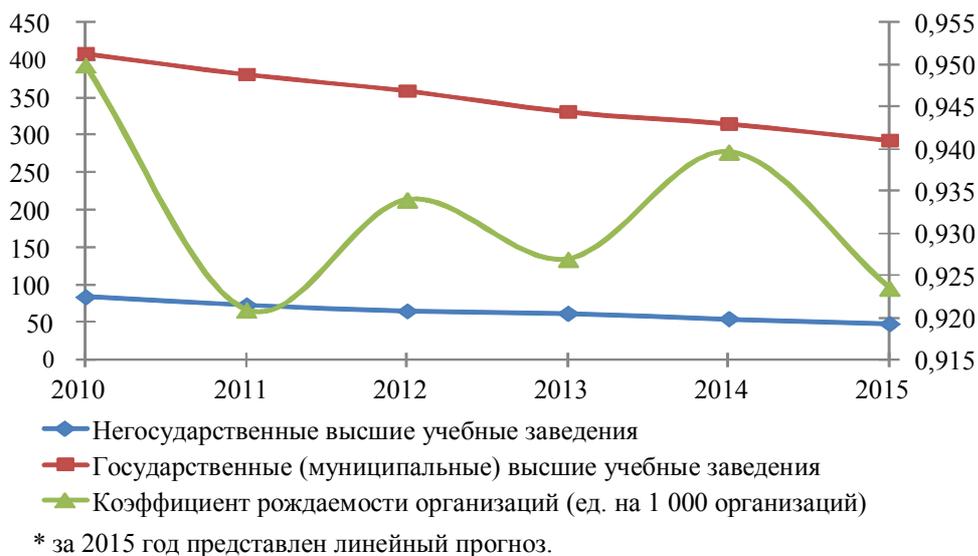

Рис. 3. Численность студентов образовательных организаций высшего образования на 10 000 человек населения

Из динамики видно, что в среднем за пять лет число студентов в государственных образовательных организациях в 5,5 раза больше, чем в негосударственных. В целом динамика роста числа студентов весьма неустойчива и характеризуется нисходящим трендом. При этом линейная корреляция роста численности студентов и коэффициента «рождаемости» образовательных организаций находится на значительном уровне (0,67, и это с учетом малого числа наблюдений), что видно невооруженным глазом.

Анализируя отношение численности профессорско-преподавательского персонала без внешних совместителей к числу образовательных организаций, можно сказать, что средний размер образовательной организации за пять лет практически не изменился. Коэффициент вариации для государственных образовательных организаций составил 1,3 %, а для негосударственных – 6,8 %. В негосударственной образовательной организации в среднем по стране работает около 70 человек, в государственной – 500 человек. В среднем на одного преподавателя в негосударственной образовательной организации приходится 32 человека, в государственной – 17 человек. Из этих цифр можно сделать предварительный (без рассмотрения качества образования и эффективности деятельности) вывод либо о значительной перегруженности персонала негосударственных организаций, либо о существенной избыточности персонала государственных образовательных учреждений.

С учетом общего снижения численности населения страны, притом что доля студенчества (населения в возрасте 15–29 лет) в среднем за пять лет составляет 20 % и продолжает сокращаться, а сама по себе сфера образования является в известном смысле инерционной по отношению к общеэкономической динамике, можно предположить сохранение негативной динамики в долгосрочной перспективе.

Вместе с тем задачи консолидации науки, образования и производства, адекватной современным тенденциям модернизации, а также перспективам кластеризации экономики, определяют создание сложных механизмов взаимодействия образовательных организаций друг с другом, с научными и производственными единицами. Это придает особую актуальность вопросам формирования и развития стратегического потенциала образовательных организаций.

Как нами ранее показано [3], стратегический потенциал организации есть уровень обеспечения стратегии организации необходимыми ресурсами с целью максимизации результатов деятельности. Под необходимыми ресурсами понимается такая комбинация наличных и перспективных материальных и нематериальных ресурсов и технологий, которая позволит обеспечить реализацию стратегии организации и обоснованный выбор стратегических альтернатив в условиях неопределенности, при сохранении внутренне сбалансированного, стратегически устойчивого развития организации.

По мнению А. М. Чуйкина, стратегический потенциал некоммерческих организаций в целом и университетов в частности, а особенно университетов-лидеров, включает такие основополагающие органически взаимосвязанные элементы, как научные исследования мирового уровня и воспроизводство кадров высшей квалификации. На этой основе разрабатываются механизмы воздействия университетов на экономику в рамках их бизнес-модели. Поэтому в стратегическом потенциале современных университетов, как и у коммерческих организаций, определяющую роль играют внутриорганизационные ресурсы и организационные способности, многоканальная система финансирования, обеспечивающие не только выживание, но и необходимое развитие организаций [16].

В рамках данной позиции и с учетом отраслевой специфики структурная группировка ресурсных составляющих стратегического потенциала образова-

тельной организации высшего образования может быть представлена по двум блокам, как показано в нижеследующей таблице.

Ресурсная структура стратегического потенциала образовательной организации высшего образования

Материальные ресурсы R_M	Нематериальные ресурсы R_H	Компетенции, возможности менеджмента R_K	Потенциал внешней среды R_E
Финансовые ресурсы (собственные и заемные источники, государственное и муниципальное софинансирование программ и проектов)	Объекты интеллектуальной собственности (зарегистрированные патенты, программы для ЭВМ, базы данных)	Собственные компетенции менеджеров (знание языков, управленческие навыки, лидерские качества и т. п. Классификация по [9])	Государственное и институциональное регулирование образования (лицензирование, аккредитация и др.)
Трудовые ресурсы (собственные кадровые резервы, кадровый потенциал организации)	Объекты авторского права (изданные научно-методические труды, произведения искусства)	Международные контакты и устойчивые связи (сети)	Спрос и емкость рынка труда, сильные и слабые стороны, возможности и угрозы
Организационные ресурсы (организационная структура, корпоративная культура, формализованное обеспечение бизнес-процессов)	Торговые марки, знаки, репутационный капитал	Контакты и устойчивые связи с государственными органами и официальными структурами, в т. ч. «административный ресурс»	Спрос и емкость рынка образовательных услуг, сильные и слабые стороны, возможности и угрозы
Технологии R_T			Потенциал социального партнерства
Организационно-методическое обеспечение образования, в том числе сертифицированные процессы			Потенциал международного сотрудничества
Реализуемые образовательные технологии, программы и проекты			Возможности диверсификации деятельности

Разумеется, собственные компетенции и возможности менеджмента, помимо наработанных контактов, связей и сетей, включают такие слабо формализуемые способности менеджмента, как способность управлять организацией, подразделениями, группами (командами) сотрудников, проектами и сетями, способность разрабатывать корпоративную стратегию с учетом имеющихся и перспективных ресурсов, способность разрабатывать программы организационного развития и изменений и обеспечивать их реализацию [18] и др.

По нашему мнению, именно такая структура в наибольшей степени соответствует сущности стратегического потенциала образовательной организации и способствует успешному решению управленческих задач.

Литература

1. Аренков И. А., Салихова Я. Ю., Гаврилова М. А. Конкурентный потенциал предприятия: модель и стратегии развития // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 4 (40). – URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3801>
2. Болгова Е. В. Экономическая роль образования: статистический парадокс или проблемы эффективности? // Креативная экономика. – 2011. – № 10 (58). – С. 68–73. – URL: <http://www.creativeconomy.ru/articles/13360/>

3. Валько Д. В. К вопросу о сущности и структуре стратегического потенциала организации // Управление в современных системах. – 2015. – № 2 (6). – С. 7–18.
4. Васильева В. В. Управление стратегическим потенциалом организации : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. – М. : МГУ, 2010.
5. Демьянченко Н. В. Компетенция персонала в системе менеджмента современной организации // Сфера услуг: инновации и качество. – 2012. – № 5. – С. 12–22.
6. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://old.kpfu.ru/news/base/concept.htm>
7. Матвеев В. Ю. Что скрывается за новым термином «образовательная организация», чем этот термин отличается от термина «образовательное учреждение»? // Комментарии к 273-ФЗ. – URL: http://273-фз.рф/voprosy_i_otvety/что-скрывается-за-новым-термином-образовательная-организация-чем-этот-термин
8. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 31.12.2014), с изм. и доп., вступ. в силу с 31.03.2015 // Правовая система «Консультант Плюс». – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=173649>
9. Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 080200 Менеджмент (квалификация (степень) «Магистр») : Приказ Минобрнауки РФ от 18 ноября 2009 г. № 636. – URL: <http://минобрнауки.рф/документы/>
10. Полянский А. В. Сущность и состав стратегического потенциала промышленного предприятия // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – 2013. – № 1. – С. 116–119.
11. Строев В. В. Влияние экономики знаний на интеграционные процессы в высшем образовании : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – СПб., 2008.
12. Годаро М. П. Экономическое развитие: учебник / пер. с англ. под ред. С. М. Яковлева, Л. З. Зевина. – М. : Экономический факультет МГУ : ЮНИТИ, 1997.
13. Чернышев М. А. и др. Стратегический менеджмент. Основы стратегического управления : учебник. – Ростов н/Д : Феникс, 2009.
14. Чуйкин А. М. Концепция динамических способностей и анализ стратегического потенциала обучающейся организации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2011. – № 9. – С. 147–162.
15. Чуйкин А. М. Международная кооперационная способность менеджмента в стратегическом потенциале организации // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2010. – № 5. – С. 107–117.
16. Чуйкин А. М. Методологические основы анализа стратегического потенциала обучающихся организаций // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2010. – № 5. – С. 26–33.
17. Drejer A. Strategic Management and Core Competencies. Theory and Applications. – Quorum Books, 2002.

УДК 378.1:339.1

Гончарова Наталья Алексеевна

преподаватель факультета бизнеса и управления
НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)

Goncharova Natal'ya Alekseyevna

Lecturer at Business and Management Department,
Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

Долгасова Ирина Анатольевна

студентка 4 курса факультета бизнеса и управления
НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)

Dolgasova Irina Anatol'evna

Student, Business and Management Department,
Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

**БРЕНДИНГ КАК СТРАТЕГИЯ
РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
УЧРЕЖДЕНИЯ**

**BRANDING AS A STRATEGY
OF EDUCATIONAL INSTITUTION
DEVELOPMENT**

Аннотация

В данной статье авторы рассматривают теоретические подходы к пониманию сущности бренда вуза. Представлены принципы и этапы формирования бренда образовательного учреждения.

Ключевые слова: конкурентоспособность; брендинг вузов; высшее учебное заведение; образовательная услуга.

Abstract

The article considers theoretical approaches to the understanding of higher educational institution brand. Principles and stages of development of the HEI brand are presented.

Keywords: competitiveness; branding of higher educational institution; higher educational institution; educational service.

Важной целью функционирования высшего учебного заведения является обеспечение и повышение конкурентоспособности, в том числе через комплекс маркетинговых мероприятий, направленных на формирование и развитие бренда. Сформированный бренд вуза гарантирует высокий уровень доверия потребителей, гарантии бюджетного финансирования и поступление дополнительных инвестиций, заинтересованность работодателей в выпускниках вуза.

В настоящее время существует множество подходов к понятию бренд.

Таблица 1¹

Различные подходы к пониманию бренда

Подход	Сущность
Физиологический	Определяет бренд как совокупность раздражителей, создающих в центральной нервной системе образ, построенный на безусловном рефлексе цели
Психологический	Понимается как сумма всех ощущений и эмоций, которые возникают у потребителей и пользователей по поводу функциональных выгод товара
Маркетинговый	Особое наименование и знак, которые предназначены для идентификации схожих образовательных услуг – конкурентов

¹ Составлено авторами.

Процесс формирования бренда основывается на системе принципов, которыми руководствуются вузы в ходе работы при достижении установленных целей (табл. 2).

Таблица 2²

Принципы формирования бренда вуза

Принцип	Содержание
Непрерывность деятельности по созданию бренда вуза	Сбор и анализ поступающих данных об изменении потребностей клиентов, образа бренда вуза
Адресность программ формирования бренда	Создание и осуществление программ развития бренда вуза для строго установленной организации
Ориентация программ формирования бренда на потребителей	Обеспечение потребности проведения исследований рынка образовательных услуг
Партнерские отношения с клиентами	Формирование системы мероприятий информирования, заботы о студентах и возможных потребителях
Синергизм	Повышение результативности за счет использования взаимосвязи и взаимоусиления разных мероприятий маркетинговой деятельности
Параллельность организации программ формирования бренда	Осуществление работ по формированию бренда вуза во внешней и внутренней средах организации
Адаптивность программ формирования бренда вуза	Приспособление способов и характеристик бренда вуза к разным факторам рынка и к определенной ситуации

Реальный образ, как атрибутивная составляющая бренда, как эмоциональный компонент бренда, в совокупности порождают ценность бренда. Ценность бренда создается в течение длительного периода времени (табл. 3).

Таблица 3³

Процесс формирования ценности бренда

Уровни	Ценности	Сущность
1-й	Социальная значимость бренда	Понимание социальной ценности бренда абитуриентом при выборе вуза; приоритет социальных характеристик выпускника-специалиста над его «денежной» оценкой
2-й	Анализ потребительской ценности	Содержит развитие доверия всех участников цепочки потребительской ценности и придания бренду уникальных характеристик; позиционирует его в многообразии рыночных предложений
3-й	Долгосрочная ценность бренда	Формирование и поддержание долгосрочной ценности бренда при помощи маркетинговых исследований

Показатели, обеспечивающие долгосрочную ценность бренда вуза, представлены на рисунке.

² Составлено авторами, с использованием [5].

³ Составлено авторами.

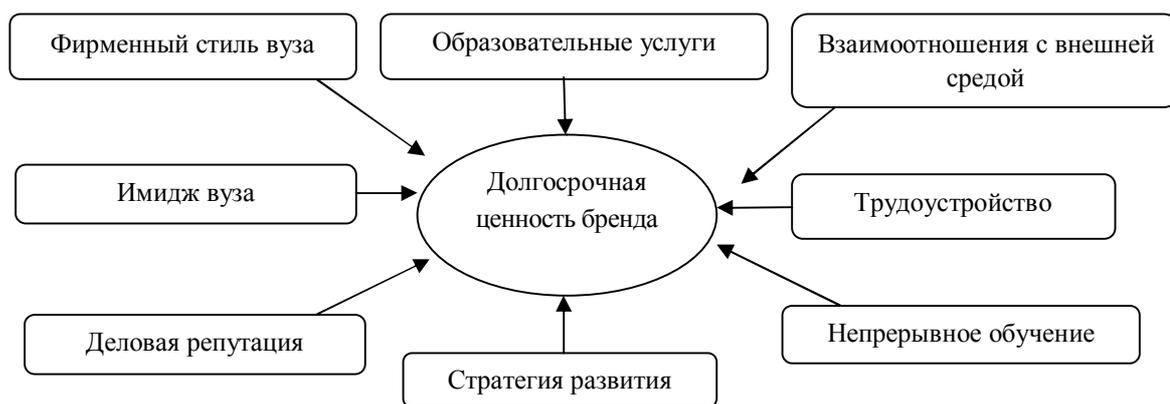

Рис. Показатели, обеспечивающие долгосрочную ценность бренда вуза⁴

Кроме понятия ценности, в сфере высшего образования существует немаловажное понятие «качество услуги», которое неразрывно связано не только с высококачественной подготовкой будущего специалиста, но и с формированием его всесторонне развитой личности.

Потребитель не всегда успевает отследить тенденции рынка труда, а иногда попросту малограмотен для того, чтобы самостоятельно выбрать вуз и конкретную образовательную программу. В таком случае брендинг дает возможность сориентироваться, опираясь на понятные индикаторы: «престижно», «доступно» и т. д. Помимо этого, стоимость бренда, выраженная в денежном эквиваленте, считается необходимым компонентом бренда вуза, оказывающего образовательные услуги на платной основе.

Бренд образовательного учреждения призван вызывать позитивные ассоциации и быть известным и легко узнаваемым не только для собственной целевой аудитории, но и для студентов других вузов. Образование в «брендованном» высшем учебном заведении должно увеличивать личностный бренд студента как в глазах будущих работодателей, так и в глазах студентов иных учебных заведений.

В наши дни проблема поддержания бренда, поиска индивидуальности, уникальности с целью сохранения позиций на рынке образовательных услуг приобретает особую актуальность. Сегодня уже мало продвигать собственную услугу, делая упор исключительно на качество образования.

Вузы станут конкурентоспособными лишь при наличии сильного бренда, предполагающего положительный имидж образовательных учреждений и высокий уровень корпоративной культуры.

Литература

1. Берг Д., Берер М. «Крутые» всегда остаются «крутыми». Брендинг для поколения Y. – СПб. : Питер, 2012.
2. Запесоцкий Ю. А. Бренд и брендинг в жизни современного общества // Национальные интересы. – 2010. – № 9.
3. Зотов В. В. Ценность бренда. – М. : Маркет ДС Корпорейшн, 2010.
4. Карпова С. В., Авдиенко О. Б., Козлова Н. П. и др. Маркетинг для студентов вузов / под общ. ред. С. В. Карповой. – Ростов н/Д : Феникс, 2011.
5. Келлер К. Л. Стратегический бренд-менеджмент: создание, оценка и управление марочным капиталом : пер. с англ. – 2-е изд. – М. : Вильямс, 2005.
6. Линдстром М. Neuology: Увлекательное путешествие в мозг современного потребителя. – М. : ЭКСМО, 2011.

⁴ Составлено авторами путем дополнения [8].

7. Оконкво У. Брендинг в моде класса «люкс»: мастерство создания и управления. – 2-е изд. – М. : Гревцов Букс, 2012.
8. Пьянзина М. Е. Современные бренд-технологии в сфере высшего профессионального образования // Инновационный вестник регион. – 2013. – № 4.1. – С. 32–36.
9. Рожков И. Я., Кисмерешкин В. Г. Брендинг : учебник для бакалавров. – М. : Юрайт, 2013.

УДК 339.18

Щелканова Александра Павловна

студентка 3-го курса факультета компьютерных технологий, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)

Schelkanova Aleksandra Pavlovna

Student, Applied Informatics Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Хмелькова Наталья Владимировна

д-р экон. наук, доцент, завкафедрой экономики и информатизации, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)

Khmelkova Natal'ya Vladimirovna

Doctor of Economics, Associate Professor, Head of Economics and Informatization Chair, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

**КОБРЕНДИНГ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ**

**CO-BRANDING:
THEORETICAL ASPECTS AND
PERFORMANCE EVALUATION**

Аннотация

В статье авторы рассматривают сущность кобрендинга и его влияние на бренды партнеров и потребительское поведение. На примере кобрендингового альянса компаний «Google» и «Nestlé» дается оценка эффективности кобрендинга.

Ключевые слова: кобрендинг; бренд; синергетический эффект.

Abstract

The authors consider the essence of co-branding and its impact on partner brands and consumer behavior. Based on the real cases the co-branding alliance «Google» and «Nestlé» the evaluation of effectiveness is made.

Keywords: co-branding; brand; synergistic effect.

Для современного рынка характерна конкурентная борьба рекламных образов, товарных марок за место в сознании покупателей. В условиях возросшей конкуренции компании пытаются привлечь и удержать потребителей разнообразными программами лояльности. Все чаще в конкурентной борьбе компании ищут союзников, поскольку, объединив усилия, легче завоевать потребителей. В таких случаях речь идет об основании кобрендингового проекта. Совместный брендинг, или кобрендинг (co-branding), возник во время Великой депрессии в США. Такая технология позволяла экономить средства на рекламу и ускорять процесс внедрения в целевую аудиторию.

По сравнению с традиционным маркетингом кобрендинговые программы дают возможность получить больший экономический эффект при меньших финансовых затратах за счет аккумуляции человеческих и финансовых ресурсов партнеров. Кобрендинг рассматривается не только как новый аспект коммуникаций бренда, но и как новый механизм формирования и развития репутационного капитала. Главное в кобрендинге – это концепция, которая позволяет объединить лучшие маркетинговые ходы участников и сделать потребителю новое уникальное предложение.

В статье авторы исследуют теоретические аспекты кобрендинга, а также на примере сотрудничества транснациональной корпорации «Google» (в 2015 году вошла в холдинг «Alphabet») и крупнейшего в мире производителя продуктов питания «Nestlé» изучают его влияние на потребителя и бренды компаний, участвующих в альянсе.

Сущность кобрендинга. Кобрендинг – это сравнительно новое явление в маркетинге, суть которого заключается в объединении двух брендов для достиже-

ния повышения продаж каждого из них и расширения аудитории продукта. Согласно мнению Ж. Н. Капферера, кобрендинг – это комплекс мероприятий, направленных на создание товара, объединяющего в себе несколько брендовых имен для достижения стратегических маркетинговых целей. Кобрендинг, отмечает он, подразумевает «признание того факта, что такая широкая известность этого альянса... представляет собой добавленную ценность» [4].

В рамках кобрендинговых проектов происходит обмен ценностями и объединение гарантий. Факт кооперации сильных брендов априори выступает как гарантия их качества. Таким образом кобрендинг повышает лояльность клиентов и обеспечивает потенциал продаж.

Кобрендинг представляет собой сложную структуру и реализуется по двум направлениям: тактическому (быстрое повышение продаж) и стратегическому (расширение границ целевой аудитории). Примером тактического кобрендинга может служить реклама определенного товара в салоне связи (например, навигаторов «Prestigio»). Такие кампании финансируются совместными усилиями двух брендов, что позволяет сэкономить средства на рекламе и способствует как быстрому повышению продаж рекламируемого продукта (навигатор), так и росту выручки самого магазина. Стратегический кобрендинг ориентирован на расширение целевой аудитории и привлечение новых групп потребителей. В этом случае происходит жесткий отбор компаний и, как правило, заключается альянс сильных брендов, нацеленных на крупные проекты. И тогда авторитет одного бренда влияет на другой, вызывая интерес потенциальных клиентов. Одним из ярких примеров такого альянса является союз автомобильной компании «Fiat» и дома мод «Gucci». Автомобиль «Fiat by Gucci» стал «иконой стиля» и воплощением настоящего итальянского дизайна и стиля. Уникальные детали и эксклюзивные материалы были использованы для выделения «Fiat by Gucci» на фоне остальных транспортных средств.

Виды кобрендинга многочисленны. Среди них можно выделить следующие наиболее популярные форматы:

1. Рекламу одной торговой марки (в основном, марки производителя) под покровительством розничной торговой марки с целью экономии рекламного бюджета (например, продажу смартфонов, собранных «Huawei» – одной из крупнейших китайских фирм в сфере телекоммуникаций, под брендом продавца услуг сотовой связи МТС).

2. Совместные программы лояльности. Примером могут служить пластиковые карты, по которым потребитель может совершать покупки со скидкой в нескольких салонах-магазинах. Например, салон связи «Евросеть» выдает кредитные карты «MasterCard» под брендом «Кукуруза», дающие право на скидку в интернет-магазинах «ОЗОН», «ЛитРес» и т. д. Другой пример – кобрендинговые кредитные карты «Аэрофлота», по которым возможно накопление бонусных миль.

3. Рекомендательный кобрендинг. Например, в телевизионной рекламе стиральных машин «Indesit» компания-производитель рекомендует использовать при стирке порошок «Ariel».

4. Компонентный кобрендинг. Торговая марка продвигает марочный компонент, включенный в состав изделия. Например, сеть супермаркетов цифровой техники DNS в своей рекламе указывает, что в их компьютерах установлены процессоры «Intel».

5. Продуктовый кобрендинг. Выпуск товаров двумя мировыми брендами, в которых одна марка является ведущей, а другая – поддерживаемой. Цель такого приема – усилить свою индивидуальность за счет устойчивых ассоциаций, сложившихся в отношении другого бренда. Например, «Samsung Galaxy S»

заключили альянс с «Giorgio Armani» в целях создания линейки «модных и актуальных» продуктов.

Влияние кобрендинга на бренды и потребителя. Использование нескольких брендов в кобрендинговых программах нацелено на получение синергетического эффекта, предполагающего, что эффективность действий будет выше, чем в том случае, когда участники проекта будут совместно продвигать свои бренды (рис. 1).

Синергетический эффект – это возрастание эффективности деятельности в результате соединения, интеграции, слияния отдельных частей в единую систему за счет так называемого системного эффекта (эмерджентности).

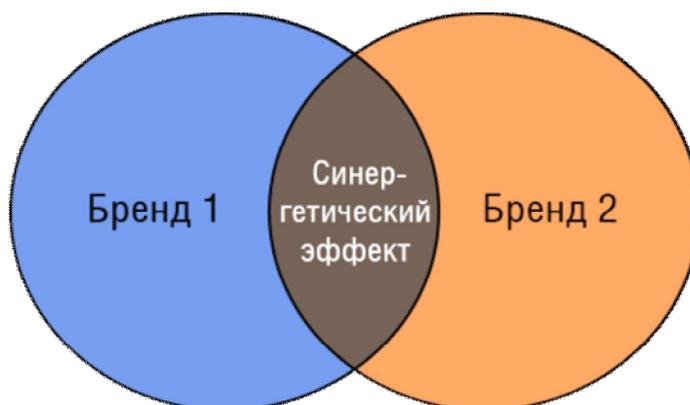

Рис. 1. Синергетический эффект кобрендинга

Синергетический эффект кобрендинга зависит от того, насколько точно выстроена его структура, совместимы ли платформы брендов, усиливают ли бренды друг друга или делают более слабыми. Ситуация ослабления брендов является базовым риском кобрендинга, но его снижает претестинг – совместный аудит брендов на стадии принятия решения о сотрудничестве. Также, для того чтобы кобрендинговая программа работала на пользу обоим участникам, эмоциональное и рациональное восприятие брендов потребителями должно совпадать.

Исходя из данных позиций, можно сформулировать основные принципы кобрендингового сотрудничества, которым необходимо следовать при заключении альянса.

Принцип 1. Добавление эмоциональных выгод второго бренда.

Например, есть Бренд 1. Чтобы усилить его некоторые атрибуты и эффективно воздействовать на определенную часть потребителей, необходим альянс с Брендом 2, абсолютным носителем необходимых выгод. Осознание этих выгод у потребителя происходит на эмоциональном уровне, которыми он наделяет продукт. Когда потребитель видит ноутбук «Acer – Ferrari», он готов воспринимать его мощнее и технологичнее в связи с тем, что он ассоциируется со спортивным автомобилем «Ferrari», абсолютным лидером мощи и скорости, который помогает подчеркнуть его индивидуальность. Немаловажно отметить, что цена ноутбука «Acer – Ferrari» на момент выхода составила \$2 200.

В ходе мужской Fashion Week, «Lamborghini» и «Versace» представили совместную коллекцию. Особенности машины – это ярко-белая внешность с греческим мотивом, интерьер с ручной вышивкой, супермягкие кожаные сиденья. Автомобиль был выставлен на продажу за \$600 000.

Принцип 2. Создание нового продукта или услуги на рынке.

В этом случае оба бренда в равной мере участвуют в создании новейшего и уникального продукта, обладающего абсолютным конкурентным преимуществом.

«Sony Ericsson» – яркий пример такого кобрендинга. В телефоне «Sony Ericsson» были совмещены MP3-плеер «Walkman» и цифровая фотокамера «Cyber-shot» от «Sony». «Mercedes» и «McLaren» объединились, чтобы создать мощный родстер. Это абсолютно новый автомобиль, вобравший в себя роскошь «Mercedes» и революционный инжиниринг автогоночной команды «McLaren». «Nike» и «Apple» имели успех, когда они представили «Nike+» – технологию, которая позволяет отслеживать время, пройденную дистанцию, скорость и количество потраченных калорий.

Оценка эффективности кобрендинга. Одним из наиболее ярких примеров успешного кобрендинга может служить альянс компаний «Google» и «Nestlé». 3 сентября 2013 года компания «Google» объявила название седьмой мобильной операционной системы «Android». Создатели одной из самых популярных в мире мобильной платформы объединили свои усилия с крупнейшей в мире компанией по производству продуктов питания «Nestlé», чтобы дать своей платформе имя «Android KitKat».

Такой альянс озадачил большинство специалистов по инженерным новинкам. В связи с этим М. Ванлерберг, директор по маркетингу «Android», пояснил, что «KitKat» является лучшим именем для операционной системы, начинающимся на букву «К». «KitKat» – это вкуснейший шоколад, которым увлекаются разработчики во время перерыва с самых первых дней появления «Android». В свою очередь, П. Бул, директор по маркетингу «Nestlé», объявил, что данное сотрудничество, безусловно, позволит увеличить количество любителей «KitKat», восстанавливающих свои силы во время перерыва с помощью данного шоколада. В октябре 2013 года на 19 рынков, включая Россию, было выпущено более 50 миллионов специально маркированных плиток «KitKat». Информация на упаковках приглашала покупателей посетить веб-сайт www.android.com/versions/kit-kat-4-4, где они могли поучаствовать в акции и выиграть призы, включая ограниченное количество планшетов «Google Nexus 7». Также были обозначены такие призы, как специальные ваучеры для использования в «Google Play» (онлайн-магазине «Google»).

В 2015 году «Nestlé» и «Google» продолжили поддерживать свой альянс. В рамках рекламной кампании, посвященной 80-летию «KitKat» и 10-летию «YouTube», компания «Nestlé» приняла решение временно переименовать шоколадные батончики из «KitKat» в «YouTube Break».

В начале декабря 2013 года, спустя два месяца после выхода на рынок, доля операционной системы «Android KitKat» составляла лишь 1,1 % (рис. 2).

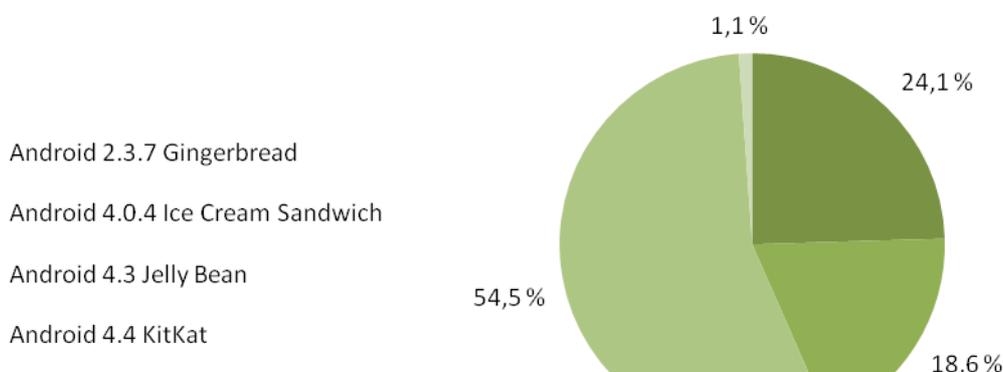

Рис. 2. Рыночная доля «Android KitKat», 2013 г.

3 ноября 2014 года «Google» представила новую операционную систему «Android Lollipop». Тем не менее на сегодняшний день самой популярной платформой остается «Android KitKat» с долей 39,8 %.

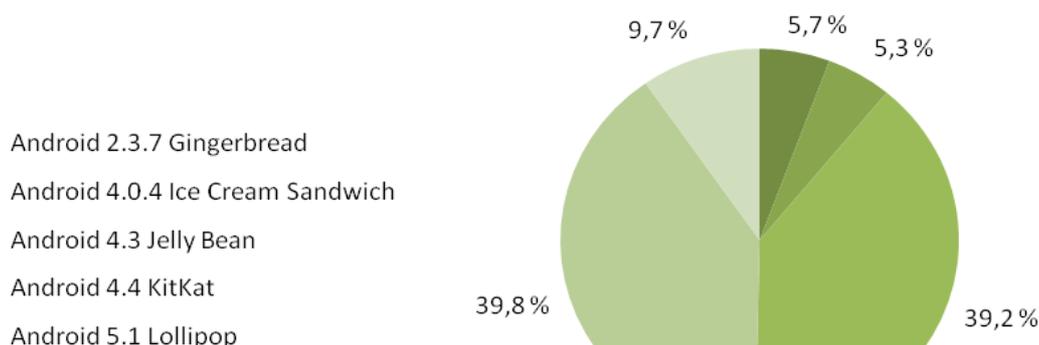

Рис. 3. Рыночная доля «Android KitKat», 2015 г.

С 20 сентября 2013-го по 20 января 2014 г., в честь выпуска новой версии платформы «Android KitKat», «Nestle» проводила акцию, в которой покупатели «KitKat» могли выиграть планшет «Nexus 7».

В официальной группе «KitKat» «ВКонтакте» был проведен опрос (рис. 4) с целью выяснить, сколько участников группы принимали участие в такой акции. В итоге, проголосовало 895 человек из 264 397.

Рис. 4. Опрос в официальной группе «KitKat»

Подавляющее большинство (35,4 %) опрошенных респондентов приняло участие в акции. Меньшее число (23,5 %) ее проигнорировало. При этом 30,2 % респондентов указали, что не знали о ее проведении.

Заключение. Кобрендинг – довольно действенная маркетинговая стратегия, благодаря которой все участники проекта получают выгоды, такие как расширение клиентской базы, снижение затрат на рекламу, возможность выхода со своими товарами на смежные рынки. Кобрендинговые программы работают на узнаваемость и лояльность потребителей к бренду, представляют собой перспективное направление развития бизнеса.

По результатам работы мы пришли к выводу, что благодаря кобрендингу повышается узнаваемость брендов компаний-партнеров, улучшается их имидж, растет рыночная доля. В свою очередь, потребителям содружество брендов позволя-

ет получить различные выгоды, предусмотренные кобрендинговым проектом, например разнообразные бонусы, скидки или призы в рамках программ лояльности для клиентов.

Источники

1. Аакер Д. Создание сильных брендов. – М. : ИД Гребенникова, 2003.
2. Гэд Т. 4D Брэнддинг. Взламывая код сетевой экономики. – СПб., 2001.
3. Журавель В. А. Ко-брендинг против кризиса – 2013. – URL: <http://goo.gl/xkhziZ>
4. Капферер Ж.-Н. Бренд навсегда: создание, развитие, поддержка ценности бренда. – М. : Вершина, 2007.
5. Официальное сообщество «KitKat» Россия [Электронный ресурс]. – URL: <https://goo.gl/4ZP6s2>
6. Пиханова С. А., Беленко О. Ф. Маркетинговые исследования : учеб.-метод. пособие. – Хабаровск : ХГАЭП, 2012.
7. Android Developers [Электронный ресурс]. – URL: <http://goo.gl/znIFOu>
8. BBC News [Электронный ресурс]. – URL: <http://goo.gl/UeLNUv>
9. Google [Электронный ресурс]. – URL: <https://goo.gl/JFyW9r>
10. Nestlé [Электронный ресурс]. – URL: <http://goo.gl/Jqgprx>
11. Top 100 Most Powerful Brands of 2009 / BrandZ. – 2008. – URL: <http://goo.gl/pVOn7f>

**Правовая и политическая культура
в социальной, государственной,
военной истории России и мира**

УДК 323(47)

Архипова Юлия Владимировна

канд. филол. наук, доцент кафедры «Связи с общественностью» факультета социальной психологии, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)
Email: juliawa@k66.ru

Arkhipova Yulia Vladimirovna

Candidate of Philology, Associate Professor at Public Relations Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

**ВИЗУАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
КОНЦЕПТА «РОДИНА»
В РОССИЙСКОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

**VISUAL REPRESENTATION
OF THE «HOMELAND» CONCEPT
IN RUSSIAN POLITICAL
DISCOURS**

Аннотация

Политический дискурс представляет собой семиотическое пространство, в котором реализуются актуальные смыслы и осуществляется борьба за власть. Желание политиков усилить воздействие на целевую аудиторию побуждает их отдавать предпочтение визуальным формам репрезентации. Важнейшей составляющей российского политического дискурса является концепт «Родина». Его визуальная репрезентация в агитационных материалах российских партий довольно разнообразна, но в целом она свидетельствует о стагнации отечественного политического дискурса, использующего уже известные и ставшие традиционными смыслы и формы их репрезентации.

Ключевые слова: политический дискурс; семиотическое пространство, концепт; визуальная репрезентация.

Abstract

The political discourse represents semiotic space in which the current meanings are realized and the struggle for power is carried. The desire of politicians to enhance the impact on the target audience motivates them to prefer visual forms of representation. The most important part of the Russian political discourse is the concept of «Homeland». Its visual representation in campaign materials of the Russian parties is quite varied, but in general it indicates a stagnation of the domestic political discourse which used to reclaim already known and too traditional meanings and forms of representation.

Keywords: political discourse; semiotic space; concept; visual representation.

Основой любого политического дискурса является борьба за власть. Главным инструментом этой борьбы становится национальный язык во всем многообразии его речевых реализаций и текстовых воплощений. Именно в речах политиков и многочисленных политических текстах прежде всего происходит репрезентация концепций и выражение политических интенций. В связи с этим политический дискурс может быть рассмотрен как семиотическое пространство, в котором реализуются разнообразные смыслы (см.: [2]).

Элементарной единицей любого дискурса является концепт, под которым понимается набор смыслопорождающих моделей, возникающих и функционирующих в процессе речевой коммуникации (см.: [1]). Концепты вырабатываются или осознанно воспринимаются человеком; получая свою реализацию в речи, они могут подвергаться модификации или радикальному изменению. Но при всей своей способности изменяться, прежде всего под воздействием контекста, концепты вероятно устойчивы, особенно в пространстве политического дискурса.

В последние десятилетия XX века к устойчивым характеристикам политического дискурса – преобладанию массового адресата, экспрессивности, театральнойности, высокой степени манипулятивности – добавилась медиатизация. Всевозраста-

ющее влияние массмедиа способствовало сдвигу культуры от вербальной к визуальной. Именно изображение становится доминирующим средством репрезентации концептов, в том числе политических. Торжество визуального контента в политическом дискурсе открывает широкие возможности для визуальной репрезентации разнообразных политических метафор.

В силу того что политический дискурс стремится к усилению воздействия на целевые аудитории, он охотно поддается медиатизации. «Клипный» характер подачи информации, яркие имиджевые (постановочные) изображения превращают политическую коммуникацию в реалити-шоу, от которого невозможно оторваться. А если вспомнить, что «идея концепта изначально предполагает направленность на другого» [2. С. 65] и его переживание в момент восприятия, то становится понятно, почему визуальная репрезентация концептов в политическом дискурсе все больше преобладает над вербальной. Полностью отказаться от вербальной репрезентации политическая коммуникация, даже опосредованная СМИ, разумеется, не может. Изображение многозначно, только слово может задать необходимый вектор восприятия, переживания и интерпретации.

В российском политическом дискурсе для автора статьи особый интерес представляет визуальная репрезентация концепта «Родина», поскольку именно она определяет его национальную специфику. Материалом для исследования послужили агитационные листы российских партий, распространенных в период 2011–2015 гг. на территории Свердловской области.

Концепт «Родина» взят на вооружение практически всеми российскими партиями и используется в их политическом дискурсе в той или иной степени. Основными составляющими концепта являются «Россия – Родина – дом», которые в некоторых дискурсах воспринимаются едино в аспекте нетолерантного политического слогана «Россия – для русских!». Национальная интерпретация концепта перерастает в явно националистическую в коммуникациях таких партий, как «Родина» и ЛДПР. Так, к примеру, на главной странице агитационного листа «“Родина” за родной город» от 9 августа 2013 г. помещен материал «Нелегальная миграция – угроза № 1 в России». В материале приводятся результаты исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения за июль 2013 г. о количестве очагов столкновения коренного населения с мигрантами на территории России за текущий год. Сбоку в виде схемы представлен «Рейтинг национальных угроз», составленный по результатам опроса. Главной угрозой большинством опрошенных признано заселение России представителями иных национальностей. Далее следуют упадок культуры и образования, экологическая катастрофа, теракты, исчерпание запасов нефти и газа. Рядом с основным материалом под рубрикой «Срочно в номер!» помещена заметка о том, что в ночь с 5 на 6 августа в кафе одного из пригородов Екатеринбурга мигрантами был убит гражданин России. Заметка дана под заголовком «Ну вот и грянул гром...». Основному материалу предшествует коллаж – картина В. М. Васнецова, обрезанная под формат слайда с надписью «Против нелегалов!».

Образ Родины в агитационном листке вполне традиционен – Русская земля (холмы да степи), богатыри, несущие дозор. Такая традиционность связана с необходимостью категоризации, иными словами – образ Родины должен быть узнаваем по основным своим признакам. Только в случае узнавания заложенный в изображении клубок значений будет развернут в соответствии с заданным вектором интерпретации: «Россия – Родина» – «Родина в опасности!» – «Главная опасность – мигранты-нелегалы» – «Не перевелись на Руси богатыри, готовые за нее постоять». В идеале читатели должны связать образы богатырей с политическими борцами из партии «Родина», начавшими сбор подписей против нелегальных мигрантов в Екатеринбурге.

Очень похожую визуальную репрезентацию концепта «Родина» мы встречаем в агитационных листах партии ЛДПР. В агитационной брошюре «Иван, запахни душу!», представляющей собой «избранные места из романа-исследования о поколении» В. В. Жириновского (дата выпуска: 17.10.2011 г.), на внутреннем развороте обложки представлен лидер партии, идущий по полю. Композиция изображения напоминает картину Васнецова: три уровня заднего плана (небо – холмы – степь у Васнецова, небо – деревья – поле в агитационном материале ЛДПР) и фигуры (фигура) вполоборота на переднем плане. Вряд ли это сходство намеренно, скорее оно свидетельствует о традиционности самого характера изображения, что также связано с категоризацией – планы, перспектива и даже колорит должны быть узнаваемы. Безусловно, изображение Жириновского – это постановочное фото, задающее необходимый набор интерпретаций.

В концепте «Родина» всегда значительное место занимает оппозиция «свои – чужие». В отечественном политическом дискурсе под «своими» понимаются россияне, патриоты; под чужими – «пришлые», «иноземцы», мигранты, а также действующая власть, игнорирующая «национальную угрозу № 1». Вслед за партией «Родина» ЛДПР в своем агитационном листе от 26.07.2013 г. прямо иллюстрирует эту угрозу, помещая фото «чужих». На первом фото большая группа мрачных небритых мужчин восточной внешности толпится перед «Консульской службой Республики Таджикистан в Российской Федерации». Видно, что эти люди стоят в длинной очереди, камера выхватывает из нее лишь нескольких, но их явно больше десятка. О размерах всей очереди можно только догадываться. Большинство изображенных запечатлены стоящими спиной, что невольно вызывает раздражение. Те же лица, которые повернуты к объективу, настолько неприветливы, что вряд ли у кого могут вызвать расположение. Усиливают эффект черные прямоугольники на глазах, которые обычно используются СМИ в целях сохранения конфиденциальности. Но зритель понимает это иначе – «чужаки прячут глаза, значит, у них недобрые намерения».

На втором фото мужчина в шапочке, надвинутой на лоб, держит зубами паспорт гражданина России. Скорее всего, он сделал это, чтобы ненадолго освободить руки. В этот момент его поймала камера. Контекст актуализирует заложенный в изображении набор интерпретаций: фото вызывает негодование, так как поступок чужака трактуется однозначно как неуважение к документу и вновь приобретенному статусу. Толпа таких же людей в шапочках на заднем плане наводит на мысль о массовости явления, а заложенная в паспорт бумажка, похожая на денежную купюру, недвусмысленно намекает на коррупцию. Оба фото представляют собой случайные кадры, но помещенные в соответствующий контекст, они репрезентируют готовую концепцию. На той же странице в виде схемы представлен прогноз ЛДПР: «При сохранении действующей миграционной и трудовой политики в Екатеринбурге, через 30 лет город трудно будет назвать российским».

Визуальная репрезентация концепта «Родина» всегда несет в себе значительную долю экспрессии. Вероятно, в связи с этим она так тяготеет к красному цвету – цвету крови, тревоги, опасности. В агитационных материалах партии «Родина» очень много красного цвета – в заголовках, врезках и фоне, в логотипе самой партии. В агитационном листке ЛДПР красным цветом (в сочетании с белым) выполнен прогноз. В информационных бюллетенях «Свердловская правда» партии КПрФ красный цвет является основным. Для коммунистов красный – это еще и цвет революции, обновления. Хотя основной визуальный ряд партии этой концепции не соответствует.

В «Свердловской правде» периода 2011–2015 гг. набор визуальных репрезентаций практически неизменен: серп и молот, красное знамя, орден Ленина, памятник Ленину, телега с лошадей, комсомольский значок, пионеры в пионерках и гал-

стуках, пенсионеры в орденах и с флагами, швеи, строители, солдаты. Образы врагов тоже очень узнаваемы: фашисты и полицаи с автоматами наперевес, нищета в образе мужика в лохмотьях с воздетыми к богу руками, действующая власть в образе злобствующего или спящего медведя, чудовища-тарифы, чиновники-мошенники (лысые дядьки в костюмах, слетающие со стульев из-за мощного народного пинка). В агитационной продукции КПРФ очень много графики и стилистики советского плаката. В целом, в понимании коммунистов, Родина – это «Россия Советская» и «Русь уходящая»; их визуальная репрезентация содержит в себе очевидно ностальгические нотки по прошлому, где были рабочие и крестьяне, но не было олигархов, «белых воротничков» и юных миллионеров. Последние в визуальной репрезентации концепта «Родина» в дискурсе КПРФ воспринимаются как нечто непонятное и враждебное.

Не жалуют коммунисты и нанотехнологии, которые представляются им чем-то мифическим и даже сказочным, не имеющим аналогов в реальной действительности. В «Свердловской правде» от 21.06.2013 г. на второй странице помещена статья «Красный директор», в которой член обкома КПРФ Вячеслав Вегнер беседует с гендиректором Турбомоторного завода им. Ворошилова Сергеем Борисовым, «одним из немногих красных директоров, не поверивших в обещалки власти». В статье выражается сожаление по поводу распада «красного пояса» – прокоммунистических регионов, в которых правили «красные» мэры, губернаторы и директора промышленных предприятий. По мнению автора материала, «красный пояс» распался из-за пресловутой модернизации и обещаний власти поднять и модернизировать промышленность. Помимо фотографии главного героя – Сергея Борисова, материал содержит фото разрушенного заводского цеха с остовами механизмов и оголенными металлоконструкциями. Фото сопровождается подписью: «Сказка про инновации и нанотехнологии. При Ельцине и Путине сотни предприятий ушли в небытие. Все, что можно было продать отсюда, продали и бросили». Материал не содержит указания на то, какое предприятие изображено на фото и о каком идет речь в подписи. Зато в статье говорится о многочисленных уральских заводах, которые были разрушены. В таком контексте фото становится символическим изображением общероссийского распада производства. А подчеркнута натуралистический характер изображения противопоставляется «сказочным» нанотехнологиям, не имеющим визуальной репрезентации в дискурсе коммунистов, что ставит под сомнение сам факт их существования.

«Существует только то, что объективно, т. е. бесспорно может быть причислено объектам реальной действительности» – такова традиционная концепция коммунистов, реализуемая в их политическом дискурсе. В нее никак не вписываются ни модернизация, ни нанотехнологии, ни даже Интернет. Поэтому на страницах агитационных материалов коммунистов нет изображений ни компьютеров и персональных гаджетов, ни современных технических средств и приборов. Зато активно используется образ трамвая и поезда, что, скорее всего, навеяно образом бронепоезда со старых советских агитационных плакатов.

Лишь раз за обозначенный период (2011–2015 гг.) коммунисты решаются на эксперимент с визуальной репрезентацией. В «Свердловской правде» от 21.06.2013 и 14.08.2013 помещены материалы о «Транспортной программе КПРФ». Значительное внимание в ней уделено движению городских трамваев и метро. В бюллетене от 21 июня анонс и статья сопровождаются фотографиями старых «свердловских» трамваев, а в материале от 14 августа помещено фото высокоскоростного трамвая («легкого метро»), движущегося по воздушному железнодорожному мосту. Дизайн трамвая почти неузнаваем – что-то среднее между сапаном и трамваем R1, разработанном предприятием «Уралтрансмаш» и ОКБ «Атом» и презентованном на выставке «Экспо» в 2014 г. Изображение сопровож-

дается подписью: «КПРФ – мост в будущее». Изображение динамично и ультрасовременно. Оно не коррелирует с другими изображениями выпуска и связано с ними лишь знакомым красным цветом и размером шрифта. Не до конца соответствует фото и размещенному ниже материалу о программе, в которой на первом месте стоит – «отгородить трамвайное полотно бордюрами», а больше всего внимания уделено «наведению порядка» с Е-картами и платой за проезд. Правда, в середине статьи помещен параграф «Рельсом по бездорожью», в котором речь идет о возможной замене дорогостоящего подземного метро более дешевым наземным высокоскоростным трамваем. Но риторика неубедительна: приземленным коммунистам гораздо легче рассуждать о бордюрах, чем о подвесных мостах. «Рельсом по бездорожью» для них понятнее и ближе, чем воздушный «мост в будущее». Таким образом, в визуальной репрезентации концепта «Родина» в дискурсе КПРФ практически отсутствует вербально задекларированное революционное обновление, если не считать засилья красного цвета, использование которого скорее традиция, чем стремление что-то выразить. То есть это шаблон, содержащий в себе отголоски предыдущих смыслов.

Визуальная репрезентация концепта «Родина» в дискурсе партии «Справедливая Россия» несколько отличается от репрезентаций в дискурсах «Родины», ЛДПР и КПРФ в силу различия самих дискурсов. В коммуникации справедливороссов отсутствует та острота переживания смысла «Родина в опасности», которая присутствует в коммуникации уже названных партий. «Родина в опасности» преобразуется в более спокойное «У Родины есть ряд серьезных проблем, которые необходимо решить». Набор проблем тот же самый: завышенные цены на ЖКХ, высокие цены на бензин и продукты, низкие зарплаты и пенсии, неэффективная власть, мигранты. Но аспект рассмотрения проблем меняется: из сферы социально-политической он смещается в сферу нравственную («жить по справедливости»). Концепт «Справедливая Россия» практически не поддается визуализации (по крайней мере, в данном дискурсе не найдены адекватные формы его визуальной репрезентации), поэтому в агитационных листах «эсеров» представлена просто Россия со всеми ее традиционными атрибутами: шапками-ушанками, квашеной капустой, отварным картофелем, деревенской кухонной утварью (кухонная тема занимает значительное место в дискурсе «Справедливой России»). Тут же мы видим ветхое жилье, разбитые дороги и пенсионерок-бабушек. То есть перед нами все тот же набор стереотипов: «две беды России – дураки и дороги», «страна пенсионеров» (пенсионеры в России по-прежнему составляют самую активную часть электората), «старость – привилегия женщин» (значительная часть мужчин-россиян до старости просто не доживает), «даешь достойную старость» и т. д. Репрезентуемый образ легко узнаваем, но его узнавание не влечет за собой какого-либо сильного переживания и не содержит более или менее устойчивых наборов смыслов. Нечеткость и невнятность концепта является следствием невнятности самой концепции и вязкости дискурса.

Следует отметить, что на страницах анализируемых автором статьи агитационных материалов названных российских партий практически отсутствует визуальная (и вербальная) репрезентация «Современной России». Исключение составляет «Наш дом – наш город» – «внепартийная газета для обычных людей», систематически распространяемая в Екатеринбурге накануне очередных выборов. Газета носит явно проправительственный характер, что следует прежде всего из подбора тем: «Чего добился Путин в экономике и что он собирается сделать», «Доля ВВП для здравоохранения будет увеличена», «Предлагаемые решения опираются на опыт прошедших лет», «Решающая роль высоких технологий в экономике и обороне» и т. д.

Именно дискурсу действующей власти и правящей партии принадлежат такие репрезентации, как: «Россия – страна высоких технологий», «Мощный интеллектуальный потенциал России-Родины», «Знание и наука – сила России», – которые напрямую связаны с концептом «Современная Россия». Поэтому их визуальный вариант, представленный на страницах газеты «Наш дом – наш город», несмотря на всю новизну, достаточно узнаваем. Молодые люди в брендовых джемперах и стильных очках за шахматной доской или сложным вычислительным прибором, врачи, инженеры, рабочие в окружении суперсовременной техники, промышленные компьютеры и персональные гаджеты – все это как будто шагнуло на страницы газеты со страниц и экранов официальных массмедиа. Вектор заданных смыслов в такой визуальной репрезентации достаточно четкий: «Родина – молодая, современная Россия, устремленная в будущее» – «Западно-ориентированная Россия, интегрирующаяся в западное культурное пространство» – «Россия, стремящаяся к знаниям и поддерживающая статус мировой космической державы» – «Россия не только сырьевая, но и промышленная» – «умная и светская Россия, вызывающая гордость и уважение».

Следует отметить, что из всех представленных дискурсов последний является наиболее привлекательным и по набору концептов, и по способам их репрезентации. Образ Родины в этом дискурсе величествен, многогранен, современен. Но даже этот дискурс несвеж, вторичен, что выражается в регулярном возврате к уже ранее сказанному и изображенному, к одним и тем же формам репрезентации и даже в заимствовании форм, значений и моделей интерпретации в старом советском дискурсе.

Таким образом, визуальная репрезентация концептов в целом и концепта «Родина» в частности отражает содержательное и инструментальное разнообразие самого политического дискурса. Проведенный анализ показал, что дискурс оппозиционных российских партий настолько традиционен и архаичен, что не составляет реальной конкуренции дискурсу действующей власти и правящей партии. В целом же в российском политическом дискурсе обнаруживаются явные признаки стагнации – набор смыслов и способов их репрезентации остается неизменным, что влечет за собой выхолащивание дискурса, сведение его к чистой форме, несущей в себе отголоски прежних значений.

Литература

1. Неретина С., Огурцов А. Концепты политического сознания // Политическая концептология. – 2009. – № 1. – С. 17–78.
2. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000. – URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/semiotika-politicheskogo-diskursa.html> (дата обращения: 05.11.2011).

УДК 342

Денисов Сергей Алексеевич

канд. юрид. наук, доцент кафедры прав человека
юридического факультета
НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)
E-mail: sa-denisov@yandex.ru

Denisov Sergey Alekseevich

Candidate of Law, Associate Professor at Human
Rights Chair, Legal Department,
Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

**ТИПИЧНЫЕ ОТКЛОНЕНИЯ
ОТ МОДЕЛИ ПРАВОВОГО
ГОСУДАРСТВА В МИРЕ**

**TYPICAL WORLD-WIDE
DEVIATIONS FROM
CONSTITUTIONAL STATE MODEL**

Аннотация

Современные государства, копируя нормы западных конституций, часто объявляют себя правовыми государствами. Однако на деле они не могут или не желают стать правовыми. В статье рассматриваются типичные отклонения от принципов правового государства, которые имеют место в разных странах мира: сохранение господства государства над правом, искажение представлений о естественном праве, отказ от разделения властей, ограничение прав и свобод человека и гражданина и т. д.

Ключевые слова: правовое государство; условия его построения; естественное и позитивное право; разделение властей; права человека; равенство; законность; типы правового регулирования.

Abstract

Modern states often declare themselves to be constitutional states meanwhile they simply copy Western constitutional norms. In reality, however, they are not able or willing to become constitutional. The article considers typical deviations from the constitutional state principles that exist today in different countries of the world, they are: the persistence of the rule of state instead of the rule of law, the misrepresentation of the natural law, the rejection of the division of powers, the restrictions upon human and civil rights and freedoms, etc.

Keywords: constitutional state; prerequisites for building the constitutional state; natural and positive law; division of powers; human rights; equality; legality; legal regulation types.

Сегодня европейская модель государства является образцом для подражания во всем мире. Правящие элиты разных стран мира пытаются доказать, что построенное ими государство ничем не отличается от европейских. В своих конституциях они заявляют, что уже построили или стремятся построить правовое государство. Однако история показывает, что правовое государство может появиться только на определенной стадии развития общества. Этой стадией является развитие капитализма, которое приводит к появлению класса буржуазии (предпринимателей). Данный класс становится настолько сильным, что, опираясь на иные слои общества, пытается превратить государство (его аппарат, включая главу государства) в послушный инструмент своей власти. Другими словами, в стране появляется сильное гражданское общество, которое пытается с помощью своего права (обычно называемое естественным) управлять государством. Требование подчинения государства праву фактически означает подчинение его гражданскому обществу. Идея правового государства может быть воплощена в жизнь, если сильное гражданское общество (возглавляемое буржуазией) договорилось о принципах естественного права, в состоянии выдвинуть из своего состава слой политиков, из которых оно сформирует парламент, правительство, изберет главу государства. Это единственный способ поставить под свой контроль государствен-

ную бюрократию. Если гражданское общество слабо и у него нет указанных способностей, то заявление о правовом характере государства останется пустой декларацией.

Во многих государствах мира нет перечисленных выше условий для формирования правового государства. Интеллектуалы, находящиеся на службе этих государств (служилая интеллигенция [5]), даже не понимают сущности теории правового государства. Об этом много говорил в своем интервью Ф. М. Раянов [9]. За правовое выдают государство законности или полицейское государство. Иногда они намеренно подменяют понятия для того, чтобы созданное административным классом [3. С. 89–253] государство объявить правовым. Как известно, нацисты также заявляли, что они построили в Германии настоящее правовое народное государство [6. С. 652].

Какие же типичные отклонения от идеальной модели правового государства мы имеем в исторической практике?

1. В странах, где нет сильного гражданского общества, естественным является **господство государства над правом**. Оно использует его как инструмент для управления обществом. Государственная машина формирует такое позитивное право, которое выражает интересы административного класса и правящей группы. Правитель октроирует удобный для него конституционный акт и при необходимости поправляет его (подгоняет под собственные интересы). В ходе третьей волны демократизации в 1990-х гг., под давлением стран Запада, во многих странах Азии и Африки в тексты конституций были внесены нормы, ограничивающие время занятия должности главы государства одним человеком. Но когда пришедшие на этой волне демократии правители исчерпали установленный срок, они легко нашли способы продлить его, изменив текст конституции или осуществив несложный маневр с преемником.

Диктаторы многих стран мира (Наполеон Бонапарт, Луи Бонапарт, А. Гитлер, Б. Муссолини, Салазар, Франко) показали, как они могут легко манипулировать общественным сознанием и использовать референдумы для легитимации дарованных ими конституций или для исправления их. В отсутствие сильного гражданского общества правитель держит при себе орган, называемый парламентом, и через него может легко изменять конституционные акты или законы. Наконец, изменять содержание норм конституционного права легко можно через так называемые конституционные (верховные) суды, подчиненные правителю, которые путем толкования норм могут обосновать всякие изменения в их содержании, направленные на укрепление власти правящей группы (правителя): прочитав что-нибудь между строчек (найти там подразумеваемые полномочия правителя), изменить принятое значение слов, «черное» могут назвать «белым», а «белое» «черным». Юристы часто готовы услужить своим высокопоставленным хозяевам. Совесть не является их отличительной чертой.

Начиная с XIX в. многие государства перешли от преимущественного использования насилия против управляемого населения к обману его. На место государства силы пришло государство обмана (государство-мошенник). Спецификой новых государств является **декларирование всего хорошего**, что только придумало человечество в конституционных актах (в том числе правового, демократического государства, республики, федерации, разделения власти, прав человека и т. д.). С помощью законов, подзаконных актов и через иные источники права они вводят нормы, нейтрализующие все эти декларации (полностью или отчасти). Конституционный акт выполняет роль цивилизованного фасада, за которым скрывается старое неправовое, традиционное государство с монархической формой правления и авторитарным режимом. Фактически в стране вводятся **две системы права**. Формально декларируемая группа норм создает видимость того, что в

стране построен конституционный строй и правовое государства. Но эти нормы не работают или реализуются только отчасти. Реально действующая группа норм, поддерживаемая государством, сохраняет доконституционный неправовой характер жизни страны и неправовой характер государства.

Для создания видимости реализации норм естественного права (закрепленных в конституции) в стране, государство может систематически проводить ряд **ритуальных действий**. Примером могут служить ритуалы избирательных компаний, итоги которых заранее известны. Ритуальный характер может иметь гласность в деятельности органов власти, которая фактически нацелена на пропаганду достижений их работы.

Сокрытию реального характера права и государства помогает **теория юридического позитивизма**. Она направляет внимание всего общества на официально декларируемые нормы, закрепляющие принципы естественного права, и отказывается видеть реально действующие в стране нормы, не имеющие ничего общего с естественным правом. Апологеты существующей системы заявляют, что если в конституции написано, что государство является правовым, то, значит, так оно и есть. Этот обман тиражируется с кафедр юридических вузов и приучает молодежь к лицемерию. Специально нанятая служилая интеллигенция доказывает населению страны, что в ней есть республика и демократия, проведено разделение властей, соблюдаются права и свободы человека и гражданина. Конечно, есть отдельные недостатки, но заботящийся о населении правитель и его чиновники делают все возможное, чтобы их устранить. Неправовое государство, используя имеющиеся в его руках каналы распространения информации, легко доказывает людям, что спущенные им нормы позитивного права вполне соответствуют принципу справедливости. Все тираны объявляют себя справедливейшими, милостивейшими и человеколюбивыми правителями.

Спецификой неправового государства является то, что **юристы здесь не знают принципов естественного права** или только что-то слышали о них на первом курсе юридического вуза. Они знают только нормы, исходящие от государства. Юрист-практик часто не знает ни норм конституции, ни норм закона. Он знает нормы подзаконных актов, обычаев и прецедентов, нормативных договоров, которыми руководствуется в своей деятельности государственный аппарат.

2. Как уже отмечалось, в правовом государстве над позитивным правом стоит право общества (называемое естественным правом), построенное на принципах свободы (для общества и человека), формального равенства, гуманизма, справедливости. **Административный класс** и правящая группа неправового государства **не могут принять эти принципы**. Они подрывают власть административного класса, которая для него является высшей ценностью, источником материальных привилегий и высокого социального положения. Например, принцип равенства означает возможность доступа всех граждан к управлению общественными делами. Он позволяет им поступать на государственную службу на основе принципа меритократии. Это подрывает закрытость государственного аппарата и направлено на лишение действующей бюрократии власти над обществом. Правящая группа заявляет о верховенстве интересов общества (народа) над правами человека, поскольку она выступает от имени всего общества и может творить произвол именем народа. Негативная свобода для членов общества создает препятствия для вмешательства административного класса в дела общества и отдельных людей. Позитивная свобода приводит к тому, что общество начинает господствовать над государственным аппаратом. Какой чиновник в здравом уме откажется от своего господствующего положения над обществом и захочет стать простым орудием этого общества?

В неправовом государстве принимаются меры к тому, чтобы **исказить сами принципы естественного права**, на сегодняшний день уже ставшие универсальными во всем мире. Например, под демократией понимают охлократию (власть неграмотной, эмоциональной толпы), которая не раз приводила к власти диктаторов. Демократией могут называть патерналистскую заботу государства о своем населении. Социальное государство отождествляется с патерналистским. Принцип справедливости часто наполняется традиционалистским содержанием: требованиями реального равенства, обеспечиваемого бюрократическим государством, ограничениями свободы и т. д. Патриотизм отождествляется с консерватизмом, нетерпимостью ко всему новому и ненавистью к соседям. Стадные инстинкты традиционного общества часто выдаются за коллективизм. Само гражданское общество здесь может отождествляться с толпой (пассивной или взбесившейся). Иногда государство берется создавать симулякр гражданского общества из своей клиентелы (огосударственных или «прикормленных» общественных объединений).

Общество, не достигшее капиталистического развития, не может воспринять принципы естественного права, на которых строится правовое государство. Оно **считает естественным отсутствие у него свободы** и господство административного класса над ним (экономическое господство через государственную собственность на основные средства производства и редистрибуцию), власть вождя, неравенство людей, патернализм государства, ограничение прав человека со ссылками на интересы государства (фактически в интересах бюрократии), жестокость и посягательство на достоинство личности. Традиционалистскому населению (тем более обработанному идеологами коммунизма или религиозными фанатиками) оказываются чужды идеалы правового государства. Идеологией рабов и угнетенных масс, – отмечал В. С. Нерсисянц, – является требование фактического равенства, равенства без свободы [8. С. 25]. Пассивная, неграмотная, неогранизованная масса боится свободы. Она чувствует, что ею воспользуется в своих интересах активное и талантливое меньшинство, что это приведет к росту фактического неравенства. Разжигается чувство зависти. Опираясь на консервативную толпу, государство может подавлять устремления представителей слабого гражданского общества к естественному праву правового государства.

Управление массой (общественным сознанием) позволяет неправовому государству доказывать, что **формируемое им позитивное право исходит от общества**, выражает его волю.

Неправовое государство стремится не допустить проникновения в страну идеалов естественного права **из-за рубежа**. Принимаются меры к изоляции страны. Этому очень помогает спесивость населения бывших империй (имперское сознание) или его религиозный фанатизм. Такое население ничему не хочет учиться и пытается жить за счет старого багажа (старых, традиционных ценностей). У населения пытаются посеять чувство подозрительности к идеям естественного права, идущим из-за рубежа.

Неправовое государство стремится вытеснить ценности естественного права из сознания людей с помощью иных, выгодных правящей группе и административному классу идей: великодержавия, ненависти к соседям или инакомыслящим, национализма или религиозного фанатизма. Ссылаясь на государственный суверенитет, правящая группа заявляет о своем праве по собственному усмотрению решать, какие универсальные права человека можно допустить в своей стране. Фактически декларируется принцип: «Мои людишки, что хочу с ними, то и делаю».

3. Населению, состоящему из подданных, нуждающихся в опеке со стороны правителя, **не нужно разделение властей**. Конституционный акт может сколько

угодно твердить о самостоятельности ветвей власти, но население верит своему вождю и добровольно вручает ему абсолютную власть. Не обладая самосознанием, оно послушно голосует в поддержку той политической партии, на которую укажет правитель. Образующийся в результате управляемых выборов представительный орган только называется парламентом. Фактически он представляет собой орган при правителе и послушно выполняет его волю. Он не требует никакой самостоятельности. Он не пользуется предоставленными ему конституционным актом контрольными полномочиями. Через этот представительный орган (в мусульманских странах его называют шурой [1. С. 175]) правитель легко меняет нормы конституционного акта и законов, исходя из интересов правящей группы и административного класса в целом.

В стране, где нет сильного гражданского общества, **не может быть парламента** как представителя народа. Пассивное и неорганизованное общество подданных не создает сильных, конкурирующих между собой партий, не выделяет слоя политиков. Правитель, как это принято с XX в., создает партеобразное объединение чиновников и их клиенты. Его членами, отличающимися верностью правителю, и заполняется так называемый представительный орган.

Судебные органы в неправовом государстве не могут защищать принципы естественного права, поскольку фактически они являются разновидностью администрации, подчиненной правителю и его чиновникам (руководству судебной системы, назначенному правителем). От исполнительных органов власти их отличает только усложненная процедура работы. Суды здесь стоят на страже неправых законов, выражающих в первую очередь интересы административного класса и правящей группы. Сами судьи, получающие власть от правителя и его администрации (встроены в вертикаль власти правителя), воспринимают себя как часть единой административной машины. Они защищают государство от населения, часто выступают в роли репрессивных органов (особенно в борьбе с оппозицией). Суды могут выполнять обязанность поддерживать определенную меру защиты прав и свобод человека и гражданина, которую определила правящая группа в спускаемых законах. Они могут ограничивать ретивость мелких чиновников, их произвол, попытки превышения власти «не по чину».

Суды в неправовом государстве выступают стражами неправового порядка. Они не занимаются правосудием, поскольку судьи знают только нормы, исходящие от государства (право силы) и имеют смутное представление о естественном праве, идущем от сильного гражданского общества. Как государственные чиновники, они боятся этого гражданского общества (его свободы) и помогают «накинуть на него узду».

Правительство и иные исполнительные органы в неправовом государстве действуют не в целях исполнения законов, а реализуют волю правителя и правящей группы, вне зависимости от того, соответствует ли она закону или нет. При отсутствии сильного гражданского общества и встроенности судов в единый механизм власти некому заставить чиновников соблюдать законы. Конечно, если законы выражают интересы правящей группы и административного класса, то органы исполнительной власти действуют в рамках этих законов. Нарушение их, допущенное в эгоистических интересах отдельного чиновника, пресекается.

В стране, где нет сильного гражданского общества, **нет и политиков, его представляющих**. Весь государственный аппарат (включая так называемый представительный орган, правительство, суды) формируется из чиновников сверху донизу. Новый правитель является преемником старого правителя и тоже должен дослужиться до высшего положения. Население в ходе плебисцитов может только санкционировать занятие должности человеком, назначенным «сверху»

(например, плебисциты доверия главе региона, присланного правителем, плебисцит доверия преемнику правителя).

Не следует забывать, что разделение властей рождается **из страха перед государственной машиной («левиафаном») и желания подчинить ее гражданскому обществу**. Если население доверяет государству, не в состоянии путем самоуправления, самоорганизации реализовать свои общие интересы, то ему не нужно никакое разделение властей. Наоборот, оно требует оптимизации государственного аппарата (сокращения представительных органов, устранения органов местного самоуправления), подчинения его вождю.

4. Общеизвестным является положение, в соответствии с которым правовое государство обеспечивает естественные (неотчуждаемые) права и свободы человека и гражданина. В случае, когда государство господствует над позитивным правом, оно **по своему усмотрению дарует населению те права и свободы, которыми считает возможным поделиться** (даруемая конституция и законы). Оно регулирует объем выдаваемых прав (как регулируется звук в радиоприемнике). Реализуя лицемерную политику, оно может закрепить в конституционном акте и законах все известные миру права и свободы. Поскольку в неправовом государстве общество может только простить милости, то государство само, по собственному усмотрению, решает, в какой мере следует реализовать декларированные права и свободы. Как отмечалось выше, в неправовом государстве нет разделения властей. Все ветви власти, включая суд, действуют, как слаженная машина, под управлением правителя, поэтому если решено отказать людям в каком-то продекларированном в конституции праве, то это решение поддерживается всеми ветвями власти. Очень часто правитель, для поддержания имиджа «добротного царя», встает на защиту подданных, обиженных чиновниками его аппарата, восстанавливает нарушенные права, наказывает высокопоставленных негодяев. Чтобы люди верили не в силу права, а в своего добротного господина, он должен поддерживать в их сознании миф о «добротном царе и плохих боярах». При этом государственные чиновники, в соответствии со своей ролью, должны постоянно посягать на права людей, чтобы у последних была потребность обращаться к правителю как заступнику. Если государство будет правовым и права человека можно будет защитить в обычном порядке, например через суд, то ненужным окажется «добротный царь». Н. Макиавелли учил, что государь должен принимать меры к тому, чтобы подданные всегда нуждались в его заботе, в противном случае он может потерять власть над ними [7. С. 32].

Милости, которые дарует подданным государство, также часто **исходят из рук правителя**: проекты законов или указы, наделяющие какие-то группы правами-привилегиями (например, индексация заработной платы бюджетникам), выделение помощи людям при несчастных случаях (помощь погорельцам, потерпевшим от наводнения, неурожая и т. д.).

Государство, дарующее права и свободы, может **легко отнять их** со ссылкой на необходимость защиты интересов государства и общества (борьбы с терроризмом, экстремизмом), для поддержания традиционной (религиозной) нравственности, для обеспечения спокойствия жизни обывателя от слишком активных граждан, для поддержания порядка полицейского государства и т. д. В правовом государстве при ограничении прав человека и гражданина орган государства должен доказать, что это ограничение в интересах общества и других людей. В неправовом государстве ограничения прав человека и гражданина являются общей практикой, осуществляются на всех уровнях власти. Только иногда активным гражданам удается доказать, что эти ограничения чрезмерны.

Неправовое государство вводит **особый порядок реализации прав и свобод** человеком и гражданином (подданным). Их дозволяется использовать, как прави-

ло, с разрешения органов власти или должностных лиц. Это разрешение выдается в форме регистрации права, согласовании уведомления о желании воспользоваться правом, выдачи лицензии на какую-то деятельность и т. д. Чиновники решают, кому разрешить воспользоваться своим конституционным правом, а кому запретить (не согласовать). Пользоваться конституционными правами, естественно, запрещается представителям оппозиции (запрет учреждать средства массовой информации, объединяться в партии, организовывать массовые мероприятия, иметь пассивное право быть избранным).

Любое современное государство, даже не будучи правовым, не является каким-то злодеем. Оно **заботится о своих подданных**, как хороший фермер заботится о своей скотине. Акцент делается на социально-экономических правах населения, нуждающегося в опеке. Неправовое государство присваивает себе значительную часть общественного продукта, а затем распределяет его среди населения (редистрибутивная экономика), зарабатывая имидж заботливого хозяина. В правовых государствах, наоборот, люди являются свободными и должны сами заботиться о себе, о своих детях, о своем будущем. Помощь оказывается только реально нуждающимся в поддержке. Сегодня на Западе звучат опасения, что государство слишком сильно опекает людей. Это может привести к исчезновению сильного гражданского общества, независимого от государственного аппарата, и краху конституционного правового государства [10. С. 103].

Экономическую основу правового государства создают **право частной собственности и право на предпринимательство**. Они обеспечивают экономическую независимость гражданского общества от государственного аппарата. Неправовые государства предоставляют только условные частную собственность и право на предпринимательство. Люди могут воспользоваться этими правами только при согласии на то государства, его бюрократии. Привилегии имеет клиента бюрократии, находящаяся под ее опекой.

Естественными для сильного гражданского общества являются **политические права и свободы**. Они и позволяют поставить государство под контроль общества, сделать государство инструментом его власти, правовым государством. Неправовое государство ограничивает политические права общества, не позволяет ему встать над собой. Часто оно создает симулякр политической системы общества: сверху создает политические партии и другие общественные объединения (в частности, правозащитные) или «прикармливает» существующие. Создается *видимость* контроля общества за государством. Контроль государства над каналами распространения массовой информации позволяет искусственно создавать такое общественное мнение, которое нужно правящей группе и административному классу. Обществу, состоящему не из граждан, а из подданных, не нужны политические права. Подданные не умеют и не желают ими пользоваться. Они доверяют своему государству (своему правителю).

В правовом обществе свободные люди **сами привыкли защищать свои права**. В неправом государстве население покорно, пассивно, неорганизовано. Оно может только испрашивать благ у правителя и его государственной машины. Служилая интеллигенция убеждает население доверять своему государству (своему правителю), полагаться на его милость. Обществу, в котором каждый сам за себя и нет понимания общего интереса, не нужно право. Члены такого общества стараются найти себе опекуна из числа чиновников, превратиться в клиентелу бюрократии, выслужить себе какую-нибудь привилегию. Личные связи являются альтернативой праву [2. С. 33].

Следует обратить внимание, что **подданные, в отличие от граждан**, не воспринимают себя частью общества. Они эгоистичны (безответственны перед обществом) и часто злоупотребляют предоставленными им государством правами и

свободами (эффект «раба-вольноотпущенника»). Это служит оправданием для поддержания в стране авторитарного режима или полицейского характера государства.

Гуманизм приобрел рациональное оправдание вместе с развитием науки и техники, производящей экономики, когда не физический труд, а человеческое творчество, инициатива стали играть решающую роль в развитии экономики страны. В странах, экономика которых основана на природной ренте (добыча и продажа за рубеж природных ресурсов), человек фактически остается лишь средством для достижения целей, поставленных правящей группой. Последняя является приобретателем природной ренты, распределяет ее между населением и выступает для населения в роли кормильца. Отсюда массовый характер приобретает униженность (рабское сознание), стремление людей выслужиться, угодить начальству. Люди с обостренным чувством достоинства оказываются маргиналами.

5. В правовом государстве действует принцип равенства всех перед законом. Неправовое государство вводит **права-привилегии для разных социальных групп**. Человека оценивают с точки зрения его полезности для государственного аппарата. Естественно, высшей полезностью для государства обладают его чиновники. Чем выше должность, тем большими правами-привилегиями наделяется человек. Высшие должностные лица в неправовом государстве стоят над законом. Они обладают иммунитетом от привлечения к ответственности за его нарушение. Только в случае потери власти их настигает наказание за совершенные уголовные преступления. Иммунитет может быть снят с чиновника, если он попал в опалу к правителю (своему начальнику). Второй на шкале полезности для неправового государства стоит клиентела бюрократии. Она также делится в зависимости от того, на какой ступени лестницы вертикали власти стоит ее сюзерен, насколько он способен обеспечить иммунитет своего вассала от уголовного наказания, от административной ответственности, от проверок налоговой инспекции и т. д. Из массы управляемого населения выделяются представители оппозиции, которые поражаются в правах. Вся их жизнь находится под контролем государства, которое постоянно ищет повода для применения к ним каких-либо репрессий.

6. Верховенство естественного права, исходящего от сильного гражданского общества, в правовом государстве реализуется через принцип **верховенства конституционных законов**, закрепляющих требования принципов естественного права. В неправовых государствах конституционные акты и законы в первую очередь выражают интересы правящей группы и административного класса. Ссылаясь на принцип правового государства, они требуют от населения соблюдать законность. Но эта законность является бюрократической. Движение к правовому государству здесь проявляется в требованиях представителей зарождающегося гражданского общества об отмене неправовых законов, в гражданском неповиновении. В крайнем случае, если административный класс и правящая группа не хотят идти на уступки усиливающемуся гражданскому обществу, в стране начинается революция (полный отказ от законов неправового государства), направленная на ликвидацию неправовых законов.

Бюрократическая законность отличается от правовой не только сущностью законов, но и **способами ее обеспечения**. Неправовое государство не может решать свои задачи с участием населения. Это население часто не поддерживает спускаемые свыше законы. Поэтому государство вынуждено прибегать к насильственным способам реализации принятых законов (часто обращается к нормам уголовного и административного права). В правовом государстве оппозиция может прийти к власти, сменив правящую группу. В неправовом государстве правящая группа не может этого допустить. Она использует закон в качестве репрессивного инструмента против представителей оппозиции.

Под лозунгом построения правового государства и укрепления законности правящая группа и административный класс неправового государства **может строить полицейское государство**. Эта политика заключается в детальном регулировании всей жизни общества. В законах закрепляются строгие процедуры создания и деятельности общественных объединений, выхода людей на улицу с какими-либо требованиями. Под предлогом борьбы с обманом избирателей досконально регулируется процедура выборов в органы власти. Дело доходит до того, что «шагу нельзя ступить» без определенной процедуры. Часто закон вводит массу нереализуемых или трудно реализуемых норм («турникетное право»). Нарушение их со стороны лиц, опекаемых государственным аппаратом, не замечается. Посторонним воспользоваться своим правом в этих условиях становится затруднительным. Этот прием регулирования был определен в свое время Б. Муссолини так: «Друзьям всё! Врагам – закон!» Под предлогом укрепления законности государство создает мощную машину слежки за поведением населения. Больше всего от такого режима полицейской законности страдает оппозиция, представители независимых средств массовой информации. Их привлекают к ответственности за каждое мелкое правонарушение.

В неправовом государстве **принцип законности действует преимущественно на население** и низовой аппарат управления. Чем выше должность человека, тем в большей степени он освобождается от подчинения законам. Высшее должностное лицо само создает эти законы и может отменить их по своему усмотрению. При отсутствии сильного гражданского общества и разделения властей некому привлечь к ответственности тех, кто стоит на вершине власти. Некому провести объективное расследование их деятельности. Кто вообще посмеет усомниться в их непорочности? В условиях вертикали власти наказание любого чиновника зависит от воли его вышестоящего начальника. Он решает, наказывать ли его за правонарушение или поощрить, если оно, например, совершено в интересах ведомства.

Как отмечалось выше, неправовое государство само решает, какие нормы конституционного акта исполнять, а какие нейтрализовать с помощью специального механизма [4].

7. В некоторых исследованиях подчеркивается, что для правового государства характерно применение **общедозволительного типа правового регулирования** к гражданам (их объединениям) и разрешительного типа правового регулирования к деятельности государственных органов, их должностных лиц. В неправовом государстве все происходит ровно наоборот. Должностные лица и органы власти ставят перед собой какие-то цели и по своему усмотрению решают, как они будут их реализовывать. При этом чем выше уровень власти лица, тем большей свободой действий оно себя наделяет. Правитель фактически присваивает (как отмечалось выше, с согласия массы подданных) неограниченную власть. Он стоит над правом, решает, какие нормы конституции и законов принять, какими из них руководствоваться. Часто это вполне оправданно. Население наивно и не может указать государству, в каких рамках оно должно действовать. Правитель, обладающей свободой, постоянно проводит эксперименты над страной. Она движется от кризиса к кризису, а во время кризисов не избежать «ручного управления». Здесь, как уже отмечалось, население верит в мудрость и справедливость своего правителя и поддерживает предоставление ему неограниченных полномочий.

В отношении **населения в неправовом государстве действует разрешительный тип правового регулирования**. Даже декларированные в конституции свободы превращаются в право действовать в определенных рамках с согласия и под надзором должностных лиц. Правящая группа и административный класс не могут доверять населению и стараются держать его в «ежовых рукавицах».

Декларация правового государства при отступлении от его принципов на деле типично для современной истории. Теоретикам права, конституционалистам, историкам права и государства необходимо изучать эти отклонения и обращать на них внимание думающей части населения.

Литература

1. Александров И. А. Монархии Персидского залива. Этап модернизации. – М., 2000.
2. Бакулов В. Д., Пащенко И. В. Предпосылки утверждения правового нигилизма в отечественном правосознании // Проблемы становления правового государства и гражданского общества в России : материалы Всероссийской научно-практической конференции (XV Адлерские чтения). – Краснодар : Традиция, 2009.
3. Денисов С. А. Административное общество. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2011.
4. Денисов С. А. Механизм нейтрализации конституционных норм // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 6. – С. 2–8.
5. Денисов С. А. Служилая интеллигенция в российском административном обществе // Политическая концептология. – 2013. – № 2. – С. 206–216.
6. История политических и правовых учений. – М. : Юридическая литература, 1983.
7. Макиавелли Н. Государь. – М. : Планета, 1990.
8. Нерсесянц В. С. Философия права. – М. : НОРМА – ИНФРА-М, 1998.
9. Фархутдинов И. З., Галиев Ф. Х. Роль правового государства в евразийском пространстве : интервью с Ф. М. Раяновым // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 7 (50). – URL: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3318:-l-r&catid=287:-7-50-2012&Itemid=517
10. Seaton P. After Liberalism: Mass Democracy in the Managerial State // Society. – 1999. – Vol. 37, Iss. 1. – Nov/Dec.

УДК 94:322(495)

Гаген Сергей Яковлевич

канд. ист. наук, канд. юрид. наук, доцент,
НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)

Gagen Sergey Jakovlevich

Candidate of History, Candidate of Law,
Associate Professor, Liberal Arts University –
University for Humanities (Ekaterinburg)

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ
ПОПЫТКИ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ
ПЕРЕГОВОРОВ ОБ УНИИ
ПРАВОСЛАВНОЙ
И КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВЕЙ
В 1334 ГОДУ**

**THE POLITICAL
AND SOCIAL REASONS
TO REOPEN THE NEGOTIATION
OF UNION OF THE ORTHODOX
AND CATHOLIC CHURCHES
IN 1334**

Аннотация

Статья рассматривает попытку западных держав, создавших военный союз против турецкого пиратства «Священная лига против турок» (1332–1334 гг.), привлечь к участию в нем Византию. Рассмотрены социальные и политические причины попытки возобновления переговоров об унии православной и католической церквей в 1334 году.

Ключевые слова: Крестовый поход; Византия; Священная лига против турок; Лионская уния; уния церквей; латинский Запад.

Abstract

The article deals with an attempt of Western powers which had created a military union against Turkish piracy in Mediterranean so-called «Holy Leage against Turks» (1332–1334) to recruit Byzantium. The political and social reasons of the attempt to reopen the negotiation of Union of the Orthodox and Catholic Churches in 1334 were regarded in large contexts.

Keywords: Crusades; Byzantium; Holy Leage against Turks; the Lyon Union of 1274; the Church Union; the Latin West.

Тридцатые годы XIV столетия – крайне беспокойное время в Европе. Политическая напряженность в Западной и Центральной Европе была вызвана, прежде всего, имперскими амбициями французских королей новой династии Валуа [39. С. 25], которые претендовали на то, чтобы установить контроль над папами и выдвинуть своего сторонника на трон Священной Римской империи [38. С. 876].

Южная Европа и регион Средиземноморья стали яблоком раздора между Генуей и Венецией – стремительно развивавшимися торговыми республиками, которые стремились взять под контроль старые морские коммуникации и создавать новые, агрессивно распространяя свое влияние на бывшие земли Византийской империи. Итальянские купцы, венецианцы, генуэзцы и, в меньшей степени, жители Пизы и других итальянских городов стремились наладить торговлю с Кыпчакским ханством (Золотой Ордой).

Торговля, прибыль, кредит, богатство – овладели мыслями людей первой трети XIV столетия. На смену средневековому рыцарю XIII столетия – благородному крестоносцу (таковым оставался все еще французский король Филипп VI Валуа [Там же. С. 873]) пришел человек XIV столетия – отчасти пират, отчасти торговец, а по случаю и работорговец, что в то время означало одно и то же. «Новый человек» и новый богачей был чаще всего горожанин – новая опора королевской власти времени упрочения сословно-представительных монархий. Успеху торговле способствовало распространение в Европе арабских цифр, а подъему образо-

вания и юриспруденции – повсеместное употребление дешевой в производстве бумаги. Понятно, что юриспруденция невозможна без бумаги [38. С. 1091–1096].

Европейский человек стал человеком рациональным. Старинные возвышенные идеи, вроде «освобождения» Гроба Господня, теперь тщательно планировались и подготавливались. Для нового крестового похода король Филипп VI Валуа создал специальный комитет, который должен был изучать опыт подобных предыдущих акций и собирать информацию [39. С. 34]. Королевская бюрократия рассчитывала налоги, верстала бюджет предприятия, и разрабатывались универсальные нормативы потребления для коней и людей. Заседали комиссии по разным вопросам, велась переписка между ведомствами (благо, бумага стала дешевой), согласовывались различные вопросы, разрабатывались планы, которые шли на утверждение в королевский совет. Крестовый поход окончательно превратился в бюрократический «бизнес», т. е. стал рутинной работой королевской администрации [Там же].

Если рыцарь времен первых крестовых походов просто седлал коня и отправлялся в заморские земли, то рыцарь XIV в. бегал по королевским инстанциям, согласовывая нормативы потребления и зарплату для себя и для своих спутников. Хотя французский король Людовик IX Святой в 1240-х гг. также пытался организовать с помощью своей администрации крестовый поход [Там же] и его опыт был востребован в 1330-х гг., но все же комитет короля Филиппа VI отличался тем, что не просто собирал деньги. Члены французского королевского комитета по подготовке Крестового похода в 1330-х гг. собирали, прежде всего, информацию. Они принимали послы и беседовали с миссионерами, а в адрес комитета поступали многочисленные трактаты с проектами крестового похода и описаниями прилегающих земель (см., например: [28. С. 44–45]). Подготовка нового крестового похода была не только военной и финансовой, но и дипломатической.

После падения последней цитадели крестоносцев, крепости Акра, в 1291 г., возникла необходимость в военной базе для нового натиска на Восток. Такой базой мог быть только Константинополь, который с 1261 г. вновь находился в руках византийцев. Поэтому перед латинским Западом возникла дилемма, либо вновь завоевать Константинополь, как в 1204 г., либо привлечь византийцев в качестве союзников крестоносцев, как это уже было в эпоху первых крестовых походов.

Папская миссия 1334–1335 гг. в Константинополь

В 1334–1335 гг. в Константинополь прибыли два латинских легата от папы Иоанна XXII [31. С. 206–208], пребывавшего в Авиньоне. Это были архиепископ Босфора (Керчь в Крыму) Франческо да Камерино и епископ Херсона англичанин Риккардо (источники о Франческо да Камерино и Риккардо см.: [9; 12. С. 550–551; 22. С. 181. No.: 60752, С. 190. No.: 60891, С. 176. No.: 60684, С. 191. No.: 60898; 15. С. 417]). Целью посольства было уговорить греков возобновить переговоры об унии церквей. Уже сам факт того, что латинские епископы, назначенные в византийские города, собирались начать переговоры об унии церквей, может рассматриваться как неслыханная дипломатическая дерзость.

Придворный философ и крупный византийский ученый Никифор Григора был приглашен патриархом Иоанном XIV Калеккой [47] для выступления перед немногими епископами константинопольского синода, чтобы всесторонне рассмотреть эту проблему [29. С. 1331–1359; 23. С. 502.10–520.10; 25. С. 262–273].

Лионская уния 1274 г. как модель объединения церквей

Возникает вопрос о том, о какой именно модели унии церквей могла идти речь. Ближайшая уния церквей, память о которой еще была жива в Византии, – Лионская уния 1274 г. Византийцы были заинтересованы в унии церквей, глав-

ным образом для того, чтобы устранить угрозу нового вторжения вооруженных сил латинского Запада на их территорию. Опасность новой латинской оккупации Константинополя была полностью устранена только после «Сицилийской вечерни» 1281 г. Об условиях заключения унии 1274 г. сообщает более чем через полвека после самого события византийский историк Никифор Григора, который, впрочем, не был хорошо осведомлен о всех обстоятельствах дела (о греческих источниках см.: [14]).

Историк пишет: *«Итак, они прибыли (в начале 1273 г. посланцы Михаила VIII и папы в Константинополь. – С. Г.) и соглашение получилось при соблюдении трех глав: первая, в священных песнопениях папу в диптихах упоминать вместе с другими четырьмя патриархами; вторая, относительно апелляции, т. е., возможно каждому, словно в более значительный и совершенный, обращаться в суд старого Рима; и третья, о первенствовании (Рима. – С. Г.) во всем»* [23. С. 125.10–16].

Текст византийского историка указывает только на то, что вызвало наибольшее возмущение в Константинополе. Византийцев раздражало упоминание имени папы в православных храмах и признание первенства Рима в судебных и догматических вопросах.

Уния с Римской церковью расколола византийское общество. Выгодой от сближения церковью воспользовались не все. А поэтому на религиозное сознание населения восстановленной после 1261 г. Византийской империи Лионская уния 1274 г. оказала негативное воздействие с далеко идущими последствиями в том, что касается отношений с латинянами (об отношении византийского общества в унии см.: [10; 11]).

Никифор Григора писал: *«О добавлении же, которое те (латиняне. – С. Г.) вводят как новое в отношении священного символа (Filioque. – С. Г.), или о другом каком предположении принудительной некой распри до той поры (до заключения унии. – С. Г.) не случилось, но великое спокойствие и расслабленность овладевали тогдашними делами в отношении этих (вопросов. – С. Г.)»* [23. С. 125.16–20].

«Отеческое благочестие» или «общая выгода»?

Негативный опыт Лионской унии 1274 г. создал новый социально-политический контекст для восприятия византийцами латинского Запада. Следует отметить, что Лионская уния не только затрагивала чувства православных верующих, но и многократно усилила власть императора внутри страны, причем не только над церковью, но и над обществом [3. С. 11]. Население восстало не столько против унии с католиками, сколько против превращения императора в тирана. Придворный философ Никифор Григора живописал в своем историческом сочинении все ужасы репрессий Михаила VIII Палеолога против священнослужителей, не принявших Лионскую унию 1274 года [23. С. 126.15–18] (см. также: [53]). Именно в те времена вопрос о том, как далеко можно зайти в сотрудничестве с католическим Западом, приобрел актуальность.

Описывая репрессии против отвергших унию, Никифор Григора ставит вопрос об «отеческом благочестии» как о фундаментальной ценности, формирующей идентичность жителя «империи ромеев» [43]. Правда, после отмены унии в 1285 г. в тюрьмах и ссылках оказались не менее фанатичные сторонники союза с Римом. Рациональному аргументу «Запада», говорящему о «выгодах» союза церковью, византийский философ противопоставляет иррациональный аргумент: «отеческое благочестие» выше выгоды.

С февраля 1334 г. патриархом Константинополя стал Иоанн XIV Калека, образованный выдвигенец Иоанна Кантакузина [48], в свою очередь – сподвижник и близкого друга императора Андроника III Палеолога. Назначение именно этого

человека было не случайным. Новый глава Константинопольской церкви обладал солидным юридическим образованием, судебским опытом и блестящими ораторскими способностями. Эта кандидатура наилучшим образом подходила для проведения кардинальной судебной реформы, начатой в 1329 г. [46]

Недавно избранный на патриарший престол иерарх, будучи блестящим оратором, все же не был силен в светской учености и силлогизмах, а без этих вещей не обходилась тогда ни одна серьезная полемика с латинянами. Кроме того, среди высшего клира не было единства по отношению к унии церквей.

Придворный философ Никифор Григора пришел на помощь своему сановному другу. Опираясь на трактат, специально написанный для него византийским философом, патриарх дал отрицательный ответ папским легатам. Однако отказ от полемики ее не закончил. Об этом можно догадаться по тому факту, что полемика была продолжена уже другим философом – Варлаамом Калабрийским (доверенным лицом Андроника III и его тайным посланником в Авиньон в 1339 году). Этот факт может означать то, что формирование византийской идентичности на основании тезиса, что «отеческое благочестие» выше государства, еще не было закончено в тридцатых годах XIV столетия. Ведь именно эта идея позволила византийской церкви благополучно существовать под турецким игмом после 1453 г. Я бы назвал этот феномен отказом от национальной идентичности в пользу культурно-религиозной. Византия, правда, не кажется каким-то исключением для того времени. В Европе национальная идентичность начинает формироваться только после окончания Столетней войны 1337–1453 гг.

Посольство союзников по «Священной лиге» в Константинополь в 1334 г.

Исследователи уже обращали внимание на место из «Истории Ромеев» Никифора Григоры, где описываются политические усилия западных государств в 1332–1334 годах, направленные на обуздание турецкого пиратства [23. С. 523.1–524; 20. С. 386]. Фан Дитен предположил на основании анализа этого текста (он будет процитирован далее) то, что в нем сообщается о неизвестном военном посольстве государств – членов антитурецкой коалиции, которое могло прибыть в Константинополь в конце 1334 г. и о котором более нигде не упоминается [25. С. 365. Anm. 451].

Разыскивая дополнительную информацию об этом загадочном посольстве, я обратил внимание на письмо папы Иоанна XXII, касающееся проекта неких переговоров об унии, которое еще не использовалось исследователями, занимающимися миссией 1334–1335 гг. в Константинополь.

Речь идет о послании папы к королю Франции Филиппу VI от 12 марта 1334 г. Письмо начинается следующими строками: «Тому же королю [Франции]. Между прочим, любимый сын, знатный муж Гуго Кверети (Hugo Quereti), рыцарь (miles), магистр королевского Госпиталя, королевский посол, под предоставленным ему доверием нам сообщил и то, что о брате оном, который должен путешествовать к султану, путешествовал ли, хочет знать королевское величество» [21. No.: 5423. С. 158].

Из других источников ныне известен только один посол, который должен был в указанное время посетить хана Золотой Орды Узбека («султана» в письме), а именно архиепископ Чамбалеха (Cambalech), или Чамбалу (Cambalu), Николай. Известно, что римский папа в Авиньоне Иоанн XXII назначил 18 сентября 1333 г. некоего Николая архиепископом Чамбалеха, а 31 октября того же года этому Николаю были поручены переговоры с армянским, т. е. киликийским, царем Леоном (Львом) V и с католикосом Армении Акопом (Иаковом) [40. С. 542. No.: 1866]. Этот же самый Николай, по предположению Х.-Ф. Байера, участвовал в перегово-

рах об унии церковей 1334–1335 гг. и назван по имени в антилатинских трактатах Варлаама Калабрийского [42. С. 69].

Здесь же Х.-Ф. Байер предположил, вопреки своему собственному прежнему мнению [24. С. 68], что Чембало, куда получил назначение Николай, должно находиться «около Херсона» [42. С. 69]. Дж. Голубович подробно прослеживает по документам путь Николая, который отбыл на Восток только осенью 1334 г., имея рекомендательные письма и поручения к армянскому царю, армянскому патриарху, хану Узбеку, правителю кипчаков и хазар, ко всем правителям и ко всему народу татар, и задержался в Центральной Азии примерно до конца 1337 г. (известно письмо из Пекина от 1338 г., что он туда еще не прибыл). Однако Николай упоминается как архиепископ Пекина 1340–1341 гг., а также есть свидетельство о его преемнике около 1369 г. (см.: [16. С. 421–423]). (О том, что Пекин входил в сферу влияния доминиканцев см.: [2. С. 475].) Однако разногласие о месте назначения Николая (Пекин или Чембало) разрешается, как кажется, тем обстоятельством, что Чембало (Балаклава) перешла к генуэзцам только в 1357 году [16. Р. 381], а в интересующее нас время еще была византийской. Кроме того, это назначение фактически дублирует полномочия Франческо да Камерино, назначенного несколько месяцев ранее архиепископом Босфора.

Из дальнейших строк письма к королю Франции узнаем и о причине задержки миссии в Чамбалех (Пекин): «На это мы кратко отвечаем, что ввиду того, что некоторые из районов этих пришли, которые путешествие свое прямо считали бесполезным, он еще не выступил в путешествие свое. Однако, так как два брата-проповедника [доминиканца], которые из оных районов совсем недавно пришли, которые с султаном, как утверждали, поговорили, нам сообщили, что содержит записка, приложенная к настоящему [письму], то более выгодным этого брата отправление мы считаем, чем промедление, и из-за этого мы намеренны слать его, потому что никоим образом не считаем, что что-то неприятное следует из этого, но будем надеяться, что будет получена некоторая выгода, а если и не будет, то о том, что будет сделано в этих районах, мы сможем иметь более полную информацию» [21. No.: 5423. С. 158].

Упомянутые два брата-проповедника, которые положительно оценили перспективы переговоров с «султаном» (ханом Узбеком), это, как можно предположить, папские легаты Франческо и Риккардо, так как именно они, возвращаясь из своей первой миссии на Восток и проследовав весной 1333 г. [36. С. 490] через Константинополь, получили, вероятно, некоторые свидетельства о благожелательном отношении византийцев к унии [7. No.: 2792].

Это явствует из письма папы от 4 августа 1333 г., адресованного Джованни Пизано и сообщающего, что два восточных миссионера (Франческо и Риккардо) упоминают неких игуменов греческих монастырей Св. Димитрия и Св. Василия, благосклонных к унии церковей [1. No.: 133. С. 248. 34.ad an.1333. n.18].

Предположение тем более вероятно, что далее папа рассуждает и о перспективах переговоров об унии церковей с греками: «Если к императору греков слать кого-то ради его возвращения к унии с Римской церковью намерено королевское величество, то выгодно, чтобы это посольство было тайно; другое, однако, может быть публично, касающееся экспедиции и дела турок. Что касается этого посольства, что относится к унии Церкви, казалось бы выгодным, чтобы королевское величество дало ему (средства? – С. Г.), чтобы путешествовало по воде, за него Церкви (дословно: у Церкви. – С. Г.) было позволено сыграть свою роль» (?) [21. No.: 5423. С. 158].

Следует подчеркнуть, что папа стремится сохранить в тайне переговоры об унии церковей от всех греков и на первый план выдвигает военный союз против турок. Такая политика Авиньона вполне отвечала и намерениям Андроника III

Палеолога скрыть от большинства подданных переговоры с папским престолом [13. С. 79].

Марино Санудо Торселло в 1334 г. также убеждал папу и французского короля в том, что византийский император готов к переговорам об унии, но не может обсуждать этот вопрос открыто из-за опасений вызвать волнения среди своего народа [18. Эп. 6. С. 804].

Здесь же следует задержать внимание на адресате папы и причине их взаимного интереса относительно церковной унии с греками. Известно, что Филипп VI Валуа при поддержке папы Иоанна XXII в интересующее нас время возобновил разговоры о новом крестовом походе в Святую Землю [33. С. 1218].

«Священная лига» против турок

Взгляды папы и французского короля на роль Византии в осуществлении их планов не оставались постоянными. Ибо если в 1328–1329 гг. Иоанн XXII собирался создать лигу с Венецией не только против «болгар, аланов, турок», но и против «схизматиков греков» [26. С. 701–702], то уже 26 августа 1332 г. между Венецией, Византией, а также иоаннитами Родоса был заключен союз против турецкого пиратства. Интересная деталь: К. М. Сеттон замечает, что «императорский документ был хрисовул, подписанный *manu nostra rubea subscriptione*, но Андроник не имел под рукой золотой печати!» [8. No.: 2785; 7. No.: 116. С. 227]. См. также: [35. С. 180. п. 82.], т. е. возможно, он и не собирался выполнять эти соглашения.

6 сентября 1332 г. Пьетро да Канале представлял Византию при заключении нового договора с госпитальерами, по которому Византия была обязана снарядить десять боевых галер к 15 апреля 1333 г. [6. No.: 116. С. 225–226; 228–229], см. также: [36. С. 180–181. п. 84]. (Ср. другое прочтение договора в: [25. С. 365. Anm. 451]. В книге [4. С. 124] названа дата 15 октября 1333 г.) Кроме того, 8 марта 1334 г. по инициативе Иоанна XXII в Авиньоне было достигнуто соглашение о создании морского антитурецкого союза с участием Венеции, Византии, госпитальеров, короля Кипра и Святого (папского) престола [7. No.: 2785. 34. an 1333 n. 7; 4. С. 125].

Как показывает письмо папы Иоанна XXII к королю Филиппу VI от 7 марта 1334 г., проблема унии с греками весьма интересовала западных союзников Андроника III Палеолога [21. No.: 5410. С. 153] как раз в контексте совместных военных усилий, хотя, как показывает уже процитированное выше письмо от 12 марта 1334 г., они не собирались оказывать на православного самодержца чрезмерного давления, требуя открытых дискуссии об унии [Ibid. No.: 5423. С. 158].

Письмо папы королю Сицилии Фадрике II Арагонскому [30. No.: 30184. Fedèrigo, Fadrique. Король Сицилии 1296–1337 гг.] от 19 мая 1334 г. подробно описывает вклад в антитурецкий союз каждого из государей. Можно предположить, что масштабы участия Византии в общем деле разочаровали союзников, так как они требуют от Андроника III десять галер в исполнение договора от 6 сентября 1332 г., но готовы удовольствоваться хотя бы шестью, сами же инициаторы союза, папа и французский король, готовы поставить по 8 галер в общий флот из 40 галер [21. No.: 5410. No.: 5485. С. 175–176].

Известно, что союзная эскадра крейсировала в Эгейском море с мая по сентябрь, атакуя пиратские корабли турок, но после смерти папы в декабре 1334 г. союз распался [43. С. 139] см. также: [9. С. 157]. Наибольший успех союзников пришелся на осень 1334 г. По данным К. А. Жукова, «с 8 по 17 сентября 1334 г. латинский флот в нескольких сражениях сжег значительное число кораблей турок <...> Решающее сражение произошло в конце октября 1334 г. в заливе Эдремит, когда 32 галеры (папы, французского короля Филиппа VI, Венеции и, вероятно,

родосских рыцарей и кипрского короля Гуго IV) под командованием Пьетро Дзено полностью разгромили огромный флот Якши Каресиоглу [30. No.: 11130; 39., 2, 1107]. <...> Той же осенью латинский флот одержал еще ряд внушительных побед над турками у побережья Малой Азии, но еще в течение двух лет галеры венецианцев и госпитальеров продолжали патрулировать Эгейское море до тех пор, пока воинственные эмиры не пошли на заключение мирных соглашений» [51. С. 35] см. также: [34. С. 182; 22. С. 96–98]. Византия в этих победах не участвовала. Понятно, что союзники, гордые своими достижениями, были раздражены неучастием в ратных трудах, а более всего, как можно предположить, в военных расходах, византийского императора.

Посольство «союзников» в Константинополь

Никифор Григора в своей «Истории» излагает византийскую точку зрения на международные события в Средиземноморье. Он признает, правда, общий вред для «латинян и ромеев» от турецкого пиратства и безнаказанность турецких грабительских десантов в глубину материка в 1334–1335 гг., так как фан Дитен предполагает, что речь у Григоры идет именно об этом времени [25. С. 358. Anm. 451]. Византийский историк пишет: «В следующий год турки, изготовившие большое количество кораблей, стали вредить не только островам Эгейды и далее Эгейды, но и, захватывая выходящие для торговли суда, разграбляли их. Они делали частые высадки в середину суши, словно в дружественную землю, не встречая никакого сопротивления. Вот то, что доставляло общий вред латинянам, равно как и ромеям, и еще бóльшим угрожало страхом в будущем» [23. С. 523.1–7].

Далее Григора сообщает о создании антитурецкой лиги, неправильно называя Карлом короля Неаполя Роберта Анжуйского [25. С. 365. Anm. 451]. Речь, вероятнее всего, идет об упомянутом выше договоре 1332 г. Можно предположить, что византийский историк, не очень интересующийся внешней политикой, соединил в одном сообщении разновременные события.

Заслуживает внимания и упоминание о военном посольстве западных союзников в Византию, которое, согласно рассуждениям Фан Дитена, могло иметь место в конце 1334 г., когда союзники, выведенные из себя бездеятельностью византийского императора, могли прибегнуть к угрозам [Там же. С. 366. Anm. 451]. Никифор Григора пишет: «Совещаются, следовательно, собравшиеся вожди латинян о деле друг с другом и с Карлом, королем Италии, и обещают приготовиться к отражению врагов. Они же посылают и к императору посольство, разясняя общее латинское устремление и требуя, чтобы он вступил в общее предприятие и не поставил во вторую очередь дела серьезные. “Ибо нестерпимы, – они говорили, – все ужасы, которые доставляют варвары ромеям и латинянам и которые доставлять еще обещают. Но неуместно и, кроме того, знак медлительнейшего со всех сторон умонастроения и намерения, если, хотя возможно использовать возникающий против нашей воли каждый год убыток и расход наших денег на варваров для приготовления морской силы и для обороны против них, вследствие того (что ничего не делаем. – С. Г.) мы добровольно уступаем (врагу. – С. Г.) и как бы толкаем в явную и бесспорную опасность вместе с нашими деньгами и самих себя”» [23. С. 523.7–524.12].

Последняя фраза приведенного высказывания, передающая аргументы латинского посольства, содержит обвинение, если можно так выразиться, в неприятельских действиях. Медлительность в ситуациях, когда требуется воинственная решительность, приравнена к добровольной сдаче. Обычная имперская практика – откупаться от варваров деньгами и выкупать своих пленных – получает у латинских союзников империи несколько иную интерпретацию. Они обвиняют византийцев в фактическом финансировании турецкой военной мощи. Отсюда логично

вытекают и угрозы в адрес императора, о которых сообщает Никифор Григора, намекая на вынужденное присоединение Византии к антитурецкой коалиции: «Внесли же они в посольство и как бы некий рефрен, что если не выступишь и ты (император. – С. Г.) с нами к отражению общих врагов, то не замедлишь и сам от нас равное врагам претерпеть, подвергаясь войне. Это заставило императора и самого вступить в это общее дело» [23. С. 524.12–17].

Кроме того, можно заметить, что раздражение союзников очевидно уже в мае 1334 г., как явствует из упомянутого выше письма папы к королю Сицилии от 19 мая 1334 г.

В целом складывается впечатление, что Никифор Григора выступает против активного вовлечения Византии в союз с латинянами, так как турецкой угрозе, как можно заключить из текста, империя предпочитала противостоять дипломатическими мерами. Византийский историк, по всей вероятности, опасается того, что оскудевшие ресурсы Византии пойдут на обслуживание амбиций латинских властителей и в конечном итоге, как это, впрочем, и случилось, не принесут грекам никакой пользы.

Наш историк замечает, что бездействие империи было обусловлено плачевным состоянием императорской казны [Там же. С. 524.17]. Боевая мощь византийского флота, состоящего из отремонтированных старых и спешно сооруженных за зиму новых кораблей, представляется весьма сомнительной. Поведение императора, который, не имея опыта, порывается сам командовать эскадрой, так как, вероятно, задета его рыцарская честь, позволяет предположить неприязненное отношение византийского историка и к самому предприятию вообще и к его главному исполнителю в частности.

Никифор Григора повествует далее: «Когда эти дела были таковы, они чинили старые корабли и другие от самих уже оснований они изготавливали в течение всей вот этой зимы. Когда уже весна заканчивалась, император, снарядив двадцать кораблей, приготавливался к отплытию, сам становясь добровольцем-навархом флота, хотя и терпел препятствия в этом от супруги-властительницы и всех прочих, из-за того, что не достигают достоинства императорского сана подобные дела. Он же, как и в прочем, сам ревновал сделаться самостоятельным производителем событий, так и теперь весьма воспылал честолюбием и был полон боевого стремления. Но все же сидел спокойно, ожидая прибытия и латинских сил. Но латиняне, занявшись замешательствами и смятениями, недавно возникшими среди них самих, бездеятельными и лживыми оказались в своих обещаниях» [Там же. С. 524.21–525.10].

Следует обратить внимание также на то обстоятельство, что предполагаемая дата посольства для переговоров о более активном участии Византии в антитурецкой коалиции и выполнении ею своих обязательств фактически совпадает по времени с церковной миссией епископов Франческо и Риккардо. Более того, если принять во внимание упомянутую просьбу папы к королю Франции «предоставить средства для морского путешествия» для посольства, направляющегося в Константинополь вести переговоры об унии церквей, то можно предположить, что фактически было одно посольство, в состав которого и были включены папские легаты Франческо и Риккардо [21. No.: 5423. С. 158].

Можно также предполагать участие в этой миссии рыцаря Гуго Кверети (Hugo Quereti), посла короля Франции, пользовавшегося доверием и папы, и короля, который упоминается среди нунциев Филиппа VI в коалиции против турок [Там же. No.: 5485. С. 175]. Возможно, что именно он возглавлял военное посольство в Константинополь. Этот человек был членом королевского комитета по подготовке крестового похода, выполнял различные дипломатические и разведы-

вательные миссии на Востоке, затем погиб в морской битве с англичанами в 1340 г. [39. С. 34].

Вполне вероятно, что в контексте требований исполнить обязательства по договору 1332 г., для византийского императора было бы весьма затруднительным отклонить требования объединения церквей. Ведь речь опять идет об идентичности. Сотрудничавшим с латинянами в военной сфере византийцам было довольно трудно обосновать отказ решить проблему объединения церквей, тем более что однажды, в не очень далеком прошлом, в 1274 г., это объединение уже произошло на Втором Лионском соборе.

На изложенную проблему можно взглянуть несколько шире. «Общее дело», или «общая нужда», о чем пишет Никифор Григора, отодвинули религиозные разногласия на задний план. Восторжествовал политический прагматизм, который, однако, поставил в повестку дня вопрос о способе самоидентификации.

Распад союза латинских правителей с Византией

Итак, латинский Запад впервые после 1291 года, когда пала Акра, последняя крепость крестоносцев в мусульманских землях, собрал значительные военные силы для создания «Священной лиги», для успешных действий против мусульманского морского пиратства на торговых путях Средиземноморья в 1334 г.

Однако союз всех христиан против общего врага не стал общей ценностью и элементом самоидентификации. Никифор Григора в процитированном пассаже, подсчитав все выгоды и убытки, призывает в итоге опираться на собственные силы.

Папский престол, вероятно не понимая всю хрупкость достигнутых соглашений, тотчас поспешил со своей «ложкой дегтя», вынуждая новых союзников к дискуссиям об унии церквей. Генуя не смогла примириться с ведущей ролью Венеции, своего заклятого врага и конкурента, в «Священной лиге».

Последовала вооруженная провокация. Антитурецкий союз западных держав с Византией оказался под угрозой после захвата генуэзцами Лесбоса, по всей вероятности летом 1335 г. [50. С. 525.16–19], см. также: [25. С. 359. Anm. 451; 26. S. 701–702. Anm. 1], хотя оккупация Лесбоса датируется иногда также осенью 1334 г. [6. С. 246. С. Хр. 8/29]. По источникам нельзя сказать, чтобы византийский император Андроник III Палеолог проявлял интерес к делам антитурецкой коалиции, после лета 1335 г. Последнее свидетельство византийской благосклонности к латинянам – подписание теми же латинскими епископами Франческо да Камерино и Риккардо 8 апреля 1335 г. акта Андроника III о привилегиях коммуне Перу [17. С. 440]. Надо отметить, что Пера была генуэзской колонией, а поэтому дарование ей привилегий можно рассматривать как попытку задобрить генуэзцев, раздраженных усилением венецианцев.

В ответ на агрессию генуэзцев, которую византийцы встретили как малое повторение событий 1204 г. [27. С. 438], император отплыл с флотом из 84 боевых кораблей [52. С. 132–133] из Константинополя против Лесбоса и Фокеи поздним летом (12–14 августа) 1335 г. [23. С. 528.23], а также осадил Перу. Крепость Лесбоса Митилена была отвоевана только летом 1336 г. Алексеем Филантропином, хотя он был вновь назначен наместником Лесбоса уже в мае 1335 г. [30. No.: 29752]. Это новое назначение видного военачальника, как можно предположить, свидетельствует о том, что захват Лесбоса произошел все же, скорее всего, поздней весной 1335 г.

Заключение

Таким образом, отношение византийского историка Никифора Григоры к папской миссии 1334 г. в Константинополь позволяет задать широкий исторический и культурный контекст для анализа данного события. Создание христианской «Священной лиги» против турецкого пиратства в 1332 г. и успешные боевые действия объединенного флота основных христианских государств Европы на торговых путях Средиземного моря в 1334 г. поставили Византию перед выбором: совместные с латинянами боевые действия против турок и в перспективе дальнейшая интеграция в виде союза церквей или сепаратные договоры с турками при сохранении своей религиозной свободы.

«Запад» не долго демонстрировал единство. В 1337 г. началась Столетняя война в Европе, и Францию перестали интересовать перспективы нового крестового похода, а значит, и дела в Средиземноморье. Продолжилось соперничество Венеции и Генуи, которое вскоре привело к войне между морскими республиками. Уже упомянутое нападение Генуи на византийский Лесбос в 1335 г. заставило византийцев заключить союз с сельджукским эмиром Уруханом [27. С. 438]. Международная ситуация еще раз заставила византийцев убедиться в том, что «отеческое благочестие» выше материальных выгод союза с «Западом», таким ненадежным и переменчивым.

Литература

1. Acta Ioannis XXII (1317–1334) e Registris Vaticanis / aliisque fontibus collegit A. L. Tautu. – Città del Vaticano, 1952. – Fontes III. – Vol. VII.
2. Altaner B. Die Kenntnis des Griechischen in den Missionsorden während des 13. und 14. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Vorgeschichte des Humanismus // Zeitschrift für Kirchengeschichte. – 1934. – Bd. 53.
3. Angold M. Church and Society in Byzantium under the Comneni, 1081–1261. – Cambridge : University Press, 1995.
4. Bosch U. V. Kaiser Andronikos III Palaiologos: Versuch einer Darstellung der Byzantinischen Geschichte in den Jahren 1321–1341. – Amsterdam, 1965.
5. Die byzantinischen Kleinchroniken / hrsg. P. Schreiner. – Wien, 1975–1979. – Bd. II. – S. 246. – Chr. 8/29.
6. Diplomatarium veneto-levantinum / ed. G. M. Thomas. – Venice, 1880. – T. I.
7. Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565–1453. Bd. IV: Regesten von 1282–1341. – München–Berlin, 1965.
8. Edbury P. W. The Kingdom of Cyprus and the Crusades, 1191–1374. – Cambridge, 1991.
9. Eubel C. Hierarchia Catholica Medii Aevi. – Münster, 1913. – Vol. I. (Chersonen).
10. Evert-Kappesova H. La Société byzantine et l'Union de Lyon // Byzantinoslavica. – Prague, 1949. – T. 10. – P. 28–41.
11. Evert-Kappesova H. Une Page de l'Histoire des Relations byzantino-latines: Le clergé byzantin et l'Union de Lyon (1274–1282) // Byzantinoslavica. – Prague, 1952–1953. – T. 13. – P. 68–92.
12. Fedalto G. La Chiesa Latina in Oriente. – Verona, 1981. – Vol. I.
13. Gill J. Eleven Emperors of Byzantium seek Union with the Church of Rome // Eastern Church Review. – Vol. IX. – Oxford, 1977.
14. Gill J. The Church union of the Council of Lyons (1274) portrayed in Greek documents // Orientalia Christiana Periodica. – Roma, 1974. – Vol. 40. – P. 5–45.
15. Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra Santa e dell' Oriente Francese. – Quaracchi presso Firenze, 1919. – Vol. III.
16. Heyd W. Histoire du Commerce du Levant au Moyen Age. – Leipzig, 1884. – Vol. II.
17. Historiae Patriae Monumenta IX (Liber Iurium II). – Turin, 1857.
18. Kunstmann F. Studien über Marino Sanudo den Älteren. – München, 1855. – Bd. VII.

19. Laiou A. Marino Sanudo Torsello, Byzantium and the Turks: The Background to the Anti-Turkish League of 1332–1334 // *Speculum*. – 1970. – Vol. 45, No. 3. – P. 374–392.
20. Lemerle P. L'Émirat d'Aydin, Byzance et l'Occident: Recherche sur "La Geste d'Umur Pach". – Paris, 1957.
21. Lettres secrètes et curiales du pape Jean XXII (1316–1334) / ed. A. Coulon et S. Clémencet. – Paris, 1972. – Fasc. 10.
22. Mollat G. Jean XXII (1316–1334), Lettres communes analysées d'après les registres d'Avignon et du Vatican. – Paris, 1933. – Vol. XIII.
23. Nicephori Gregorae Byzantina historia / cura L. Schopeni. – Bonnae, 1829. – Bd. I.
24. Nikephoros Gregoras. Antirrhethika I / Einl., Textausg., Übers. u. Anm. von H.-V. Beyer. – Wien, 1976.
25. Nikephoros Gregoras. Rhomäische Geschichte. Historia Rhomaike / Übers. u. erl. von J. L. van Dieten. – Stuttgart : Hiersemann, 1979. – Bd. II/2.
26. Norden W. Das Papsttum und Byzanz: Die Trennung der beiden Mächte und das Problem ihrer Wiedervereinigung bis zum Untergange es byzantinischen Reichs (1453). – Berlin, 1903.
27. Ostrogorsky G. Byzantinische Geschichte 324–1453. – München, 2006.
28. Bartusis M. C. The late Byzantine Army. Arms and Society, 1204–1453, – Philadelphia, 1992.
29. Paparozzi M. Un opuscolo di Niceforo Gregoras sulle condizioni del dialogo teologico con i latini // La Chiesa greca in Italia dell'VIII al XVI secolo. Atti del Convegno storico interecclesiale (Bari, 30 apr. – 4 magg. 1969). – Padua, 1973. – P. 1331–1359.
30. Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. – Wien, 1976–1996. – I–XII.+Add. zu I–VIII u. I–XII + Abk. – Verz. u. Gesamtregister.
31. Rapp F. Svatá Říše římská národa německého. Od Oty Velikého po Karla V. – Praha, 2007.
32. Raynaldus O. Annales ecclesiastici / ed. J. D. Mansi. – Paris, 1750.
33. Runciman S. Geschichte der Kreuzzüge. – München, 1995.
34. Setton K. M. The Byzantine Background to the Italian Renaissance // *Proceeding of the American Philosophical Society*. – 1956. – Vol. 100/1 (February).
35. Setton K. M. The Papacy and the Levant (1204–1571). – Philadelphia, 1976.
36. Sinkewicz R. A new interpretation for the first episode in the controversy between Barlaam the Calabrian and Gregory Palamas // *Journal of Theological Studies*. – 1980. – No. 31. – P. 489–500.
37. The Oxford Dictionary of Byzantium. – N. Y., 1991.
38. The shorte Cambridge Medieval History. – Vol. II : The Twelfth Century to the Renaissance. – Cambridge, 1971.
39. Tyerman C. J. Philip VI and the Recovery of the Holy Land // *The English Historical Review*. – 1985. – Vol. 100, No. 394. (Jan.). – P. 25–52.
40. Vidal J.-M. – Mollat G. Benoît XII (1334–1342). Lettres closes et patentes. – Paris, 1950.
41. Werner. E. Die Geburt einer Grossmacht. Die Osmanen. – Berlin, 1966.
42. Байер Х.-Ф. Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зикхии по данным просопографического лексикона времени Палеологов // АДСВ : Византия и средневековый Крым. – Симферополь : Таврия, 1995.
43. Гаген С. Я. «Политическая выгода» и «отеческое благочестие» в восприятии Никифора Григоры // *Власть, политика, право в античности и средневековье : сб. статей*. – Барнаул, 2003. – С. 202–209.
44. Гаген С. Я. «Священная лига» против турок (1332–1334) и ее восприятие в Византии и на Западе // *Византия и Запад (950-летие схизмы христианской церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами) : тезисы докладов XVII Всероссийской научной сессии византинистов (Москва, 26–27 мая 2004 года)*. – М., 2004. – С. 43–44.
45. Гаген С. Я. Альянсы против турок в 1332–1344 гг. и проблема унии греческой и латинской церковей // *Россия – Крым – Балканы: диалог культур : научные доклады международной конференции*. – Екатеринбург, 2004. – С. 137–139.
46. Гаген С. Я. Византийское правосознание IV–XV вв. : монография / отв. ред. член-корреспондент РАН И. П. Медведев. – М. : Юрлитинформ, 2012.

47. Гаген С. Я. Иоанн XIV Калека // Православная энциклопедия. – М., 2010. – Т. XXIII. – С. 493–496.
48. Гаген С. Я. Иоанн Кантакузин // Православная энциклопедия. – М., 2010. – Т. XXIV. – С. 296–303.
49. Гаген С. Я. Образ Византии в донесении французского доминиканца первой трети XIV в. // Античная древность и Средние века. – Екатеринбург, 2009. – С. 360–374.
50. Гаген С. Я. Политический фон папской миссии 1334/1335 г. в Константинополь // Античная древность и Средние века. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 380–391.
51. Жуков К. А. Эгейские эмираты в XIV–XV вв. – М., 1988.
52. История Византии. – М., 1967. – Т. 3.
53. Красиков С. В. Божественная трансцендентность и императорская власть у Никифора Григоры // АДСВ. – Екатеринбург, 2002. – С. 207–213.

**|| Мир культуры:
субъекты, институты, практики**

УДК 16

Болдыгин Геннадий Васильевич
канд. филос. наук,
доцент НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)

Boldygin Gennadiy Vasil'evich
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

**И. КАНТ О СПЕЦИФИКЕ
ТЕОРЕТИЧЕСКОГО
И ПРАКТИЧЕСКОГО ВИДОВ
ПОЗНАНИЯ (статья вторая)**

**I. KANT ON THE NUANCES
OF THEORETICAL AND PRACTICAL
COGNITION (Article Two)**

Аннотация

Кант первым обратил внимание на то, что теоретические знания приобретаются иными средствами, чем знания практические. В статье первой рассматривались воззрения Канта на предметы теоретического и практического познания (*предметы опыта и правила поведения*). Эта вторая статья посвящена его представлениям о сути двух видов познания. Особое внимание уделено взглядам Канта на участие в теоретическом и практическом познании *рассудка, способности суждения и разума* – специфических форм познавательной деятельности интеллекта. В статье рассматриваются особенности использования Кантом ряда терминов (например, *философия, постулат*), которые в XVIII веке имели иные значения, чем в наши дни.

Ключевые слова: вечность; время; действительность; дефиниция; естествознание; заблуждение; математика; нравы; осуществление; познание; постулат; правила поведения; право; практическое; предметы опыта; проектирование; свобода; теоретическое; теория; философия; Кант; Коперник; Лейбниц; Ньютон.

Abstract

Kant was the first to open the fact that there is a difference between the way *practical rules of conduct* are learned and the way *theoretical sciences* cognate their subject matters. Article One was largely devoted to Kant's views on theoretical and practical cognitive subject matters (the objects of experience and the rules of conduct). This Article Two focuses on Kant's ideas of the two ways of cognition matter. Special attention is paid to Kant's views on the particular forms of intellectual cognitive faculty – *understanding, judgment and reason* – involved into theoretical and practical cognition. The article considers the peculiarities of a number of terms (e.g. *philosophy, postulate*) used by Kant that had different meanings from what they mean today.

Keywords: Eternity; time; actuality; definition; natural science; error; mathematics; mores; provision; cognition; postulate; rules of conduct; right; the practical; objects of experience; projection; freedom; the theoretical; theory; philosophy; Kant; Copernicus; Leibnitz; Newton.

В первой статье были рассмотрены воззрения Канта на специфические предметы *практического и теоретического* познания (*правила поведения* в первом случае и *предметы опыта* – во втором) [2. С. 120–136]. В основе тщательного разграничения им предметов различных видов познавательной деятельности лежит оригинальная концепция заблуждения, объяснение которого в методологии Нового времени оказалась неотделимым от поиска пути (*μέθοδος* – букв. путь) к истине. Задачу выявления причин, побуждающих *естественный разум*¹, предназна-

¹ Понятие *природы, естества* (φύσις) в греческой античности определялось путем его противопоставления *искусству, умению* (τέχνη), а начиная с римской – еще и *сверхъестественному*, которое представляло главный интерес для пытливых умов Средневековья, видевших некий знак свыше, *чудо*, в любых отклонениях от *обыкновенного* и, значит, *естественного*. Сверхъестественным считалось, например, *откровение*, т. е. открытие богом знаний тем, кто не предпринимал для этого никаких интеллектуальных усилий, но был избран им в качестве медиума для сообщения остальным людям истины. В Новое время значительно возрос авторитет *естественного разума* (не

ченный для приобретения знаний, то и дело попадать в тупики незнания, решали и Ф. Бэкон с его учением об *идолах*, и Р. Декарт, полагавший *волю*, а точнее, ее недостаточность к последовательному рассмотрению всех звеньев в цепи умозаключений – главной причиной скороспелых выводов. По-своему трактовали путь к знанию и причины отклонения от него Спиноза и Беркли, Локк и Лейбниц, другие выдающиеся умы XVII–XVIII вв.

Кант не разделял иллюзий многих методологов своего и более позднего времени, надеявшихся получить универсальную отмычку ко всем тайнам мира с помощью воспроизведения пути *естественного разума* к истине. Не ставил он перед собой и задачу научить любого желающего делать научные открытия, прекрасно понимая, что нужная для этого *проницательность* – уникальный и непередаваемый *дар природы* [13. С. 253]. «Я не занимаюсь эволюцией... понятий (все действия, благодаря которым порождаются понятия)...» – формулирует Кант для себя своеобразный методологический запрет в набросках к первой *Критике* [15. С. 77]. А в самой *Критике* Кант осуществляет ревизию понятия *метод*, отказываясь видеть в нем *органон*, но только – *канон*, под которым еще в эпоху эллинизма стали понимать не только стандартную полоску свинца, длина которой соответствовала обхвату будущей колонны, но прежде всего – *критерий*, очень часто (но далеко не всегда) критерий истины. Цель Канта – создать с помощью *критики разума* критерий, позволяющий строго разграничивать области правильного применения той или иной познавательной способности: «Под каноном я разумею совокупность основоположений *a priori*, касающихся правильного употребления некоторых способностей познания вообще» [5. С. 1001].

Воззрениям Канта на *метод* соответствовала и его концепция заблуждения, предполагающая, что у каждой познавательной способности – *чувственности, рассудка, разума* – имеется своя область применения, за границами которой она бессильна что-либо постичь так же, как другие способности не могут выполнять ее специфические познавательные функции в подведомственной ей сфере. Рассудок и разум не могут созерцать, чувственность – судить, а рассудок, познающий вместе с чувственностью *предметы опыта*, не способен познавать предметы, которые находятся в эксклюзивной компетенции разума. Попытки применять познавательные способности к недоступным для них объектам (а точнее, приписывание им такой возможности) приводят, по Канту, к заблуждениям, предупреждение которых он рассматривает в качестве главной задачи *критики разума*: «... величайшая и, быть может, единственная польза всякой философии чистого разума только негативна: эта философия служит не органом для расширения, а дисциплиной для определения границ, и, вместо того чтобы открывать истину, у нее скромная заслуга: она предохраняет от заблуждений» [Там же. С. 1001].

Разграничению *объектов и предметов, областей и территорий*, доступных различным познавательным способностям и видам познания, Кант уделял в *Критиках* основное внимание, поскольку «в делении той или иной науки разума всё зависит от различия предметов, познание которых требует различных принципов...» [8. С. 81]. И всё же в опубликованных работах и черновиках Канта можно найти отдельные высказывания, позволяющие с той или иной степенью достоверности реконструировать его представления не только о предметах теоретического и практического видов познания, но и о некоторых других особенностях этих ви-

изуродованного искусственно навязываемыми обществом *предрассудками*), самостоятельно (и это было очевидно), без помощи *откровения*, создавших новую науку. А уже в XVIII в. выражение *естественно* стало синонимом оборота «само собой разумеется». «...Нет ничего более естественного, – писал, например, Кант, – чем подразумевать под словом *естественно* все то, что должно происходить надлежащим и разумным образом...» [6. С. 31].

дов интеллектуальной деятельности. Правда, этих суждений немного и почти каждое из них требует пояснений и отступлений, иногда довольно объемных.

Одно из высказываний о двух видах познавательной деятельности находится в *Предисловии* ко второму изданию *Критики чистого разума*. Здесь Кант, рассуждая о *разуме* (die Vernunft), утверждает, что «его познание (ihre Erkenntnis) может относиться к своему предмету двояко, а именно: либо просто давать *определение* этому предмету и его понятию (которое должно быть дано другим путем), либо *делать* его *действительным*. Первое означает *теоретическое*, а второе – *практическое познание разума*» [5. С. 10, 11]².

Для современного читателя (особенно русскоязычного) в этих суждениях Канта о двух видах познавательной деятельности загадочно почти всё – и отдельные термины, и их сочетания. Все они способны вызвать не один вопрос. Первый и главный из них – о значении слова *разум* в отношении *его теоретического познания*. Раскрытие значения этого слова и самого Канта нередко ставило в *затруднительное положение* [Там же. С. 461], истоки которого не только в том, что он весьма скептически относился к дефинициям вне математики³, но и в его попытках (иногда удачных, а иногда и не очень) ограничить нужными ему значениями слова повседневного языка, где они многозначны и где отсутствуют строго сформулированные правила их употребления. Да и сам он использует слово *die Vernunft* не в единственном значении, а, по меньшей мере, в трех, иногда раскрывая их, а чаще – оставляя читателю возможность самостоятельно расшифровывать смысл прочитанного.

Во-первых, слово *разум*, и это общеизвестно, Кант использует в качестве аналога латинского «ratio», т. е. в значении *интеллекта вообще*, без дифференциации его на *рассудок*, *способность суждения* и собственно *разум*. О таком значении Кант говорит, например, в *Архитектонике чистого разума* – предпоследней главе первой *Критики*: «Под разумом... я понимаю здесь всю высшую способность познания и, следовательно, противопоставляю рациональное (das Rationale) эмпирическому (dem Empirischen)» [Там же. С. 1047]. Однако в том же значении *интеллекта вообще* Кант нередко использует и слово *рассудок* (der Verstand), который «есть нечувственная (nichtsinnliche) способность познания» [Там же. С. 157]. Немного далее, рассуждая о *высших способностях познания*, он пишет: «Эти способности суть *рассудок*, *способность суждения* и *разум*... которые все вместе называются *рассудком вообще* в широком смысле этого слова» [Там же. С. 247].

Кант, конечно же, осознавал условность расщепления им единого ratio (*интеллекта вообще*) на отдельные *познавательные способности* и присвоения им немецких имен die Vernunft, der Verstand и die Urteilskraft. Эти термины он ис-

² «...Ihre Erkenntnis kann auf zweierlei Art auf ihren Gegenstand bezogen werden, entweder diesen und seinen Begriff (der anderweitig gegeben werden muß) bloß zu bestimmen, oder ihn auch *wirklich zu machen*. Die erste ist *theoretische*, die andere *praktische Erkenntnis* der Vernunft» [5. С. 10]. Следует отметить, что словосочетание *die Erkenntnis der Vernunft*, по странной традиции, начало которой в 1964 г. положил 3-й том кантовских сочинений, переводится (причем только в этом отрывке) русским оборотом «*познание разумом*», намекающим на его способность самостоятельно, без помощи чувственности и рассудка, познавать свои предметы *теоретически* [5. С. 11–12]. Но в немецком языке нет творительного падежа. Когда нужно указать, что данное существительное является средством и отвечает на вопросы *кем? чем? с помощью чего* или *кого?*, немцы используют дательный падеж (Dativ) и предлог *s* (mit). Только словосочетание *die Erkenntnis mit der Vernunft* можно было бы перевести как *познание разумом*. Н. О. Лосский, перевод которого *Критики чистого разума* был взят за основу ее первого советского издания и последующих российских, перевел *die Erkenntnis der Vernunft* словосочетанием *познание разума*, используя слово *разум* в родительном падеже, как того требуют нормы немецкого и русского языков [4. С. 1].

³ «...Только математика имеет дефиниции», – утверждал Кант [5. С. 925], неоднократно повторяя, что «философия не может подражать методу математики в построении дефиниций» [Там же. С. 927].

пользует не для обозначения неких реальных субстанций, самодостаточных *causa sui*, обособленно сосуществующих и самостоятельно действующих в головах у людей, а для фиксации специфических приемов человеческого интеллекта при решении различных познавательных задач. И делает он это с помощью слов повседневного языка, где они плохо различимы и нередко взаимозаменяемы. Но, как мы видели, трудно различимыми и взаимозаменяемыми они бывают и у Канта.

Во-вторых, словом *разум*, когда Кант отличает его от *рассудка*, обозначается преимущественно практическая *познавательная способность*, основная функция которой – познавать *практические правила поведения* и на их основе руководить поступками людей⁴. Если в данном отрывке из *Предисловия* слово *разум* используется в этом значении, тогда под *теоретическим* познанием *разума* подразумевается использование практической познавательной способности не по назначению – для *спекулятивных* умозаключений о *понятиях разума*, которые «критика относит к идеям, за пределами для нашей теоретической способности познания» [5. С. 69].

Однако из следующего абзаца становится ясно, что это предположение неверно. В этом абзаце Кант, рассуждая о *разуме* и *его теоретическом познании*, имел в виду не квазитеоретические спекуляции руководителя наших практических действий⁵, а рациональную составляющую *математики* и *физики*. Только эти две науки, говорится здесь, «являются теоретическими познаниями разума» [Там же. С. 11]⁶. Иными словами, в исследуемом выражении *теоретическое познание разума* Кант использует слово *разум* в значении *интеллекта вообще*, с которым хорошо знаком будущий читатель по привычной уже с XVII в. оппозиции *рациональное – эмпирическое*.

Этот предполагаемый новый читатель, к которому и обращено *Предисловие*, в отличие от нас и, разумеется, его автора, еще не знает, что *Критика чистого разума* посвящена главным образом *теоретическому познанию* – этому *единоличному владению рассудка*, как будет сказано в последней *Критике* [8. С. 71]. Именно поэтому Кант даже утверждал, что первая часть предпринятой им *критики разума*, под названием *Критика чистого разума*, посвящена на самом деле *критике чистого рассудка*, вторая – *критике способности суждения*, хотя посвященная ей книга вышла последней, а *критике чистого разума* – только третья часть, т. е. *Критика практического разума*, на самом деле, вторая по времени написания и издания⁷. «Чистый разум сам по себе, – утверждал в ней Кант, – есть практический разум...» [6. С. 351].

Будущему читателю еще предстоит узнать, что *разум* – это тот же самый *рассудок*, когда он начинает осмыслять поведение людей, которое направляется не внешними для них *действующими причинами*, а *целями*, порождаемыми их собст-

⁴ «... В практической области... мы прежде всего ищем у разума лишь *предписания* для поведения...» [5. С. 1009].

⁵ «Теоретическое познание бывает спекулятивным, если оно направлено на такой предмет или такие понятия о предмете, к которым нельзя прийти ни в каком опыте» [5. С. 815].

⁶ «*Mathematik und Physik* sind die beiden theoretischen Erkenntnisse der Vernunft, welche ihre *Objekte a priori* bestimmen sollen, die erstere ganz rein, die zweite wenigstens zum Teil rein...» [5. С. 10]. Ср. с приводившимся в первой статье высказыванием из *Пролегоменов*: «...мы можем ссылаться только на две науки теоретического познания..., а именно на *чистую математику* и *чистое естествознание*; ибо только они могут показать нам предметы в созерцании, когда в них имеет место априорное познание...» [10. С. 33].

⁷ «...Критика чистого разума... состоит из трех частей: из критики чистого рассудка, критики чистой способности законов суждения и критики чистого разума...» [8. С. 97–99]. Кант бывает подчеркнуто не историчен. Он ведь искал вечные и неизменные *законы разума*. Последовательность же их открытия не должна иметь какого-либо значения ни для самих этих законов, ни для читателей его книг.

венными желаниями, свободными от принуждения чувственности. «... Кроме того отношения, в котором *рассудок* находится с предметами (в теоретическом познании), он имеет еще отношение и к способности желания... тогда чистый *рассудок* (который в этом случае называется разумом)... есть практический разум», – говорится во второй *Критике* [6. С. 55]⁸.

А пока, в *Предисловии* к первой *Критике*, Кант в выражении *теоретическое познание разума* использует слово *разум* без противопоставления его *рассудку* и, скорее, даже в значении *рассудок*. Так что термин *разум*, когда речь идет о его *теоретическом познании*, позволительно заменять словом *рассудок* (или хотя бы помнить о такой возможности) и лишь с большими оговорками использовать для этой цели сугубо авторскую метафору Канта *теоретический разум*, с помощью которой он иногда сокращает свое же, но более развернутое выражение *разум в его теоретическом употреблении*. Впрочем, авторскими метафорами, как мы видели, являются в *Критиках* и более простые термины: *разум, рассудок, способность суждения*.

В-третьих, словом *разум* Кант обозначает также особую функцию интеллекта, которую он называет *логической формой познания*. В силлогизме функция *разума* – это *умозаключение*, или *вывод* (conclusio), из имеющихся посылок. Функция же *рассудка* при построении силлогизма *законодательная* (gesetzgebend) и состоит в создании *большой посылки* (major), в которой задается, по Канту, некоторое *правило* (eine Regel). Функцию создания меньшей посылки (minor) Кант называет *способностью суждения*, которая *есть особый талант рассудка*, состоящий в умении различать, *подчинено ли нечто данному правилу или нет*, а его отсутствие *есть, собственно, то, что называют глупостью* [5. С. 249–251, 467]⁹. Эту особую способность *рассудка* *подводит* представления *под правила* в последней *Критике* Кант называет *определяющей* способностью суждения и противопоставляет ей *рефлектирующую* способность, лежащую в основе *эстетических и телеологических суждений*¹⁰. Исполняя формально-логическую функцию, *разум* безразличен к содержанию посылок, на которые опираются его умозаключения, а потому действует одинаковым образом во всех случаях его *употребления* – *практическом, спекулятивном, теоретическом*.

В *теоретическом познании*, где *законодательство* (Gesetzgebung) путем суждений о *предметах опыта* осуществляет *рассудок*, Кант запрещает *разуму* быть *законодательствующим* (gesetzgebend), позволяя ему быть только лишь *знающим законы* (gesetzkundig), которые *рассудок предписывает природе* [8. С. 87]. *Разуму*,

⁸ Здесь Кант идет вслед за перипатетиками. Аристотель относил *желание* к *стремлениям* как свойствам *души*, непосредственно побуждающим человека к действиям. Знания, включая практические, он считал хотя и необходимыми, но все же недостаточными условиями реальных действий человека: «... не знание, а другая сила вызывает действие, согласное знанию», поскольку «сведущий во врачебном искусстве не обязательно лечит» [1. 433 a5–10]. «Даже когда ум предписывает, а размышления подсказывают чего-то избегать или добиваться, не побуждаются этим к действию, а поступают согласно желанию, как, например, невоздержанный человек...» [Там же]. По Аристотелю, человека «к пространственному движению» побуждают «ум и стремление», «а именно ум, размышляющий о цели, т. е. направленный на деятельность; от созерцающего ума он отличается своей направленностью к цели» [Там же. 433 a10–15]. У Канта аналог аристотелевского *созерцающего* (теоретического) *ума* – это *рассудок*, а *ума, размышляющего о цели*, – *практический разум*.

⁹ «Все действия *рассудка* мы можем свести к суждениям, следовательно, *рассудок* вообще можно представить как *способность суждения* (ein Vermögen zu urteilen)» [5. С. 158, 159]. Далее Кант в рассуждениях о познавательной деятельности *рассудка* наряду с термином *Vermögen zu urteilen* использует и его синоним – *die Urteilskraft*.

¹⁰ «Если дано всеобщее (правило, принцип, закон), то способность суждения, которая подводит под него особенное... есть *определяющая* способность. Но если дано только особенное, для которого надо найти всеобщее, то способность суждения есть чисто *рефлектирующая* способность» [8. С. 99].

выполняющему в *теоретическом познании* исключительно формально-логическую (вспомогательную) функцию, только и остается «путем умозаключений делать из данных законов выводы, которые никогда не выходят за пределы природы» [8. С. 87].

В отличие от *суждений* рассудка разум, использующий эти суждения в качестве исходного материала своих *умозаключений*, не контролируется созерцаниями, что позволяет недисциплинированному *разуму*, полагал Кант, принимать создаваемые им самим идеи (*понятия разума*) за теоретические *выводы* из *понятий рассудка*¹¹. Следствием неразличения *понятий рассудка* и *понятий разума* являются, по его убеждению, попытки использовать приемы теоретического (математического и естественно-научного) познания *предметов опыта* для познания недоступных чувственному созерцанию *мира в целом*, *Бога* как творца этого мира, свойств бестелесной *души*, которые делают ее бессмертной, способной управлять человеческим телом и нести в вечной жизни ответственность за результаты этого управления.

Недоказуемость подобных квазитеоретических выводов с помощью средств, используемых в *науках теоретического познания*, и непрекращающиеся попытки все-таки доказать (или опровергнуть) их свидетельствуют, по Канту, лишь о неустранимости познавательного интереса людей к этим *понятиям разума*, которые он *не заимствует ни из чувств, ни из рассудка* [5. С. 461]. Но этот интерес – не теоретический, требующий познавать истину независимо от того, полезно такое знание или бесполезно, прекрасна истина или безобразна, желанна она или отталкивающе отвратительна, а практический, цель которого – обосновывать с помощью собственных идей тот или иной желанный способ взаимоотношений между *лицами*.

Разум человека, которому желанен мир, где все разумные существа следуют *моральному императиву*, категорически требует свободы для каждого как признание его разумности и вменяемости и так же категорически постулирует *существование бога* как всеведущего и справедливого судьи, которому ведомы не только внешние обстоятельства наших поступков, но и наши мотивы¹². Следование моральному императиву также категорически требует *бессмертия души*, чтобы *в конце веков*, узнав об отдаленных последствиях своих поступков, она могла убедиться в справедливости приговора *Страшного суда*.

Прагматические же императивы выражают, правда не категорически, а в форме *совета*, – желание мира, в котором все *благоразумно* стремятся к собственной *длительной выгоде* и, используя ради этой цели других *лиц* исключительно в качестве *средства*, добиваются собственного и, значит, *всеобщего счастья*, понимаемого, однако, каждым на свой собственный лад. Напомним, в *Основоположении метафизики нравов* Кант определяет *благоразумие*, цель которого – достижение *счастья*, двояко: как «*искусность* человека оказывать влияние на других, чтобы использовать их в своих целях» и как «*знание того, как объединить все эти цели для собственной длительной выгоды*» [6. С. 126].

Любая *идея*, будучи *понятием разума*, имеет, по Канту, практический характер [5. С. 493–495]. *Природа* же – это такая *идея*, которая требует с категоричностью не меньшей, чем у морального императива, исключения *свободы* из мира

¹¹ «...Если чистый разум и направлен на предметы, то всё же он не имеет непосредственного отношения к ним и к созерцанию их, а относится только к рассудку и его суждениям, которые уже прямо обращаются к чувствам и их созерцаниям, чтобы определять их предмет» [5. С. 471].

¹² Кант, конечно же, знал буквальное значение латинского слова «*postulatum*» – *требование*. Знал он и то, что *революция* Коперника, изложенная в его *De Revolutionibus Orbium Coelestium* (О вращениях небесных сфер), основывалась на *7 постулатах*, превращающих гелиоцентризм из математической модели, облегчающей расчеты, в учение о реальном строении мира и реальных движениях светил.

предметов опыта и, следовательно, исключения возможности практического осуществления разумных целей¹³. И всё же идея природы, не допускающая даже малейшего своеволия, тоже практична: с ее помощью материализм, фатализм, атеизм и неверие, корни которых Кант надеялся подрезать с помощью своей критики [5. С. 37], оправдывают моральную безответственность своих адептов. Создаваемые разумом для этой (глубоко несимпатичной Канту) практической цели три понятия природы, исключающие свободу воли, тем не менее выполняют в теоретическом познании важнейшую функцию, которую он называет регулятивной¹⁴. В хозяйстве чистого разума всему, что создано самим этим разумом, даже безбожию, Кант находит место и применение¹⁵.

Идея природы, по Канту, направляет рассудок на все более полное познание предметов опыта, возникновение и изменение которых неподвластно чьему-либо произволу, включая божественный [8. С. 71]. Естествознание конца XVIII века уже не нуждалось в ссылках на сверхъестественное. В них нуждалась метафизика. Кант, отвергавший рецидивы не любимой им физикотеологии, писал: «Объяснять способы устройства природы или их изменение, прибегая для этого к помощи Бога как первооснователя всех вещей – это, по меньшей мере, не физическое объяснение; это... означает признание в том, что с философией здесь покончено, так как, для того чтобы составить себе понятие о возможности того, что мы видим собственными глазами, приходится допустить нечто такое, о чем вообще не имеют никакого понятия» [6. С. 667].

Возвращаясь к отрывку из Предисловия, где говорится о двояком отношении разума к своему предмету, отметим: удивление у современного читателя может вызывать и трактовка теоретического познания, которое, как считает Кант, состоит в том, чтобы «определять предмет и его понятие (которое должно быть дано другим путем)». На самом деле, здесь не один, а три и даже четыре вопроса: что означает определять предмет? что означает определять его понятие? почему эти определения составляют суть теоретического познания? что имел в виду Кант, говоря о другом пути, которым дается нам понятие предмета теоретического познания?

Пожалуй, легче всего ответить на последний вопрос. Кант не считает теоретическим познанием безотчетное подчас формирование понятий, среди которых немало таких, которые мы после зрелых размышлений признаем ложными. Он, как уже отмечалось, не разделяет иллюзий относительно эвристических возможностей воспроизведения пути разума от незнания к знанию. Теоретическое познание для Канта – это сознательная деятельность интеллекта, который исследует и корректирует спонтанно сформировавшиеся эмпирические понятия, а в математике еще и конструирует новые понятия.

Не так сложно ответить и на вопрос о том, что означает определять предмет, если вспомнить разнообразные справочники-определители, в которых изображения различных предметов и вербальные описания их характерных особенностей позволяют узнавать встретившиеся растения, животных, минералы и т. п. Изо-

¹³ В предыдущей статье отмечалось, что слова практическое, разумное, свободное для Канта почти синонимы [2. С. 123].

¹⁴ «Понятия разума, или идеи, никак не могут относиться к действительным предметам... идеи служат для руководства рассудка разумом... например – идея мирового целого, которая должна быть необходимой не в качестве конститутивного принципа для эмпирического применения рассудка, а в смысле лишь регулятивного принципа для потребности полной связи нашего эмпирического применения рассудка» [8. С. 347].

¹⁵ Экономическую категорию хозяйство Кант использует, рассуждая о сферах теоретического и практического познания: «И в той и в другой сферах следует предварительно изложить... тот раздел, в котором разум определяет свой объект целиком *a priori*, и не смешивать с этим полученное из других источников. Ибо то хозяйство (*die Wirtschaft*) дурно, в котором заработанное расходуется как попало...» [5. С. 11].

бражение в подобных *определителях* (рисунок или фото) – это то, что Кант называет *представлением* предмета, а вербальные описания его существенных чувственно воспринимаемых признаков образуют *понятие рассудка*¹⁶. Следовательно, *определять предмет* означает с помощью *способности суждения* устанавливать, соответствует ли данный предмет тому или иному понятию, например понятию *морского единорога*, или нет. Отсюда и парадоксальный, только на первый взгляд, *коперниканский переворот* Канта, предлагающий отказаться от убеждения, что *наши познания будто бы должны соотносываться с предметами*, в пользу *предположения, что предметы должны соотносываться с нашим познанием* [5. С. 17].

Гораздо больше затруднений для читателя может вызвать словосочетание *определение понятия*, прежде всего потому, что затруднения с этим термином испытывал и Кант. Он, разумеется, не хуже первокурсника, только начавшего изучать логику, мог бы дать краткую дефиницию этого термина (и он неоднократно это делает), перечислить виды и способы *определений*. Но Кант, вглядываясь в суть мыслительной операции под названием *дефиниция*, приходит к выводу, что ни в одной науке, кроме математики, дефиниции невозможны. «Основательность математики зиждется на дефинициях, аксиомах и демонстрациях. ... Ничто из перечисленного в том значении, какое оно имеет в математике, не применимо в философии и не может быть предметом подражания. ...» [Там же. С. 921].

Противопоставляя философию математике, Кант подразумевает под *философией* не вполне то и даже совсем не то, что понимает под этим словом большинство наших современников. Термин *философия* на рубеже XVIII–XIX вв. под влиянием научной революции и секуляризации интеллектуальной и общественной деятельности начал приобретать новые смыслы, которые к концу XIX века, как кажется, окончательно вытеснили из круга его значений особого рода *любовь*. Кант внес немалый вклад в создание нового облика философии, используя обозначающее его слово и в прежних значениях, и в новом, только что нарождающемся¹⁷. Во всех случаях противопоставления им философии и математики слово *философия* используется не как обозначение особой науки наряду с другими науками, например с физикой, химией, биологией, а примерно в том же смысле, в каком его использовал И. Ньютон, назвавший свою физику *Математическими началами натуральной философии*, или К. Линней биологические исследования – *Философией ботаники*, или Ж.-Б. Ламарк собственную биологическую доктрину – *Философией зоологии*, или А. Вольтер свой чисто исторический труд – *Философией истории*. Слово *философия* употреблялось ими в древнем значении *любви к знанию*, любви, которая, не будучи сама наукой, является *матерью всех наук*, подобно пифагорейской *монаде*, которая, не будучи сама *числом*, рождает все числа¹⁸. Термином *философия*, начиная с эпохи эллинизма, обозначали и отдельные

¹⁶ «Так как никакое представление, кроме созерцания, не направлено на предмет непосредственно, то понятие никогда не относится к предмету непосредственно, а относится к какому-то другому представлению о нем (все равно, созерцание оно или уже само понятие)» [5. С. 157–159].

¹⁷ Особенно много определений *философии*, которые должны были примирить старые и нарождающиеся значения этого слова, дается в *Архитектонике чистого разума* – предпоследней главе первой *Критики*.

¹⁸ В пифагорейской и во всей античной математике числа ассоциировались с пространственными характеристиками, присущими всему существующему. Поэтому у древних эллинов *числа* бывали не только *дружественными* и *враждебными*, *мужскими* и *женскими*, *совершенными* и *т. п.*, но и *продолговатыми*, *квадратными*, *круглыми*, *кубическими*. Монада (единица) ассоциировалась с математической *точкой*, которая не имеет ни ширины, ни длины, ни, тем более, глубины, и именно поэтому *числом* не считалась. Однако две *монады* соединенные прямой, *рождали* первое (причем *женское*) число – *два* (прямолинейный отрезок), три монады – второе (уже *мужское*) число *три*, наглядный образ которого треугольник или плоскость, четыре *монады* ассоциировались с первым геометрически телом – *тетраэдром* (см. Гайденко П. П. Эволюция понятия науки (Становление и развитие первых научных программ). – М. : Наука, 1980). Убеждение в том, что

теоретические науки, и как общее наименование этих наук, подчеркивая их не-утилитарную любовь к знанию в противоположность полезным практическим наукам, таким как медицина, право, а по Роджеру Бэкону – еще алхимия, астрология и магия¹⁹. Современный рудимент антично-средневекового понимания философии – сохранившаяся в англоязычных и французских университетах ученая степень PhD (доктор философии), присваиваемая и физикам, и биологам, и химикам, но никогда – представителям практических дисциплин, например юристам и медикам, для которых предусмотрены степени доктор права и доктор медицины.

Кант, преподаватель философского факультета, читал самые разные учебные дисциплины, включая физику и географию, но он никогда не читал философию. И никто тогда не читал курсов с названием философия. Кант только начинал очерчивать специфическую проблематику особой формы знания, отличную от конкретных или частных наук, как их станут называть в скором будущем. Он уже видит и обосновывает отличие математизированного естествознания от этимологически равной ему, но не имеющей математического аппарата физики, которую он называет иногда философией природы, чаще же – метафизикой природы и которую, в соответствии с ее проблематикой, в наши дни могли бы назвать философией физики. Первым философию как самостоятельную научную и учебную дисциплину стал читать Фихте с первой в европейской истории образования кафедры философии в только что созданном (в 1809 г.) Берлинском университете. А Гегель создал целую систему философских наук, выполняя свое намерение «способствовать приближению философии к форме науки – к той цели, достигнув которой она могла бы отказаться от своего имени любви к знанию и быть действительным знанием» [3. С. 3].

Стародавней была и традиция противопоставлять философию не только практическим наукам, но и такой теоретической дисциплине, как математика, которая, как считалось, мыслит не телесные вещи, а только некоторые их формы, благодаря абстрагированию лишенные материи. С точки зрения средневековых перипатетиков, убежденных в том, что главный критерий существования (existentia) вещи – это занимаемое ею место, математика рассуждает о нереальном (невещественном) мире, в котором будто бы существуют самые разные, в том числе иррациональные, числа, не имеющие размеров точки, не имеющие толщины идеально прямые и кривые линии, а также образуемые ими плоскости, фигуры и тела. В математике доказательство осуществляется демонстрацией непротиворечивости теорем другим мыслям, принимаемым без доказательства, – аксиомам, определениям и постулатам. Философия в рамках ее противопоставления математике истолковывалась как общее название теоретических наук о телесных вещах, цель которых – познание причин и доказательство того, что именно эти, а не какие-либо иные причины вызвали к жизни то или иное действие²⁰. Этот способ аргу-

число пространственно, ставило границы греческой математике – в ней не могло быть чисел в степени больше трех.

¹⁹ Подробнее см.: Болдыгин Г. В. К истории слова «философия» // Вестник Гуманитарного университета – 2013 – № 1. – С. 127–138; Болдыгин Г. В. Истина или польза. – Saarbrücken : LAP, 2013. – С. 97–113; Boldyguin G. V. On The Meaning of the Word «Philosophy» (on History of the Word) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2013. – Vol. 6, Issue 11. – P. 1599–1609.

²⁰ Так, Андреас Осиндер, издатель главного труда Коперника, противопоставлял философа астроному, а философию – астрономии, считавшейся (в отличие от космологии) математической дисциплиной, в которой возможны любые вспомогательные построения (например, вращающиеся в разных направлениях и с разной скоростью эпициклы, центры которых движутся по деферентам, в центрах которых – Земля), не претендующие на описание реальной структуры космоса и реальных движений светил. «...Наука совсем не знает простых и глубоких причин видимых неравномерных движений. (...) Поскольку же для объяснения одного и того же движения предостав-

ментации получил название *доказательства из причин*. Особое положение занимали *рациональные теология и психология*, доказывающие из причин *виртуальное* существование бестелесных бога и души, не занимающих никакого *места*²¹.

Противопоставление математики и *философии* не было забыто и в XVIII веке. Дж. Толанд, например, а вместе с ним и другие оппоненты Ньютона упрекали его за использование в *натуральной философии*, обязанной, по их убеждению, доказывать *из причин*, таких математических понятий, как *материальная точка*, не имеющая размеров, но обладающая *массой*, *абсолютное*, т. е. независимое от *вещей*, *истинное*, или *математическое*, протяжение (*spatio*) и такое же *время*, и созданных на их основе математических построений, которые он в подражание Евклиду назвал *Началами*. В континентальной Европе Ньютона еще долго считали *математиком*, противопоставляя ему *настоящих физиков* – Декарта и его последователей, постоянно апеллировавших к математике, но считавших обязательным для себя и для других указывать на материальные причины, вызывающие исследуемые явления²². Лейбниц, хотя и полемизировал с Ньютоном по поводу многих понятий *натуральной философии*, все же считал, в отличие от других критиков, вполне допустимым применение математики к познанию телесных *вещей*, поскольку она тоже доказывает *из причин*²³.

Ньютон, объясняя *причину* несовместимой с механицизмом *силы тяготения*, подозрительной в глазах современников, искоренявших малейший намек на средневековые *скрытые качества*, вначале утверждал, что эту силу вкладывает в вещи Бог и добавляет ее по мере расходования²⁴. Затем, окончательно осознав, что в задачу *математических начал* созданной им *философии природы* входит не отыскание причин, которые со времен Демокрита считались главной целью теоретического познания, но только – возможный результат взаимодействия материальных объектов при любых произвольно заданных параметрах, он отказался обсуждать вопрос о причинах тяготения (*гипотез я не измышляю*), полагая достаточным то, что он может *измерить* его силу.

И если Ньютон завершил начатую Галилеем математизацию физики, то Кант математизировал *предметы опыта*, восприятие пространственно-временных характеристик которых обусловлено одинаковым у всех людей устройством органов

ляются различные гипотезы... то астроном скорее примет ту, которая будет самой легкой для понимания. Философ, вероятно, потребует в большей степени похожую на истину, однако никто из них не сможет ни постичь что-нибудь истинное, ни передать это другим, если это ему не будет сообщено Божественным откровением», – утверждал осторожный издатель в написанном им предисловии «*О предположениях, лежащих в основе этой книги*» [22. С. 549].

²¹ См. рассуждения докритического Канта о *виртуальном* существовании (*Dasein*) в *телесном мире нематериальных вещей* [18. С. 313].

²² Например, *математиком*, но не *физиком* называет Ньютона *ученый*, к которому обратился за помощью герой повести О. Бальзака «Шагреновая кожа». А это уже 30-е годы XIX века,

²³ Лейбниц опровергал «схоластиков», которые «старались всеми способами исключить математику из числа настоящих наук, опираясь, главным образом, на тот аргумент, что геометрия доказывает свои положения не из причин» [23. С. 93–94]. Перетолковывая Аристотеля, он убеждал себя и других, что функциональные зависимости в математике по-своему выражают причинно-следственные связи *вещей*, а потому «геометрия доказывает именно из причин» [Там же].

Противопоставление математики остальным теоретическим наукам не забыто и в наши дни. В современной англоязычной *философии науки* математика – не *science*, а значит, как и в средневековой схоластике, не *настоящая наука*. Зато в российской системе ученых степеней дело обстоит совершенно иначе: защитивший диссертацию по математике получает степень кандидата (доктора) *физико-математических наук*. Такие же *физико-математические* степени присваиваются и защитившим свои диссертации физикам.

²⁴ Лейбниц, выражая общее мнение оппонентов Ньютона, писал: если считать *притяжение* чем-то действительным, «тогда придется прибегать к чуду или к нелепостям вроде “скрытых качеств” схоластиков, которые теперь снова преподносятся нам под благовидным названием сил, но которые ведут нас обратно в царство тьмы» [23. С. 498].

чувств – *априорными формами чувственности*. Вслед за Юмом он переосмысливает и понятие *причины*, которая в *трансцендентальной философии* превратилась из *вещи*, вызывающей изменения в других телесных *вещах*, в одну из *категорий* рассудка, которые совместно с *априорными формами чувственности* упорядочивают хаотичный материал ощущений в *предметы опыта*. Только такая трактовка *предметов опыта*, полагал Кант, может объяснить, каким образом *геометрия и философия* *подают друг другу руку в естествознании* [5. С. 921].

Однако идущие *рука об руку* две отрасли знания «совершенно отличны друг от друга и потому не могут копировать методы друг у друга» [Там же]. Прежде всего, считает Кант, это касается как раз *дефиниций*. Но почему он, утверждавший, что *определение* – это суть *теоретического познания*, скептически относится к дефинициям в той области знания, которую в его время называли *философией*, т. е. именно в *теоретическом познании предметов опыта*?

Русское слово *определение* – это калька латинского «*definitio*», означающего установление *пределов* возможных значений термина, за границами которых его употребление недопустимо. Не так в немецком языке, где слово *die Bestimmung*, используемое в качестве синонима латинизма *die Definition*, имеет и другие значения, большая часть которых (например, *назначение, предписание, распоряжение*) связана не с беспристрастным теоретическим *созерцанием*, а с волевым практическим *решением*. Кант не раз сетует на несовершенство немецкого языка (см., напр.: [Там же. С. 925]), допускающего возможность двойственного истолкования термина *дефиниция*. Одно из них – это *обозначение* вещи (*die Bezeichnung der Sache*), или *словоопределение* (*die Wortbestimmung*) [Там же. С. 922], которое «просто заменяет название вещи другими, более понятными словами» [Там же. С. 315]. Канта интересует не *обозначение*, не *определение слова*, а *определение понятия*, или «реальная дефиниция», которая «содержит в себе ясный *признак*, в соответствии с которым *предмет (definetum)* всегда может быть с уверенностью узнан, так что объясняемое понятие становится пригодным для применения» [Там же. С. 315–317].

Именно *определение понятия* Кант связывает с сутью *теоретического познания* и хочет в качестве единственного закрепить это значение за словом *die Definition*, ссылаясь при этом на буквальное значение латинского термина: «*Давать дефиницию* – это значит... как видно из самого термина, изначально давать подробно-обстоятельное изложение понятия вещи в его границах» [Там же. С. 921]. В примечании к этому предложению Кант поясняет, что следует понимать под *обстоятельностью, границами понятия* и почему дефиниция *не нуждается в доказательстве*²⁵. В результате оказывается, что кантовским критериям соответствуют только математические дефиниции, *обстоятельность* которых обеспечивается тем, что вербальное определение понятия, например, треугольника есть одновременно *конструирование* предмета в *чистом созерцании*, «и этот предмет, несомненно, не может содержать в себе ни больше, ни меньше, чем понятие» [Там же. С. 925]. Такая взаимосвязь понятия и *конструируемого* предмета исключает возможность сомнений в полноте (*обстоятельности*) понятия и, следовательно, надобность в доказательстве истинности *дефиниции*. Поэтому-то, считает Кант, «математические дефиниции никогда не могут быть ошибочными» [Там же. С. 927]. И именно поэтому «математика должна и всегда может начинать с дефиниций» [Там же].

²⁵ «*Обстоятельность* означает ясность и достаточность признаков; *границы* означают точность в том смысле, что признаков дается не более чем нужно для полного понятия; *изначально* же означает, что определение границ ниоткуда не выводится и, следовательно, не нуждается в доказательстве, иначе предполагаемое объяснение не могло бы предварять все суждения о предмете» [5. С. 921–923].

Иначе в *естествознании* и в других неутилитарных *теоретических науках*, которые, напомним, на рубеже XVIII–XIX веков все вместе и по отдельности, исключая математику, назывались *философией*. Здесь *понятие* дается *другим путем*, чем его предмет, и Кант, как мы знаем, принципиально отказывается от детального воспроизведения этого *пути*, отмечая лишь его общее направление от *чувств* – к *рассудку* и, наконец, к *разуму*²⁶. В начале этого движения понятие вещи – *эмпирическое*, а его вербальное определение описывает «лишь некоторые признаки того или иного вида предметов чувств» [5. С. 923], достаточные на этом этапе для различения предмета, но не дающие уверенности в полноте понятия. «...Новые же наблюдения заставляют устранять одни признаки и прибавлять другие, так что понятие никогда не остается в прочных границах» [Там же]. Так что в *естествознании* и во всей *философии* определение понятий – это почти бесконечный процесс уточнения их содержания, а поэтому слово *дефиниция*, полагал Кант, следовало бы в этих областях теоретического познания заменить другим латинизмом – *экспозиция* (die Exposition). Впрочем, Кант готов смириться и со сложившимся чересчур расширительным, по его мнению, употреблением слова *дефиниция* при четком осознании того, что «в философии дефиниция со всей ее определенностью и ясностью должна скорее завершать труд, чем начинать его» [Там же. С. 925–927]²⁷.

Представления о кантовском понимании *теоретического познания* будут неполными, если оставить без рассмотрения термин *теория* (die Theorie). В работах докритического периода, посвященных естественно-научной проблематике, слово *теория* встречается довольно часто, а способ его употребления примерно такой же, как и в наши дни, т. е. в качестве результата теоретического познания, обязанного *совпадать с наблюдением* [18. С. 168]²⁸. В двух первых *Критиках* этот термин не встречается. Видимо, он был вытеснен словосочетанием *теоретическое познание* (theoretische Erkenntnis), которое у Канта означает не только познавательный процесс, но и (даже чаще всего) – его результат, и совпадает по значению с *теорией*²⁹. Это слово вновь появляется в последней *Критике* и в более поздних работах, а в *Метафизике нравов* даже утверждается, что «за пределами определений природы нет никакой теории» [11. С. 125], что, конечно же, удивляет наших современников, знакомых со множеством экономических, социологических, культурологических, политических и других теорий. Видимо, загадочность этой фразы для читателя конца XX века послужила причиной новой, сравнительно с изданием 1965 г., и совсем уже малопонятной редакции ее в 8-томном, 1994 г., издании сочинений Канта – «для определений природы за их пределами нет никакой теории» [12. С. 239].

Однако ограничение *природой* предметной области любой *теории* вовсе не означает, будто Кант ограничивал применение слова *теория* только к естественно-научным теориям, хотя такое толкование его слов вполне возможно, если вспомнить, что едва ли не все обществоведческие и гуманитарные науки на рубеже XVIII–XIX вв. еще только формировались, хотя их корни можно найти в глубокой древности. Возникновению интереса к объяснениям поведения людей способствовала усложнявшаяся прямо на глазах социальная жизнь и секуляризация

²⁶ «Всякое наше познание начинается с чувств, переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме, выше которого нет в нас ничего для обработки материала созерцаний...» [5. С. 461].

²⁷ В примечании к этой фразе о *философских* дефинициях говорится, в частности: «Дойти до дефиниции приятно, однако нередко очень трудно. Юристы и до сих пор ищут дефиницию для своего понятия права» [Там же. С. 927].

²⁸ См., напр., названия его докритических работ: *Всеобщая история и теория неба* (1755), *Новые замечания для пояснения теории ветров* (1786), *Новая теория движения и покоя* (1758).

²⁹ См. комментарий Н. В. Мотрошиловой [2. С. 122].

интеллектуальной деятельности в Европе, которые выдвигали на первый план вопрос о том, что движет людьми в их индивидуальной и общественной жизни помимо религиозных убеждений и наряду с ними.

Еще не было социологии, но уже существовала широко известная экономическая теория Адама Смита, по-своему объяснявшая неизбежные законы деятельности свободно хозяйствующих субъектов. Никто еще не догадывался о возможности специальных культурологических исследований, но латинизм *культура* уже входил в широкое употребление, чтобы в конце XIX века составить главную противоположность *природе*, оттеснив на периферию европейского сознания оппозицию *природа – искусство*, которая более двух тысяч лет очерчивала проблематику *теоретических и практических наук*. Да и историческая наука (иногда под именем *философия истории*, как у Вольтера) уже обособлялась от назидательных повествований о героях прошлого, отыскивая средства, позволяющие с максимальной возможной достоверностью говорить о том, что действительно было, а чего никогда не было и является выдумкой³⁰.

Ответом на запросы своего времени является, конечно, и этическое учение Канта, согласно которому вера в Бога есть следствие моральных исканий людей, а не наоборот. Но не только вопросы соотношения морали и религии волновали Канта. Его живо интересовали и проблемы исторического познания, о чем говорят одни только названия двух его поздних работ – *Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане* (1784) и *Предполагаемое начало человеческой истории* (1786). Показательны и собственные попытки Канта создать новые гуманитарные науки. Одну из них, которую он разрабатывал и много лет читал в качестве лекционного курса, Кант называл *антропологией с прагматической точки зрения*, чтобы отличить ее от биологической дисциплины – *антропологии с физиологической точки зрения*³¹. Размышляя над сутью этих наук и других форм гуманитарного знания, Кант столкнулся с проблемой отнесения их к той или иной рубрике в его классификации видов познания.

Если *антропологию с физиологической точки зрения* Кант без каких-либо колебаний относил к *теоретическому* (а точнее – к *телеологическому*, см.: [2. С. 122]) познанию, то *прагматическое знание о человеке*, предмет которого – «то или иное наблюдаемое человеческое свойство, находящее свое выражение в сфере практического...» [13. С. 141], вынуждало его отвечать на вопрос, к какому виду – *практическому* или *теоретическому* или, может быть, специальному *антропологическому* – относится эта разновидность *гуманитарного знания*³². Вспомним, что

³⁰ Только к середине XIX века благодаря деятельности Л. Ранке и его учеников, разработавших понятие *историческое*, историки сумели ограничить предмет своей познавательной деятельности, которым окажутся не все свидетельства прошлого, но только письменные источники, фиксирующие поступки *людей*, от *неисторической* палеонтологии, реконструирующей жизнь древних животных, и *доисторической* археологии, исследующей исчезнувшие культуры только по материальным артефактам. А пока, на рубеже XVIII–XIX вв., слово *история* имело более широкий круг значений, близкий античному, который позволял Плинию Старшему в I в. назвать свой труд *Естественной историей*, а Ж.-Б. Ламарку назвать реорганизованный им в 1793 г. Королевский ботанический сад *Музеем естественной истории*.

³¹ «Систематически изложенное учение, предлагающее знание о человеке (антропология), может быть построено с *физиологической* или с *прагматической* точки зрения. Физиологическое знание о человеке исследует то, что *природа* делает из человека, прагматическое – то, что он в качестве свободно действующего существа делает или может и должен сделать из себя сам» [13. С. 138].

³² В *Антропологии* дважды упоминается и некое *антропологическое знание*, которое Кант отличает от *теоретического*. Так, «знание о человеческих расах в качестве продуктов игры природы» он относит «не к *прагматическому*, а лишь к *теоретическому знанию* о мире» [13. С. 139] (выделено мной. – Г. Б.). Возможно, Кант одно время рассматривал *прагматическое знание* как особый

Кант, еще только трудившийся над первой *Критикой*, но уже несколько раз прочитавший курс *прагматической антропологии*, ничуть не сомневался в практическом характере ее положений [14. С. 535], но отказывался включать их в состав будущей *практической философии*, которая есть *наука правил, как должен вести себя человек*, а *антропология* изучает *правила* всего лишь *действительного поведения* [24. С. 3]. За границами *практической философии* он тогда же оставлял и практические знания о *правилах умения (технические императивы)*, зато включал в ее состав *прагматическую философию*³³. В *Критике способности суждения* об этом уже не могло быть и речи, поскольку в ней *прагматические императивы* были окончательно переведены в разряд *технически-практических*, которые относятся «к теоретической философии (как учению о природе)» [8. С. 81].

В *Предисловии* к этой последней *Критике* Кант пообещал *незамедлительно* перейти к «доктринальной части, чтобы по возможности использовать еще отвещенное мне в моем преклонном возрасте время» [Там же. С. 77]. Однако, как это случалось уже не раз, научная добросовестность заставила Канта отложить завершение и публикацию давно лелеемой *Метафизики нравов*, изданной только через семь лет, в 1797 г.³⁴ Интенсивная работа над ней привела его к очередной корректировке и уточнению воззрений на состав *практической философии* и суть *теоретического познания*, которые потребовали публикации в 1793 г. работы *О поговорке «Может быть это и верно в теории, но не годится для практики»* (далее: *О поговорке*. – Г. Б.).

К числу важнейших задач этой работы относится доказательство практической применимости результатов *теоретического познания*, а также значительное расширение его предметной области. Последнее было важно не только потому, что критикуемая Кантом скептически-насмешливая поговорка говорила о несправедливом, по его убеждению, отношении современников к труду ученых-теоретиков, но и потому, что его собственная *критика разума*, резко противопоставив предметы *теоретического* и *практического* видов познания, ставила под вопрос практическую полезность теоретического знания *предметов*, недоступных произвольному изменению. Во вводной части работы Кант дает дефиницию *теории*, позволяющую считать объектами *теоретического познания* не только *предметы опыта*, наиболее адекватно воплощающие идею неумолимой *природы* с ее всеобщими и необходимыми законами, но и *практические правила поведения*, приверженность или пренебрежение в отношении которых целиком зависит от свободной воли. «Совокупность правил, пусть даже практических, называют *теорией* в том случае, когда правила эти мыслятся как принципы в некоторой всеобщности, и притом отвлеченно от множества условий, которые, однако, необходимо имеют влияние на их применение» [9. С. 241].

Говоря о *теории* как о *совокупности практических правил*, на применение которых влияет *множество условий*, Кант имеет в виду прежде всего *правила уме-*

вид знания, но, может быть, и как разновидность *практического*, а использование (всего 2 раза) термина *прагматическое знание* – это рудимент из его раннего проекта *прагматической философии*.

³³ «Практическая философия содержит не правила умения, но правила благоразумия и нравственности. Она, таким образом, есть прагматическая и моральная философия: прагматическая в отношении правил благоразумия, а моральная – в отношении правил нравственности» [24. С. 5].

³⁴ Вспомним, что в конце 1773 г., т. е. за 8 лет до издания первой *Критики*, Кант пишет Герцу о *радостном* предвкушении скорого окончания работы над *Критикой чистого разума*, после чего он собирался сразу же опубликовать *Метафизику нравов*, «чему я радуюсь уже теперь» [14. С. 496]. Но за изданием *Критики чистого разума*, работа над которой из-за боязни не закончить задуманное была *насилъственно*, по выражению Э. Кассирера, прекращена, последовала публикация *Основоположения метафизики нравов*, потом – неожиданно ставшая отдельной книгой *Критика практического разума* и идущая следом *Критика способности суждения*, где теоретические и практические суждения обособляются от сходных с ними телеологических и эстетических.

ния. Практическую же беспомощность некоторых артиллеристов, агрономов, врачей и других специалистов он объясняет не различием практических знаний о правилах произвольного изменения вещей и манипуляций с ними, и нетеоретическим знанием о неизменных характеристиках предметов опыта, а неумением пользоваться определяющей способностью суждения, функция которой – подводить частные случаи под правило (Regel), формулируемое большей посылкой. Но теорией Кант называет не только знание технически-практических правил (Regeln), которые в последней Критике отнесены к области понятий природы и именно поэтому не могут входить в состав практической философии.

В первом параграфе под названием *Об отношении теории к практике в морали вообще* он доказывает практическую применимость своей теории (meine Theorie) морали, «которую я изложил в другом месте» [9. С. 249], имея в виду *Критику практического разума*, сжатое изложение основных положений которой составляет основное содержание этого параграфа. Здесь нет ничего, о чем Кант уже не писал раньше за исключением того, что свои критические исследования морали он впервые называет теорией, т. е. результатом теоретического познания. Уже только потому, что результаты исследования морали в *Основоположении к метафизике нравов* и в *Критике практического разума* Кант называет теорией, они, вопреки распространенному мнению, не могут быть частью его практической философии, изложение которой он ограничивает *Метафизикой нравов*.

Впрочем, Кант и в ранний критический период, и в поздний не устал повторять, что критика разума – это пропедевтика, предварительное исследование возможности метафизики как науки, не являющееся частью системы чистого разума [5. С. 39, 79] и не входящее в систему философии [8. С. 837]. Эта система, какой она видится Канту в период написания последней Критики, должна состоять из формальной части – логики и реальной части, которая разделяется «на теоретическую и практическую философию; так что одна должна быть философией природы, другая – философией нравов...» [Там же]³⁵.

Своеобразной пропедевтикой к правовым разделам практической философии, которые будут изложены в *Метафизике нравов* (Кант уже точно знает ее состав), стали два параграфа в работе *О поговорке*, в которых доказывается практическая значимость *государственно-правовой теории* и соответственно – *международно-правовой*. Первый из параграфов имеет подзаголовок *Против Гоббса*, второй – *Против Моисея Мендельсона*. Однако изложению и критике их воззрений посвящено всего несколько строк. Основной текст этих двух параграфов посвящен изложению собственной публично-правовой теории, впервые обнародованной Кантом. В будущей *Метафизике нравов* два раздела, посвящены *Публичному праву* и носят такие же названия: *Государственное право* и *Международное право*. Однако тематика и содержание одноименных параграфов и разделов двух работ разные, как различны тематика второй Критики и содержание *Метафизических начал учения о добродетели* – второй части *Метафизики нравов*. Работу *О поговорке* можно считать своеобразным продолжением *Критики практического разума*, которое должно было, в числе прочих, решить задачу теоретической пропедевтики права, с давних времен считавшегося, как и мораль, формой практического

³⁵ Кант, как уже отмечалось в предыдущей статье, стремился строго следовать этому плану, изложенному в не опубликованном при его жизни *Первом введении* в последнюю Критику и даже согласился, не имея уже достаточных сил, под своим именем издать в 1800 г. *Логику*, созданную на основе собственных набросков и студенческих конспектов его лекций, лишь одобрив работу, проделанную его учеником Г. Б. Йеше. С согласия Канта, а может быть, и по его настоянию, в *Логику* было включено *Прибавление* под названием *О различии между теоретическим и практическим познанием*, которое неожиданным образом разрывает последовательное изложение формально-логического материала.

знания, которое отличается, по Канту, от знания теоретического прежде всего происхождением из одного только *автономного разума*, не скованного в своих построениях *знанием* законов, которые предписывает природе *рассудок*, а потому законодательствующего (*gesetzgebend*) сообразно собственным идеалам.

Отнесение Кантом значительной части *морально-практических правил* к *теории* вызывает вопрос о степени корректировки им предметной области *теоретического познания*, которую до этого он ограничивал *предметами опыта*, предстающими перед нами и исчезающими из нашего поля зрения помимо чьей-либо воли. Морально-правовые *теории*, по сути, *гуманитарные*, отнюдь не *короллариум* из *теоретического естествознания*, которое изучает *предметы опыта*, наиболее адекватно воплощающие два *понятия природы* – математическую идею *мира* и динамическую идею *природы* как совокупности взаимодействующих *вещей*. Правда, по Канту, *область понятий природы* не исчерпывается двумя этими *идеями*. Теории *морали и права* – имеют дело с *третьей* ипостасью идеи *природы*, которая в первой *Критике* называется *формальным пониманием*, подразумеваемым, когда «мы говорим о природе жидкой материи, огня и т. п.» [5. С. 565], включая, добавим от себя, и *природу человека*. Именно *природу человека* он имел в виду, когда в *Метафизике нравов* утверждал, что *за пределами определений природы нет никакой теории*.

Несколькими строками ранее Кант называет *практические правила*, изучаемые *прагматической антропологией, теорией*, поскольку объектом ее изучения является «особая *природа* человека, которую можно познать только из опыта» [12. С. 124]. На основании ее *теоретичности* он подтверждает исключение *прагматической антропологии* из состава *практической философии*, позволяя ей лишь поставлять для *метафизики нравов* примеры как «последствия, вытекающие из всеобщих моральных принципов» [Там же]. *Природа человека* должна была стать объектом и проектируемой Кантом *моральной антропологии*. Эта наука должна исследовать «условия исполнения законов метафизики нравов в человеческой природе», а также «учения о создании, распространении и укреплении моральных основоположений (в области воспитания, школьного обучения и народного просвещения) и другие подобные учения и предписания, основывающиеся на опыте...» [Там же]. Иными словами, *моральная антропология*, если бы она была создана, как и антропология *прагматическая*, была бы тоже *теорией*, следовательно, противоположностью (*Gegenstück*) *практической философии*. «...Без моральной антропологии нельзя обойтись, но она ни в коем случае не должна быть предпослана метафизике нравов или смешана с нею...» [Там же].

Предметы опыта в гуманитарных науках – индивиды, *практические правила поведения* которых *разумны* и потому *свободны*; им можно следовать, а можно и не следовать в отличие от *предметов опыта*, изучаемых *теоретическим естествознанием*, законы поведения которых принудительно непреложны. Подлинную непреложность (*всеобщность и необходимость*) априорных суждений о *предметах опыта* обеспечивают, по Канту, их пространственно-временные характеристики и неизменность независимых от чьего-либо произвола свойств, позволяющая применять к ним приемы математического познания. Человеку, как и всем явлениям *природы*, конечно же присущи количественные параметры. Но что может дать знание этих параметров – размера, геометрических очертаний, места и времени совершения действий этим своевольным *предметом опыта* – для познания его *практических правил поведения* так, чтобы результаты были *всеобщими и необходимыми*, а *совокупность* этих *правил* можно было бы по праву назвать *теорией*? Впрочем, вопрос о возможности использования математики для *теоретического познания* поведения людей Кант считал для себя уже давно решенным.

В 1784 г., в период написания *Основоположения метафизики нравов*, которое Кант торопился издать, чтобы вплотную заняться *Метафизикой нравов*³⁶, он тем не менее публикует работу *Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане*. В ней формулируется общий для всех гуманитарных исследований вопрос о том, почему действия людей, определяемые их *свободной волей*, вместе с тем, как говорит статистика, например, заключаемых браков, поддаются количественным, а значит *природным* закономерностям³⁷. Ответ Канта: относительно всего *человеческого рода* имеется некий *замысел природы* (Naturabsicht), который, не подозревая этого, выполняют *лица*, преследующие свои собственные, свободно избранные цели. Позже Гегель назовет такую совместную работу людей для достижения неизвестной им цели *хитростью мирового разума*. Выражения *замысел природы, природа захотела* (die Naturhatgewolt), *природа не делает ничего лишнего* (die Naturtutnichts über-flüssig), широко употребляемые в литературе его времени, Кант использует в этой статье в качестве метафор, иносказаний. Он был с теми, кто изгонял целевые причины из арсенала *теоретического познания*. Но Канту, торопящемуся к завершению *Основоположения* и началу работы над *Метафизикой нравов*, было важно зафиксировать, не вдаваясь в детальное исследование, что разнонаправленные *действия* людей, будучи *проявлением их свободы воли*, «точно так же, как и всякое природное явление (Naturbegebenheit), определяется всеобщими законами природы» [29. С. 81]³⁸.

Убеждение в возможности *теоретического* знания о *практических правилах свободного поведения* людей не исключает, по Канту, возможности *практического* познания несколько иных *правил поведения*, которое преследует иные цели и осуществляется иным способом, чем познание *теоретическое*. Эти иные *правила* составляют основное содержание *Метафизики нравов*. Иной, чем в *критических* работах, и характер их изложения. Если в *Критиках* и примыкающих к ним работах высказываемые положения доказываются, то в *Метафизике нравов* тезисы излагаются без каких-либо аргументов, которыми, по Канту, нельзя считать примеры воплощения в жизнь излагаемых *правил поведения*, которые, взятые из *антропологий*, лишь поясняют читателю суть этих правил, но не доказывают их истинности. Нельзя считать аргументами и ссылки на авторов, которые впервые сформулировали эти тезисы. Да и как можно доказывать истинность, т. е. соответствие действительности, императивных по своей сути *правил поведения*? Кант и не делает этого.

В задачу книги *Метафизика нравов* входит не изложение и доказательство впервые *открытых* им истин, а разъяснение подчас давно известных положений той *метафизики нравов*, иметь которую «есть даже долг, и каждый человек имеет ее в себе, хотя обычно в довольно туманном виде» [11. С. 123]. Кант здесь отводит себе роль платоновского Сократа, помогающего собеседнику *вспомнить* уже имеющиеся у него знания. Только эти специфические знания, по Канту, приобретаются не *припоминанием* прообразов вещей, а с помощью *практического позна-*

³⁶ Подробнее о творческих планах Канта и их исполнении см. Статью первую [2].

³⁷ «Так, браки, со следующими за ними рожденьями, и смерть кажутся не подчиненными никакому правилу, согласно которому заранее, посредством вычислений, можно было бы определить их число – поскольку свободная воля человека оказывает на них столь сильное воздействие, – и тем не менее соответствующие ежегодные таблицы в больших странах доказывают, что они происходят согласно неизменным законам природы, так же как и те столь неустойчивые колебания погоды, наступление которых нельзя заранее предсказать в отдельных случаях, но которые в целом поддерживают в равномерном и непрерывном движении нужный рост растений, течение рек и другие устройства природы» [29. С. 81].

³⁸ До квантовой механики с ее вероятностными статистическими закономерностями, которую не понимал и не любил Эйнштейн (*бог не играет в кости*), было еще очень далеко, как и до математических методов, используемых современной социологией.

ния. Для понимания его сути придется еще раз вернуться к словам из *Предисловия* ко второму изданию *Критики чистого разума*, где Кант утверждает, что разум может «либо просто давать *определение* этому предмету и его понятию... либо *делать* его *действительным*. Первое означает *теоретическое*, а второе – *практическое познание разума*» [5. С. 10, 11]³⁹.

В отличие от словосочетания *теоретическое познание разума*, выяснению смысла которого посвящена предыдущая часть данной статьи, значение слова *разум* в выражении *практическое познание разума* вопросов не вызывает. *Разум* здесь – это практическая познавательная способность, функция которой – руководить практическими, т. е. свободными, поступками людей, действия которых бывают подчас и неразумными, и несвободными – принуждаемыми *патологической*, или *животной*, *волей* (*arbitrium brutum*). Вопросы вызывают высказывания, согласно которым *практическое познание* состоит в том, чтобы *делать предмет действительным*. Что означает выражение *делать действительным*? Что познается в процессе *практического познания*: *предмет*, который *делают действительным*? или *правила поведения*, позволяющие *делать предмет действительным*? или какие-то иные правила, которыми следует руководствоваться в практической деятельности? Каким образом происходит *практическое познание*?

Выражение *делать (предмет) действительным* – это калька использованного Кантом оборота *wirklich zu machen*, который у немецкоязычных читателей, возможно, не вызывает подобных вопросов. Русскоязычные же знают, что слово *действительное* (немецкое *wirklich*) и однокоренные термины используются в русском языке во множестве переносных значений, но образованные от глагола *действовать* (в немецком *wirken*) почти никогда не употребляются в *собственном* смысле, буквально означая *созданное* в результате *действия* – *действительность* (калька немецкой *die Wirklichkeit*). В буквальном значении термин *действительное* очень близок со словом *сделанное*, т. е. *созданное* в результате *делания*. Вероятно, советские издатели *Критики чистого разума*, учитывая почти синонимическую в ряде случаев близость слов *делать* и *действовать*, перевели оборот *wirklich zu machen* не буквально, как это сделал в свое время Н. О. Лосский [4. С. 18] и воспроизвели редакторы современного двуязычного издания [5. С. 11], а одним русским словом *осуществлять*. Осуществлять предмет означает *делать его существующим*.

Делать предмет действительным или *осуществлять* его – оба этих выражения говорят о созидании предмета в соответствии с мыслью о нем (замыслом, идеей, проектом). Поскольку речь идет о *познании*, то вряд ли Кант имел в виду реальное создание телесных вещей, в результате которого, как полагал его младший современник и критик Ф. Г. Якоби, *непосредственно* (без посредства умозаключений) усваивают математические аксиомы. Скорее, Кант под *превращением предмета в действительность* (можно ведь и так передать немецкий оборот *wirklich zu machen*) подразумевал интеллектуальную деятельность, схожую с той, которую сейчас называют *проектированием*.

Проектированию в наши дни предшествует проектное задание, выражающее требования к обязательным характеристикам желаемого предмета, которые не могут быть изменены ни при каких условиях. Проектное задание вместе с общепринятыми и законодательно установленными нормативами – это своеобразный *категорический императив*, обязательный для проектировщика. Само же проектирование – это процесс *создания* проекта, т. е. превращение бесплотного идеала,

³⁹ «...Ihre Erkenntnis kann auf zweierlei Art auf ihren Gegenstand bezogen werden, entweder diesen und seinen Begriff (der anderweitig gegeben werden muß) bloß zu bestimmen, oder ihn auch *wirklich zu machen*. Die erste ist *theoretische*, die andere *praktische Erkenntnis* der Vernunft» [5. С. 10].

контуры которого лишь угадываются в проектном задании, в отчетливый детальный образ желанного предмета, который уже *существует*, не занимая реального места, в виде *утопии*, готовой к тому, чтобы ее превратили в действительность по правилам, разработанным проектировщиком⁴⁰. Работу *Метафизика нравов* можно трактовать как проект моральных и правовых начал общественного устройства, которые познаются каждым здравомыслящим человеком, «который уважает моральный закон и которому приходит на ум мысль (он вряд ли может избежать ее), какой мир, руководствующийся практическим разумом, он *создал бы*, если бы это было в его силах, и притом так, чтобы и сам он оставался в нем как его часть...» [11. С. 10].

Но проектирование на основе недавно изобретенной во Франции начертательной геометрии, которая превращала инженера из редкостного *хитреца*, обманывающего *природу*, в представителя массовой профессии, еще только начиналось, а галлицизм *прожект* (das Projekt) еще не вошел в немецких землях в широкий оборот, и неизвестно, использовал ли бы его Кант для описания *практического познания*, если бы дело обстояло иначе. Как бы то ни было, о процессе познания правил поведения он, верный своему отказу от воспроизведения движения мысли на пути к знанию, написал еще меньше, чем о познании *теоретическом*. Лишь несколько примеров разных видов познания, а также сопоставления их друг с другом и с иными видами интеллектуальной деятельности позволяют в общих чертах понять, чем еще кроме своих предметов, которые либо *определяют*, либо *делают действительными*, отличается *практическое* познание от *теоретического*.

Так, в *Антропологии*, которую Кант считал поставщиком примеров для своей *практической философии*, разъясняются функции познавательных способностей в различных видах практической деятельности. «Действующий соответственно строгому приказу слуга или государственный служащий нуждается только в рассудке; офицер, которому для выполнения задания дано лишь общее правило и представляется самому определить, как поступать в каждом данном случае, должен обладать способностью суждения; генерал, которому надлежит судить обо всех возможных случаях и самому разработать для них правила, должен обладать разумом» [13. С. 223]. Кант, объясняя успехи и их отсутствие в исполнении разными людьми одних и тех же практических функций, добавляет: «Необходимые для этих различных видов деятельности таланты очень различны» [Там же].

Наличием или отсутствием *таланта* объясняется в *Антропологии* и различие в результатах интеллектуальной деятельности индивидов, обладающих одинаковыми познавательными способностями. Из рассуждений Канта о *талантах* становится также ясно, что он не считал научное *открытие* главной целью *теоретического* познания, а *изобретение* вещи или способа действия – познания *практического*⁴¹. И *открытие*, и *изобретение* – события достаточно редкие и зачастую неожиданные даже для самих первооткрывателей и изобретателей, обладающих особыми *талантами*, этими *дарами природы*, которыми невозможно

⁴⁰ Любой проект инженерного сооружения, государственного или общественного устройства – это *утопия*, т. е. то, что не занимает *места*, следовательно, по средневековым, да и современным критериям, не существует. Пока не существует. *Утопическое* не значит *неосуществимое*, но только – *несуществующее*. Всякое практическое *действие* людей – это осуществление их проектов-утопий, которые из больших и малых *идей* превращаются в *действительность*, в нечто *существующее*, занимая свое *место*. Осуществленное нередко серьезно отличается от проекта, но Платон давно уже заметил, что вещи лишь подобия идей и, значит, никогда не способны стать их точной копией.

⁴¹ «*Изобрести* что-то – совсем не то, что *открыть*. Ибо то, что открывают, предполагается уже до того существовавшим, оно только не было известным... а то, что изобретают... совершенно не было известно до того, как было создано» [13. С. 253–254].

поделиться с другими⁴². Ничего не говорит он и о предсказательной функции, которая, в глазах современной нам *философии науки*, является чуть ли не единственным оправданием теоретических исследований. Цель *теоретического познания*, осмысляемая Кантом в оппозиции к *практическому*, не предполагает подобного оправдания бескорыстного поиска истины.

Главные же цели двух видов познания, достижение которых, надо полагать, доступно не только гениям, но и любому здравомыслящему индивиду, формулируется в *Критике чистого разума*: «Я ограничиваюсь здесь дефиницией теоретического познания как такого, посредством которого я познаю, что *существует (daist)*, а практического – как такого, посредством которого я представляю себе, что *должно существовать (daseinsoll)*» [5. С. 812]⁴³.

В этих суждениях о целях познания Кант исходил не только из восходящего к Аристотелю противопоставления двух видов знания. Не меньшее значение для него имела и более древняя оппозиция, которую впервые артикулировал Парменид, разграничивший достоверное *знание (ἐσθήμη)* и *мнение (δόξα)*. Это разграничение на долгие века определило основную цель науки как познания того, что *есть, было и будет всегда* и что древние называли *бытием*, в отличие от всего изменчивого, непостоянного, становящегося, о чем можно иметь лишь такое же непостоянное *мнение*. Из подобного убеждения исходил Эмпедокл, создавая учение о четырех элементах, которые *есть*, и состоящих из них изменчивых *вещах*, то возникающих, то исчезающих. Та же оппозиция лежит в основе воззрений Демокрита, для которого неразложимые далее *атомы* и есть бытие, тогда как свойства состоящих из них вещей – лишь предмет *мнения*. Об изменчивых *вещах* как предметах *мнения* и вечных *идеях*, о которых только и возможно неопровержимое знание (*ἐπιστήμη*), говорил и Платон.

«...То, что составляет предмет научного знания (*ἐπιστήτων*), – утверждал Аристотель, – существует с необходимостью, а значит, вечно, ибо все существующее с безусловной необходимостью вечно, вечно же не возникает и не уничтожается» [1. 1139 a16]. О том, что уже *есть* и навсегда останется таким же, *никто не принимает решений*, утверждал Аристотель⁴⁴. Они доступны только *созерцанию (θεωρία)* с помощью чувств и *созерцающего (теоретического) ума*, смирившегося с невозможностью изменить их в соответствии с нашими *желаниями*. Однако помимо *созерцающего* у нас, полагал Аристотель, есть еще особый ум – *ум, размышляющий о цели*. Цель, о которой размышляет этот ум, – «это предмет жела-

⁴² Кант, говоря о тех, кто совершает *открытия*, утверждает, что «существуют люди, обладающие талантом как бы с помощью волшебной палочки открывать сокровища познания, хотя они этому и не учились; но научить этому они никого не могут, они могут только показать, как они это совершают, ибо это дар природы» [13. С. 253]. А человека, наделенного *талантом к изобретению*, Кант называет даже *гением*. «...Так всегда именуют только *мастера*, т. е. того, кто умеет что-то *сделать*...» [Там же. С. 254].

⁴³ «Ich begnüge mich hier, die theoretische Erkenntnis durch eine solche zu erklären, wodurch ich erkenne, was *da ist*, die praktische aber, dadurch ich mir vorstelle, was *dasein soll*» [5. С. 812]. В предыдущей статье отмечалось, что Кант для обозначения *существования* использовал не латинизм *Existenz* и не субстантивированный глагол *Sein* (*ist* – это форма его настоящего времени единственного числа), обязывающее, с его точки зрения, описывать пространственно-временные характеристики познаваемого предмета, а слово *Dasein*, буквально означающее *наличие, присутствие* [2. С. 132–133]. Он добавляет к глаголам *ist* и *sein* местоимение *da* (буквально – тут), подчеркивая, что установление *существования* предмета – главная цель *теоретического* познания в отличие от *практического*, занимающегося познанием, которое *должно быть (dasein soll)*, но может и не быть, если у нас не достанет воли для его осуществления.

⁴⁴ «Никто не принимает решения о вечном, скажем о космосе или о несоизмеримости диаметра и стороны квадрата, а также о том, что, изменяясь, всегда изменяется одинаково, будь то по необходимости, или по природе, или по какой-то иной причине (как, например, солнцевороты или восходы)» [1. 1111 b20-25].

ния», также независимый от наших *решений*, предметом которых могут быть только «средства к цели» [1. 1113b5]. Такими *средствами*, о которых мы *принимаем решения*, может быть только то, «что зависит от нас и осуществляется в поступках» [Там же. 1112 a30]. Рассматривая сферу, где возможны поступки, зависящие от наших решений, Аристотель ограничивает ее *будущим*. «...О прошедшем не принимают решений, [их принимают только] о будущем и о том, что может быть, а прошедшее не может стать не бывшим...» [Там же. 1139b5]. Эти здравые рассуждения античного гения стали основой эллинистических и средневековых воззрений перипатетиков на *теоретические и практические науки*, сохранившиеся и в метафизике XVII–XVIII вв.

В размышлениях о сути *практического познания* Кант отпирался от этих воззрений современной ему метафизики, которую он попытался реформировать самым радикальным образом. Так, из числа *наук теоретического познания* он исключил метафизические дисциплины: *рациональную (естественную) теологию, рациональную психологию, рациональную космологию*, а вместе с ними – их предметы, которые, как считалось, вечны. Два из них – *мир и душа* – сотворены, но далее обречены на недоступную исчислению вечность. Единственными объектами *теоретического познания*, независимыми от чьих-либо *решений*, остаются, по Канту, самостоятельно возникающие, меняющиеся и исчезающие *предметы опыта*. Главная цель этого вида познания – отличить то, *что есть (daist)*, от иллюзий, от всего лишь вероятных гипотез, от *мнений*, претендующих называться *знанием*⁴⁵, а также от того, что *должно быть (dasein soll)* или *должно произойти (geschehen sollte)*, уточняет он в следующем предложении главную цель *практического познания*⁴⁶.

То, что *должно произойти*, – это *поступок*, руководимый тем или иным *правилом поведения*, говорящим о том, что *должно быть*. Поступок – это *средство*, с помощью которого достигается желанная *цель*. Кант почти дословно повторяет Аристотеля: «Практическое правило есть всегда продукт разума, потому что оно предписывает поступок в качестве средства для... цели» [6. С. 323]. Однако Кант дифференцирует *практические правила*, противопоставляя *техническим и прагматическим* императивам *веления нравственности* и требуемые ими *поступки*, которые он считает их конечной целью, а не средством для достижения чего-либо другого, более ценного.

Взгляды Канта на *разум* и его *практическое познание* отличаются от представлений Аристотеля о деятельности *ума, размышляющего о цели*, еще и исключением *будущего* из сферы возможных *решений*. Он полагал, что при характеристике *практической* деятельности *разума* неприменимы любые *формы времени*, так как «в *практическом* отношении... мы находим совершенно иное правило и иной порядок, чем естественный порядок» [5. С. 717]. *Естественный порядок* – это тот порядок *предметов опыта*, который, по Канту, задается *рассудком* и действующей совместно с ним *чувственностью* с ее *априорными формами* – про-

⁴⁵ Интересны рассуждения Канта о *трех ступенях убеждения: мнении, вере и знании*. «Мнение есть сознательное признание чего-то истинным, недостаточное как с субъективной, так и с объективной стороны. Если признание истинности суждения имеет достаточное основание с субъективной стороны и в то же время считается объективно недостаточным, то оно называется *верой*. Наконец, и субъективно и объективно достаточное признание истинности суждения есть *знание*. Субъективная достаточность называется *убеждением* (для меня самого), а объективная достаточность – *достоверностью* (для каждого)» [5. С. 1031].

⁴⁶ «Diesem-nach ist der theoretische Gebrauch der Vernunft derjenige, durch den ich *a priori* (als notwendig) erkenne, daß etwas sei; der praktische aber, durch den *a priori* erkannt wird, was geschehen sollte» [5. С. 812]. Соответственно этому, теоретическое употребление разума есть то, посредством которого я *a priori* (как необходимое) познаю, что нечто есть, имеет место, а практическое – то, посредством которого я *a priori* познаю, что должно произойти» [Там же. С. 813].

странством и временем. «Чистый разум, – напоминает Кант об исключительно интеллигибельном характере этой познавательной способности, – не есть явление... к нему неприменим динамический закон природы, определяющий временную последовательность...» [5. С. 719]. Для разума «нет никакого *прежде* или *после*» [Там же. С. 721].

Рассудок, по Канту, не способен отказаться от спонтанного формирования *предметов опыта* и их *естественного порядка* после того, как неразрывно связанная с ним *чувственность* окажется аффицированной *вещью самой по себе*. Предмет же *практического разума* не навязан ему извне всем предшествующим ходом событий, но, будучи *представлением о возможном действии через свободу* [6. С. 421]⁴⁷, создается им самим в результате мысленного *превращения* того или иного *действия* в *действительность*. Иными словами, поступки человека – это не *патологические реакции* на разного рода *стимулы*, а результаты свободных *решений* его собственного *разума*, наличием которого он отличается от всех остальных животных.

Разум, освобожденный Кантом от *временной последовательности*, не считающийся с тем, что было *прежде* и что будет *после*, может быть обращен только на познание того, что должно быть (*dasein soll*) *всегда*. Эта изначальная обращенность *практического разума* к вневременному и, следовательно, к *вечному*, лежит в основе самостоятельно продуцируемых им *идей* – *Бога, души, свободы*, наличия которых *разум* требует, но не может доказать их существования. Знание о существовании (*Dasein*) приобретается с помощью приемов *теоретического познания*, которому недоступны предметы, создаваемые чисто интеллигибельной способностью. Ни *рассудок*, ни *разум* не дают никому возможности «хвастаться, будто он *знает*, что Бог и загробная жизнь существуют...» [5. С. 1039].

Итогом теоретического познания этих предметов может стать лишь *доктринальная вера*, которая «содержит в себе нечто нетвердое» [Там же. С. 1037]. Итогом *практического познания* может стать *моральная вера* – *убеждение*, обладающее *моральной достоверностью*. Но, поскольку такое убеждение *опирается на субъективные основания*, «я не могу даже сказать: *имеется* моральная достоверность, что Бог есть и т. д., а могу лишь говорить: *я морально уверен*...» [Там же. С. 1039]. Конечно, ни эти, ни более поздние рассуждения Канта о *моральной уверенности* в бытии Бога вовсе не являются *доказательством*, а объяснением причин религиозной убежденности, *философией религии*, как стали называть подобные объяснения, начиная с Гегеля. Специфика *философии религии* Канта в том, что он видит истоки религиозной веры не в невежестве первобытных людей, а в *разуме*, которым не обладают безрелигиозные животные.

Кант уделяет мало внимания *практическому познанию правил умения* и включенных позже в их состав *правил благоразумия*, рассматривая их, главным образом, для демонстрации исключительности *морального императива*. «Как возможен императив умения, это, конечно, не нуждается в особом исследовании. Кто хочет цели, тот хочет (поскольку разум имеет решающее влияние на его действия) также и совершенно необходимого для нее средства, которое находится в его власти» [6. С. 131]⁴⁸. Однако недостаточное, с современной точки зрения,

⁴⁷ «...Быть предметом практического познания... означает только отношение воли к поступку, через который этот предмет или его противоположность становится действительным (*wirklich gemacht würde*)... Объекты практического разума – это объекты *добраго* и *злого*. Под первым понимают необходимый предмет способности желания, а под вторым – необходимый предмет способности отвращения...» [5. С. 421–423].

⁴⁸ Кант предположить не мог, до каких масштабов на рубеже тысячелетий вырастет промышленный шпионаж, целью которого станет похищение *императивов умения*, называемых те-

внимание к *технически-практическим императивам* вовсе не превращало их в глазах Канта в некое подобие условных рефлексов, неподвластных свободной, а значит, разумной воле. «...Разум, – утверждал он, – есть постоянное условие всех произвольных поступков, в которых проявляется человек» [5. С. 719]. *Правила умения*, как и все *правила поведения*, являются *продуктами разума*, хотя их применение, считал Кант, зависит от множества условий, включая обстоятельства места и времени. Тем не менее почти все, что Кант говорит о *практическом познании*, относится и к познанию правил поведения с *вещами*. И итогом познаний этих правил также оказывается не *знание*, а *вера – прагматическая вера*, которая «лежит в основе действительного применения средств для тех или иных действий...» [Там же. С. 1033].

Литература

1. Аристотель. Никомахова этика.
2. Болдыгин Г. В. И. Кант о специфике *теоретического* и *практического* видов познания (Статья первая) // Вестник Гуманитарного университета. – 2014. – № 3 (6). – С. 120–136.
3. Гегель. Феноменология духа : сочинения : в 14 т. – Т. IV. – М., 1959.
4. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского. – СПб., 1907, 1993.
5. Кант И. Критика чистого разума. – 2-е издание // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 2, ч. 1. – М., 2006.
6. Кант И. Критика чистого разума. – 1-е издание // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 2, ч. 2. – М., 2006.
7. Кант И. Основоположение метафизики нравов. Критика практического разума // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 3. – М., 1997.
8. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 4. – М., 2001.
9. Кант И. О поговорке «Может быть это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 1. – М., 1994.
10. Кант И. Прологомены // Кант И. Сочинения : в 8 т. – Т. 4. – М., 1994.
11. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Сочинения : в 6 т. – Т. 4, ч. 2. – М., 1965.
12. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Сочинения : в 8 т. – Т. 4. – М., 1994.
13. Кант И. Антропология // Кант И. Сочинения : в 8 т. – Т. 4. – М., 1994.
14. Кант И. Статьи и письма разных лет // Кант И. Сочинения : в 8 т. – Т. 8. – М., 1994.
15. Кант И. Из рукописного наследия. – М., 2000.
16. Кант И. Лекции по этике. – М., 2005.
17. Кант И. Новое освещение принципов метафизического познания // Кант И. Сочинения : в 8 т. – Т. 1. – М., 1994.
18. Кант И. Новая теория движения и покоя // Кант И. Сочинения : в 8 т. – Т. 1. – М., 1994.
19. Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира // Кант И. Сочинения : в 8 т. – Т. 2. – М., 1994.
20. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском праве // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 1. – М., 1994.
21. Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 1. – М., 1994.
22. Коперник Н. О вращениях небесных сфер. – М. : Наука, 1964.
23. Лейбниц Г. Переписка с Кларком. Письмо Якобу Томазию о возможности примирить Аристотеля с новой философией // Лейбниц Г.-В. Сочинения : в 4 т. – Т. 1. – М., 1982.
24. Eine Vorlesung Kants über Ethik / herausg. von P. Menzer. – Berlin, 1924.

перь «know how», самостоятельное познание которых требует особой интеллектуальной деятельности, многие черты которой впервые описал как раз Кант.

УДК 13

Лучанкин Александр Иванович

д-р филос. наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин НОУ ВПО «Уральский международный институт туризма» (г. Екатеринбург)
E-mail: lu-chan-kin@yandex.ru

Luchankin Aleksandr Ivanovich

Doctor of Philosophy, Professor at the Humanities Chair, the Ural International Institute for Tourism (Ekaterinburg)

Базаров Евгений Юрьевич

канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин НОУ ВПО «Уральский международный институт туризма» (г. Екатеринбург)

Bazarov Evgeniy Yur'yevich

Candidate of Philosophy, Associate Professor at the Humanities Chair, the Ural International Institute for Tourism (Ekaterinburg)

ПОЙЕСИС ВОЗВЫШЕННОГО

SAVING THE EXALTED: POESIS

Аннотация

Тематически философию и психоанализ объединяет стремление к усилению жизнестойкости персоны, бытующее в беседах о Возвышенном – идеале самоидентификации или о «самоопределении» человека в проекции неких ценностей, понимаемых как значимо высокие.

Ключевые слова: концепт «Возвышенного»; агональный дискурс; аффект; академический дискурс; концептуальный персонаж; когнитивный диссонанс; контросуществование; граница и пределы; «субъект-другой-интерсубъективность»; жизнестойкость; апология; нарциссизм; аналитика скандала; пойесис; символическое; воображаемое; нарративный дискурс; аргументативный дискурс; дискурсивная скорость.

Abstract

The text shows that the thematic philosophy and psychoanalysis are united by the theme enhance resilience, which funded the affect of the sublime. Last affective, not being an object, but the way we have to narcissistically itself under the guise of a conceptual character. Sublime in the relationship, «the healer-client» turns into a laugh, being present at the time of the offering of extinction ontologies – causes cognitive dissonance (between them).

Keywords: the concept of «the Sublime»; agonistic discourse; affect; academic discourse; conceptual character; cognitive dissonance; counter-implementation; border and limits; «subject-the Other-intersubjectivity»; the resilience; the apology; narcissism; scandal analysis; Poesis; symbolic; the imaginary; narrative discourse; argumentative discourse; discourse speed.

Греческое «poiesis» есть преодоление «граней, стенок, перегородок реальности» (О. Мандельштам); это творение, божественная активность по вызволению вещей из небытия. Пойесис – дар творить языком, человеческим способом дела, – не принадлежащее человеку.

Вне мысленных проекций на возвышенные идеалы, далее – вне одержимости ими и, далее, вне попытки их практической реализации – невозможна постановка вопроса об усилении человеческой жизнестойкости или ее сохраняющего удержания. Поэтому каждый из нас нуждается в зеркале Возвышенного, тогда как отказ от него как мыслимой трансцендентности оборачивается бездушным позитивизмом и очевидным приоритетом «низменного» качества жизни. На наш взгляд, степень возвышенности (качества и длительности) жизни определяется жизнестойкостью. В научных кругах принято считать, что понятие «hardiness» (жизнестойкость) введено в гуманитарный дискурс американским психологом и философом Сальваторе Мадди. Этим понятием он обозначил взаимосвязь в жизни персоны, с одной стороны, включенности в происходящее (вовлеченности в ситуацию),

© Лучанкин А. И., Базаров Е. Ю., 2015

контроля и рефлексии (наблюдения за собой и другими как соучастниками события) и, с другой стороны, – ответной реакции на вызовы происходящего (принятие жизненных рисков). События жизни интерпретируются как обстоятельства вызова и испытания персоны на умение превратить изменения в свои творческие способности и возможности. Подход С. Мадди поддается интерпретации в параметрах эпистемологии «знание-объект» (в смысле Мишеля Фуко). Нетрудно показать, что различные дискурсы (в нашем случае – агональный, нарративный, аргументативный) и порождаемые ими аффекты, перцепты, концепты определяют «как бы фундаментальное» отношение персоны к зеркалу Возвышенного (например, к идеалу благочестия – благу для всех и персональной чести рыцаря, дворянина, джентльмена, офицера). Аффекты сопровождают архаически-ветхозаветную жизнестойкость эмоционирующего тела, перцепты – средневеково-мистические практики усиления телесно-чувственной жизнестойкости, аргументы – рационально понятую новозаветную жизнестойкость индивидов и групп с точки зрения бестелесных позиций и позиционирования в недрах социальных машин.

Образы Возвышенного несводимы к сонму духовных существ или к набору универсалий: они есть смысловое зеркало мышления, думающего о жизни. В этом двойственность идеального образа. С одной стороны, «Возвышенное» принципиально не фундаментально в своем присутствии, будучи воображаемой точкой-идеалом на горизонте, ускользя вместе с горизонтом по мере приближения к ней. С другой стороны, будучи горизонтом, оно трансцендентно и заставляет персону думать, «вытаскивая ее язык» – способность к словотворчеству.

Непредставимое трансцендентное – это «третье в диалоге» (М. Бахтин); оно «частично» как бы присутствует, но также и отсутствует в разговоре – с собой и другим. Одолевая интерперсональные несвободы, возвышенный идеал творится персонально, созидаясь энергией молитвенного поклонения, мысленного диалога, творческого экстаза, принципиальностью поведения, жестом красноречивого молчания, скорбного плача по усопшим, бодрого конструирования социальной утопии и т. д. Или в формах поэсиса – красноречивого молчания, самозабвенной печали, возвышенного гнева, экзальтации юмора.

В наследии М. Фуко «эпистема» трактуется в значении исторически конкретной связности слышимого и видимого, «слов» и «вещей», когда властью эпистемы им приписывается тождество или различие. Трепетность верующего, алхимия опыта и конкуренция теорий находят общее основание в принуждении, надзоре, власти. Воспитание – власть и дрессура, поскольку заставляет персон видеть и слышать только так, и не иначе: если бы слова и вещи совпадали, то ничего бы не было в «слипнутости» Все Того же. Шрам, граница между ними, видимый зазор слов и вещей провоцирует мысль на творчество, будучи пространством преодоления устаревшего понимания жизни или его (пространства жизни) творческого восполнения в проекции на Возвышенное. Отчего поэты стремятся к образной живописности, живописцы – к поэтической образности? – В зазоре слов и вещей становятся творческие способности.

Натурализация (реификация) или «мистификация» слов или вещей может быть, соответственно, причиной невроза или психоза. В случае психоза слово стремится стать вещью (отождествиться с материей жеста, звука, осязания в пределе дискурса шизофрении). Тождество оборачивается аффектом утраты прошлого и будущего: шизофреник переживает интенсивность вечного «здесь и теперь». Невроз требует от персоны воплощения ожиданий и проекций значимых для нее других, в материальность социальной роли и позиции. Невозможность такого воплощения до конца открывает возможность критики и самокритики: вечно «грозный пальчик» совести – симптом дискурса невроза (каждый из нас невротик в

той мере, в какой подчиняется «пальчику» – символическим обязательствам и долгам, непрерывным во времени).

Учение о. П. Флоренского о взаимообразной смене ритмов обратной и прямой перспектив (двухтактная модель истории в смене цивилизационных укладов «средневековье/ренессанс»), образов «храма и рынка» позволяет нам сформулировать два основных сценария жизнестойкости. Внутри себя они расщепляются на пределы, условно обозначенные: а) как «ветхозаветный и/или новозаветный» (безоговорочное служение власти и/или предпринимательский индивидуализм); б) как политика выражения «чаяний народа и/или творческая конкуренция персон». Им соответствуют практики идентификации, определяющие тип жизнестойкости в размерностях, соответственно: а) «раб и/или протестант»; б) «креатив, ролевой функционер и/или творец, революционер-подвижник». Возможен и третий сценарий как попытка преодолеть их когнитивный диссонанс.

Когнитивный диссонанс, переживаемый персонажами по-гамлетовски, мучительно и трагично («развинтился сустав времени»), в логике «знание-объект» предстает колебанием между сценариями жизнестойкости. Воображаемая самоидентификация персоны здесь реализуется в «становлении кем-то», в проективном изобретении (слияние невозможно) «на себя примеренных» концептуальных персонажей, душевно близких игроку. В поисках оптимального сценария изменяются персонажи, в которых мы играем, но главное – изменяемся мы сами. С этой точки зрения, жизнестойкости нет вне контекста конкретных угроз и опасностей. Она реализуется на границе двух пределов: склонностей, когда инстинкт самосохранения действует как внешняя побудительная причина среди других причин (и не более того); и ситуативных угроз. «Хитрая» жизнестойкость не допустит перевода угрозы в опасность (страх опасностей неопределенности – симптом невроза, забывшего, что покой и стабильность бывают только на кладбище).

Феноменологический анализ жизнестойкости предполагает изучение всех факторов ее усиления – смеха и форм его проявления, неопределенного и непонятного, необычного и необъяснимого, таинственного и опасного. Тогда и местонахождение потенциальной опасности требует осмотра топики угроз. Где находится потенциальная опасность? Она размещена вне меня; находится возле меня; или внутри – в ближайшем окружении, а то и в себе? Что надо делать, если угрозы поняты, но обстоятельства (контексты) реальной опасности еще не сложились? Какие опции необходимы по сборке новой концепции жизнестойкости, способной преодолеть уже наступившую опасность?

Следует ли соглашаться с тем, что Возвышенное есть, по Фейербаху, отражение на небе земной семьи, будучи выражением семейных радостей, нарциссически переживаемым удовольствием от их абстрактного тождества в логике оборотного переноса? Для ученых-гуманитариев, занятых педагогиками «социализации» и/или «индивидуализации», идеал персоны снижается до абстракции «другого», до словесного подобия и клона. Однако персональный идеал, если он не клон, предстает в ипостаси «как бы есть», т. е. всегда не до конца понятым смыслом. Педагогика «размещения» персональных смыслов в безликое «мы» опирается на практики академических дискурсов как некогда господских. Но эта опора ныне безосновна и неуместна, поскольку ее тематическая топика (топология) уже не занимает место, которое занимала «по образу и подобию своему». Диалектика «общего/частного» здесь не работает, потому что Другой – не вовсе и не совсем Я, и мной не является, а если таковым является, то выступает как моя сущностная противоположность, мстить которой, заняв ее место, невозможно по причине когнитивного диссонанса.

Платоновское понятие «благочестие» размещено в другом измерении, отнюдь не параллельном метрике академических понятий «социализация/индивидуализация»,

за которыми мерцает «субъективация субъекта-как-объекта». Процесс возвышающего обожания, почтительного благоговения, «обоживания живущего» – не есть объект, ритуальное действие, стихийное бедствие. Таковыми он мнится абсолютно безучастному, т. е. отсутствующему «наблюдателю», что невозможно по определению. Лишь участливое присутствие возвышает происходящее до «непосредственности» естественного тела персоны, до явленности трансцендентного в имманентном – жизни души. Когда тело оповещает разум о своем необычном состоянии – тождестве мыслящего субъекта и мыслимого объекта, означающего и означаемого, тогда между присутствием «что» и отсутствием «ничто» начинает мерцать «нечто» пойсиса. О нем нечего сказать в терминах различий и финалов, поскольку оно бесконечно погранично, предполагая выход из своей имманентности опять же в чем-то бесконечном (трансцендентном).

В переводе на более поздний язык, Гуссерля например, гегелевский субъект предстает горизонтом, удаляющимся по мере приближения к нему. Или поверхностью, заданной линией, чье движение «туда-сюда» ее образует. Видимо, эту-то поверхность натурализуют (реифицируют) философы, социологи, педагоги и психологи, бьющиеся в дуализме отглагольных существительных вроде «социализация/индивидуализация». Линия горизонта: представим ось абсцисс в декартовой системе координат. Идеал здесь – это ноль, движение которого вправо-влево ничего не меняет на нашей линии, восстанавливая минус бесконечность и/или плюс бесконечность. Ноль сам по себе число забавное, с ним ничего (в значениях арифметики) не поделаешь, но в процессе своего движения по линии абсцисс он воспроизводит себя, определяя все далее возможные операции. «Идеальная предметность» Возвышенного не может быть очевидностью ставшего/непредставимого на границе представимого как границы воображаемого (воображения). Являющееся субъекту или через него – это линия, контур, фигура круга. Фигура, окруженная извне, кружащаяся внутри: «вещь сама по себе». Круг, подобно ноллю на оси абсцисс, разграничивает два бесконечных предела. Так обнаруживается бессилие нашей мысли судить, осуждать, предавать круг-ноль (как «вещи в себе») суду и суждению (пафос третьей кантовской критики – «Критики способности суждения»). В этом суть апорий о божественной природе Творца, включая псевдотворчество самозванства и плагиата.

Означающие возвышающего себя самозванства просты: субъект (или «субъект-как-объект»), мы про тебя все заранее знаем (невроз); мы про тебя – человек или мир человека, ничего не знаем (психоз), но совместными усилиями, во встречных усилиях понимания, – узнаем. Здесь означаемое Другого либо «вешается» на означающих, отождествляясь с ними («все относительно в мире языка»); либо означающие пристегиваются к локально-понятому и неизменному Другому («есть абсолютные истины в этом мире»). Метод конструирует заранее предполагаемое «присутствие субъекта», расположенного в последовательности времени (или «историзации», претендующей на «объективность» описаний отсутствующего прошлого). Восхищение «объективно другим» (дань «своему» клону) неотделимо от жгучего желания избежать самоплагиата и уничтожить себе подобного в ненависти к нему. Такой подход к живому творчеству характерен как для неопытных специалистов-гуманитариев, так и для философов и психоаналитиков, находящихся в плену самоплагиата. Опыт – свидетель: академический дискурс оставляет ошутимый рубец-шрам, с трудом поддающийся терапии, поскольку использует авторитетные цитаты, уподобления прошлым успехам, повторы устарелых схем мысли и речи в новых условиях. И поскольку метод неотделим от устанавливаемой им истины, постольку в рамках логики «метод-истина» или «знание-объект», при условии ухода от классической оппозиции «субъект–объект», следует рассматривать различные дискурсы (агональные, нарративные, аргументатив-

ные) и порождаемые ими аффекты, перцепты, концепты как типы отношения персоны к зеркалу Возвышенного. Дизъюнктивный синтез: «аффект + перцепт + концепт» – это соединение ранее никем не соединявшегося, когда сосуществуют боль чужого тела и чувство сострадания к этой боли, творческое трансцендирование и жесткость социально-позиционного функционирования; только так старое и отжившее взрывается новизной обновления, сбываясь необычностью и волшебностью чуда-избытка. Или аффектациями и катастрофами зверского скандала. Перед нами – невероятная «предопределенность» незапланированного события (либо рискованный факт его динамического переизбытка, понятый и описанный всегда в рефлексивном «потом»). «Удивительное рядом, но оно запрещено» (Высоцкий). Или: «Все, что имеет предел, то имеет край; а край – это то, на что можно смотреть со стороны; стало быть, края Вселенная не имеет, значит, и предела не имеет; а что пределов не имеет, то – беспредельно и неограниченно» (Эпикур). Позиционирование персон, взятых в отношениях «философ–ученик», «психоаналитик–пациент» и др., исторически порождается дисциплиной дискурсивной власти. Например, мотивы жертвенного возвышения в философии стоиков – результат испытанной жизнестойкости, воспринятый как дар жизни; чем сильнее душу сгибают, тем больше она возвышается: прессинг имманентного культивирует трансцендентность в рамках агонального дискурса.

Агональный дискурс проявляется как конфликт, когнитивный диссонанс и конфликт несовместимых религий, фундирующих те или иные картины мира. Это «чистая» коммуникация, где упорное в своей нетерпимости «уточнение понятий» ведет к победе картины мира одной из сторон и к гибели другой. Эмоциональное уточнение понятий, доведение их до «кипения» категорий, до абсолютных различий, неизбежно сопровождается аффектами. Здесь гибнут (или в боях рождаются) фундаментальные онтологии и ими порождаемые суждения. Онтологические картины мира – причины аффектов, связанных с темой суда – суждения, осуждения, самоосуждения. Их религиозная духовность проявляется в невротической общезначимости и всеобщности, в прагматике рациональности и самоплагиата. Отношение Возвышенного и онтологических картин мира выражает высказывание М. Бахтина: «Душа гибнет в духе». Академический дискурс изначально духовен.

Нарративный дискурс – это и «общение как поиск общего», и рассказ в безличной (эпос), лично-лирической (романтизм) или в постмодернистской (когда бог, автор и текст умерли) форме. Нарратив создает групповой перцепт (форму, вкус восприятия), когда персональные переживания и восприятия становятся частью объемлющего их целого – истока возвышенного переживания. Но его смысл все время ускользает (как горизонт), заставляя персону молиться (испрашивать), стыдиться своих поступков, перечитывать прочитанные книги, смотреть старые фильмы и т. д., открывая в них новые смысловые грани, переживая и чувствуя в направлении, заданном гением или злодеем.

Аргументативный дискурс порождает концепты. М. Бахтин: «Культура живет на границах; культура диалога – преодоление чуждости чужого без превращения ее в свое». В зависимости от ситуации – контекста диалога – всегда возможен договор о «прекращении огня», когда если один говорит, то другой («онтологически») слушает, соединяя ранее несоединимое. И наоборот. Именно в диалоге возможно бестелесное событие смысла, поскольку мышление и мысль ничьи, они всем принадлежат по праву бытия. Суверенная свобода разговаривающих сторон гарантируется (в идеале) невозможностью умерщвления смертной плоти дискурса и его участников. Плотность бытия дискурса (смертность его плоти) определяется лишь на фоне не-бытия, с точки зрения его жизненной энергетике, сохранности в библиотеках и базах данных, в человеческой памяти. Значит, и смертельной опас-

ности быть стертым тем или иным способом-методом, или новомодным дискурсом, позиционирующим прежнему как застарелой боли: позиции живут в оппозициях.

Боль – тождество означающего и означаемого тела. Она сбывается как персональная, научая состраданию к боли людей ближних и дальних. «Человечность человеческого» предполагает трансцендирование – способность сбываться по меркам любого вида, и складку – способность к складыванию пределов «боль/сострадание» по линии их границы. Мольба: «Ну почему, Отец, Ты оставил меня?» – предполагает боль и сострадание в дизъюнктивном синтезе, противостоящем распаду. Возвышенное обуславливает опыт контросуществования, т. е. недеяния и/или испытывающего сопротивление навязанным нормативно-поведенческим логикам, сериям и порядкам властных социальных машин, требующих от мирян жесткого и бесчеловечного позиционирования. Но это и опыт сопротивления процессам умирания собственной плоти.

Лакан считал, что среди аффектов только страх, в том числе «страх страха» или тревожность, не поддается легкому расставанию с собой или рефреймингу (переименованию в «легкий» эффект типичных обстоятельств: «так устроен мир»). Сходство высказываний Хайдеггера об ужасе и Лакана о страхе – это напоминание об угрозе войны в условиях неопределенного будущего, что, помимо всего прочего, указывает на теорию «множественной персональности». Вспомним: Фрейд говорит об «объектных идентификациях Я» (расщепляющих целое личности на части), далее – о полиперсональной или «множественной личности» [6. С. 854]. Лакан эту идею развивает: «Пока мы придерживаемся аналитического регистра, нам следует исходить из понятия интересубъективности» [4. С. 286].

Терпение и претерпевание всегда нечто повторяют, но персонально и по-своему. В этом смысле они миметичны, т. е. уподобленно-подражательны: «Господи, разве я один и впервые пережил это?» Мимесис раскрывает *phusis*, обнажая суть себе подобной суэты: факт, что нечто есть, а не то, что (дескать) ничего нет. Или, выражаясь техническими терминами, заимствованными у Лейбница и Хайдеггера: почему только сущее бытия существенно в существовании, а не наоборот, – ничто? Мимесис есть откровение бытия, «аффективно» смеющегося над нами в момент «как бы технически» понятого нами смысла жизни: у греков мимесис был чем-то вроде медиатора между поэсисом и технэ; между словом и бессловесной пластикой мима; между творчеством и воспроизводством данного лишь отчасти. Так, Гамлет живет во всех своих вариациях и воплощениях, не сливаясь с ними. Никто из актеров не есть Гамлет, но каждый из них должен частично отождествить себя с Гамлетом, «субъективно» сообщить ему собственную персональность; и «объективно», по-платоновски, принять в себя часть идеи Гамлета, вступить с ней в отношения «метексиса» как несовершенно-одностороннего тождества. Миметически представлять – значит предоставить возможность выражения этому роду тождества и, вместе с тем, выразить то, что принадлежит сущности (а возможно, и бытию) другого или многих других.

Персональная идентичность (самоидентичность) «тормозит» в своем становлении по причине отсутствия бестелесного события смысла, вечности горизонтов Возвышенного, зовущих к путешествию в таинства собственной души. Для становления персональной идентичности необходима рефлексивная дистанция к идентичности социальной. Мишель Фуко убедительно показал, что в тоталитарном пространстве лечебницы тело обычных мирян овеществляется, редуцируется к вещи: мирянин, будучи означаемым, в страхе иногда отказывается от означающих (врачей). Но чаще обратное: в контексте карательной психиатрии болезнь пресуществляется независимо от диагноза, который все время подтверждается («врачи же сказали!»).

Проекции персонально-имманентного в трансцендентно-возвышенное – это безумная экзальтация и черная депрессия, беспричинный смех и судорога рыданий, гримаса боли и придыхание удовольствия, неразделенная радость и безотчетная тревога (так, напомним, понимали «божественную» природу аффектов в XVII–XVIII вв.). Кантовское «*affection*» – это реакция, отсылающая к природно-телесным причинам, запускающим цели разума. Надо различать аффект и то, что аффицировано как нечто, предшествующее началу мира; следует различать формы аффектации как принципы, управляющие аффектами, согласующие несогласия. Вещи даются нам в психическом переживании аффектов от них, но здесь не дана сама психика. Так же можно вообразить все что угодно, но не само воображение.

Беспредметность психики позволяет ей наполняться любыми предметами: в желании желается нехватка (дефицит) самого желания. В безумии безумствуют не ум, не разум, но их исчезновение из собственных пределов. Это исчезновение выставляет тело безумца на границу других пределов – «жизнь/смерть, аффект/вещь» и т. д. Выставляет на границу нехватки означающих (надо искать слова), редуцированных к природной телесности фоном, светотени, смены цвета и звуков, ритма, скорости бормотанья, громкости и т. п. подробностей. Есть ли четкая граница гениальности и безумия? По Канту, безумие считается излеченным, если к его диагнозу пристегиваются обобщенные подробности, которые становятся целями разума: так начинается лечение.

«В состоянии аффекта наш язык принимается кружиться и, кружась, образует язык грядущего как вполне иностранный (странный), вечно пережевывающий все то же самое, но язык этот, однако же, рвет и мечет... Так один язык действует в другом языке, чтобы породить в нем язык третий, неслыханный, иностранный. Первый делает инъекцию, второй начинает заикаться, третий – рвать и метать. Тогда язык становится знаком, поэзией, и уже нельзя различить язык, речь, слово. Предел языка – Вещь в своей немоте: видение. Вещь – это предел языка, как знак – язык вещи» [1. С. 135–136]. Состояние кружения внутри круга ограничивается собственными пределами, наткнувшись на которые язык начинает свой танец, пробиваясь в другой предел – через окружность круга к внешности окружающего. Точно так же безумец, оказавшись на водоразделе «философия/психоанализ», начинает «выходить из себя», творить кружево изобретательской инноватики, соединяя ранее никем не соединявшееся имманентное желание одиночки с трансцендированием.

Желать – значит дарить то, чего у нас нет, тому, кто в этом даре не нуждается. Если желание персонального одиночества воспринимается как испытание на жизнестойкость, то это и есть встреча «желания одиночества» или желаемого одиночества. Такая встреча подтверждает: персону не одна в своем одиночестве, испытывая свою «неполноценность одиночки» (с мирской точки зрения). Испытание своей неполноценности может быть аффективным, избыточным. Однако аффект не есть эффект, а избыток не есть изобилие. Избыток одинокой неполноценности ею же и питается, будучи соблазнительным и неутомимым стремлением к персональной неполноценности.

Что такое соблазн, как не возвращение ранее вытесненного желания? – «Вытеснение всегда происходит в механизме последствия, возвращение вытесненного возможно из будущего... Случившийся в прошлом эффект проявляется в символическом как аффект» [7. С. 117]. Гуманитарий устанавливает сбывшуюся истину, повторно вступая в следы, оставленные в настоящем «теперь» предвосхищениями грядущего. Всякое «теперь» обязательно станет «прежде» благодаря дискурсу; истерика обернется историей персоны. В мире дискурсивных практик **означаемые плывут, означающие летают.** – «Стирать и записывать» (Жиль Де-

лез). – Не стирать, но записывать поверх старой записи – процедура «историзации», когда некто добросовестно учится ходить, не оставляя следов: и только затем, чтобы последователи их чувствовали.

Итак, автор, оказавшийся в промежутке философии и психоанализа, на границе свойственного им языка и словоизвержения, умения видеть и слушать, «вытаскивает» язык из привычной колеи, заставляя его бредить. Он изобретает их бред как процесс, перетаскивающий слова с одного конца вселенной на другой. Это события, которые происходят на границе языков. «Но когда бред попадает в клиническое состояние, слова уже ни на что не похожи, через них ничего не видно и не слышно, кроме ночи, утратившей свою историю, свои цвета и песни» [1. С. 9–10]. Пафос авторского стиля и «патос» его политической ангажированности питаются соблазном дискурса, размещенного на границе «между». Жак Деррида, посвятившему характеризующее соотношение психоанализа и философии, подчеркивает: «Упрямо противопоставляясь друг другу по вполне нам известным причинам, редукция психоаналитическая и редукция эйдетическая, сталкиваясь с проблемой произведения и безумия, функционируют одним и тем же образом и имеют, ничего о том не зная, одну и ту же цель» [2. С. 277].

Нарушения дисциплины означающих – причина хаоса означаемых, гибели единства мира (онтологий). Это требует оправдания. Миряне нуждаются в обоснованности отказа от вариаций на тему онтологического канона во имя другой темы – персонального становления «кем-то». Почему надо верить человеку, а не року; авторитетной персоне, а не богам? Хаос в порядках означаемых сопровождается – обратным ходом – замешательством, смешением и смехом в порядках означающих: чем совершенней актер пародирует детали старого мифа (в которых дьявол живет), тем энергичней благодарные зрители испытываются слезами и смехом, очищающим катарсисом, идентифицируя себя как «своих среди своих» [3. С. 220–221]. Верить своим «с оглядкой», не доверять чужим – это символический долг перед первыми и неискоренимый страх перед вторыми. Или: недоверие рождает войны, доверие – предателей.

Если жизнь изначально мыслится как следование за кем-то, за их смехом и слезами как присутствиями, то они притягивают грядущую смерть – наисовершеннейшую экономию отсутствия. Но умирают другие, перспектива персональной смерти вызывает страх и недоверие. Страх связывается с проблемой «послемертия»: что будет с душой, попавшей, после финала, в среду чужих? Недоверие связано со смертностью других, окончанием дарения и отдаривания, их физической неспособностью вернуть долг. Например, доверяя врачам в постановке «объективного» диагноза своей болезни, пациент символически дает им в долг свое здоровье, начиная честно болеть. Поверив в диагноз, поставленный концептуальному персонажу по имени «больной», он не доверяет более никому, в том числе себе и близким. Довериться можно персонажу, чья пристежка к телу вернет данное врачам в долг, ведь основной кредит существования – здоровье. Господский дискурс людей в белых халатах купит веру «больного» простым фактом размещения в стационаре и страхом изгнания. Заметим: тоталитарный режим секты или общества все вещи держит на учете, количественно унифицируя их, рождая в сознании мирян скепсис и недоверие. Паранойя количества и обязательств «ты должен потому, что должен, так как должен» стирает различия персональных желаний: «надо копить на черный день, надо быть не хуже всех» – не просто дань обществу потребления, но симптом невроза. Здесь социальное и публичное по происхождению желание (клонированно-уподобленное «я хочу» персоны) размещается в собственности ее «как бы» интимной жизни. Во-первых, это вовлекает в гонку за ценностями престижного потребления: «быть круче всех». Во-вторых, оно рождает ревнивое недоверие и скепсис в отношении желаний других как не-

легитимных (или эксгибиционистских). Оба момента снижают жизненный смысл речевого дискурса. Речь, устная и письменная, рассматривается как инструмент добывания денег, как умение лгать, очаровывать, забалтывать сущее.

Экономика недоверия, рассмотренная как вид экономики желания (доверять, инвестировать, дарить и отдаривать), полезна для философии и психоанализа логикой учета количеств, их скопления и рассеяния, совокупности и потери, ансамбля и уникальности, сборки и детализации. Желать в обществе потребления – значит конструировать скопления совокупностей: потребитель бредит обладанием, войной, деньгами, социально-позиционной перспективой собственного господства и т. п. Ж. Делез не уставал повторять: общество не является средой только дара/отдаривания, доверия/недоверия; скорее, оно есть письмо или устройство для письма, для функции метки, заметки, отпечатков сбывания – быть всего лишь отмеченными и замеченными. Или сбыться, быть стертыми в забвении бытия.

Вера инвестируется вечностью (длительностью), доверие – временем (грядущим предательством), недоверие – страхом смерти (или будущей войной). Не доверяя «сейчас», персона проблематизирует «потом» – инстанцию будущего, которая потенциально распоряжается обязательствами. Речь идет о способе своеобразного ростовщичества временем. Дающий деньги испытывает доверие к нуждающемуся в них, желая получить ссуду обратно по истечении времени. Ожидание возврата денег вполне жизненно и сексуально, так как длится во времени, выраженном в количестве исполнения желаний (обладания). Экономика дающего и займодавца примитивна и строится на инвестировании/аннигиляции будущего: дающие обеспечивают собственное будущее; берущие, выживая «здесь и теперь», берутся в плен настоящим, обстоятельствами, лишаясь будущего как свой собственности. Поэтому время, редуцированное к количеству скопления, может быть понято операционально, как вид памяти, например детской. У ребенка отсутствует индивидуализирующая форма образного обобщения – дизъюнктивный синтез, поэтому его память имеет скорее количественный, а не качественный характер. В ней отмечаются следы движения целостного образа в форме его деталей и подробностей.

М. Мосс в «Очерке о даре» показал, что в нерыночных сообществах – вне действия закона стоимости – символы обмена были еще и вещами, предполагая доверие обменивающихся к их магической силе. Вещи предназначались как для обмена, так и для укрепления доверия. Одаривая, символически доверяют себя другим, а доверяют и дарят себя потому, что символически «должны» этим другим [5. С. 168]. Парадоксы доверия имеют форму четырех ипостасей («квадрат доверия»). Во-первых, детализируя различие слов и вещей, доверие обеспечивает их количественное скопление; во-вторых, интонируя различие, доверие метафорически оседает «образами» («ночевала тучка золотая на груди утеса-великана»). Этот парадокс, в-третьих, продолжается в вере, стремящейся к идеалу – стиранию различий персон и вещей (например, в проповедях бескорыстия и нестяжательства). При этом вера, в-четвертых, восстанавливает суверенность Слова как общего прообраза видимого и слышимого. Доверие экономит себя в спонтанном волеизъявлении, в минимуме «сейчас и по настоящему» (present), вера – дарит себя в максимуме неоплатного долга перед еще не наступившим будущим (future), т. е. ускользающим идеалом возвышенного (например, платоновского благочестия). В купеческом сословии слово купца было эквивалентом золота.

Отеческое слово русского купца было на вес золота потому, что он идентифицировал себя не только как отец-купец, но также как муж жены и сын матери. Всегда найдутся люди – лучшие образы отцовства и сыновнего долга перед родными, жизнь давшими. Возвышенность идей Отца (геноса) и Сына (долженствующего) дважды направляла выбор купца для займа или ссуды – по роду и про-

исхождению (из приличной ли семьи происходит заимодатель или заемщик?), по кредитоспособности (наличию оборотного капитала). «Доверие» – экономическая категория (Фукуяма). – «Сомневающийся мыслит, верующий действует». В академической среде доверие – инвестиция репутации экспертов в будущее научного учреждения. Семейный вклад в образование детей основан на доверии к их будущему. Долги не возвращают возвысившие себя. Доверять и кредитовать – значит отдаривать, возвращать долг за оказанное доверие, платить той же монетой. В этом смысле любой персональный невозврат долгов, или самовозвышение персоны, есть форма отложенного ответа, указывающая на деградацию или гибель сообщества, повязанного взаимными долгами – обязательствами, длянущимися во времени.

Главный парадокс доверия заключается в предчувствии Слова, невидимо и неслышимо присутствующего за любым визуальным образом: так верующий видит за иконой бездну возвышающих его смыслов. Как соотносятся вера и доверие? – Видимо так, как поступок веры соотносится с доверчивой готовностью к нему. Или жертвенность за веру – с квиетизмом и предательским отказом от спасения. Известно, что милостыня от души и с ходу отличается от милостыни, дома предуготовленной. Точно так же идея воздаяния (и неоплатного долга) соотносится с недоверием к мессианству. Сегодня слово чиновника и купца не золото, поэтому вера в проект легко замещается подсчетами от его реализации. Недоверие и нелюбовь к себе оборачиваются ненавистью к другому («как можно любить других, если не любишь себя?»), а речь выхолащивается и стерилизуется, становясь гомосексуальной. Тело персоны лишается производительной силы в эмбриологической свертке-сокращении, в шпаргалке своей биографии: сначала тело сворачивается (редуцируется) к плоскости-поверхности; поверхность снижает себя до линии, а линия сворачивается в точку-сингулярность или ноющий шрам в памяти персоны. Память – основа мимесиса, представляющего припоминания. Мимесис имманентно-интимное переживание представляет коллективным и духовным. В этом смысле он есть процесс становления персоны – ее представления, презентации своего, жизнью выстраданного, концептуального персонажа. Мой персонаж – представимое в возможности, ожидающее некоего представления (во все смыслах слова), где его окончание не запланировано. Возвышенное выражается представлением чего-то такого, что непредставимо; но, как непредставимое, оно существует, сбываясь.

Выводы

1. Восприятия переживаемого (перцепты) объемлются чувством облегчения – не позитивным удовольствием от избытка, а удовольствием от нехватки исчезающего неудовольствия: чувству возвышенного присуща особая экономия.

2. Аффекты рождаются в «не» – невосполнимой нехватке, обнаруживающей дефицит идеала. Имманентно-интимное замыкается на себя, происходящее шизофренически не происходит, зависая в ожидании прихода трансцендентно-возвышенного как критерия оценки и суда.

3. Поэзис «Возвышенного» выше одинокой страсти. (*Virtus* – благородство, возвышенное, величие, начало: не путать с «виртуальными реальностями»). Возвышенные чувства, переживания, идеалы и мысли возникают на контрасте с чем-то низким, безобразным. Будучи по преимуществу мужской чертой, Возвышенное противостоит женственной «грации» (Фихте).

4. Представление непредставимого – это жизнь души, где окончание представления не запланировано: всё, что истинно существует, должно являть себя и представляться. Возвышенное есть исходный недостаток в жизни прекрасного начала – творчества, причем как процесса, где полагается истина в произведении – *aletheia*, – процесса раскрытия сокрытого, или поэзиса Возвышенного.

Литература

1. Делез Ж. Критика и клиника. – СПб. : Machina, 2002.
2. Деррида Ж. Письмо и различие. – М. : Академический проект, 2006.
3. Ерофеев В. В. Москва – Петушки : поэма // Ерофеев В. В. Оставьте мою душу в покое: Почти все. – М. : Изд-во АО «Х.Г.С.», 1995.
4. Лакан Ж. Семинары. Кн. 1 : Работы Фрейда по технике психоанализа. – М. : Логос, 1998.
5. Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общество. Обмен. Личность. – М. : Восточная литература, 1996.
6. Фрейд З. Я и Оно : сочинения. – М. : Эксмо-Пресс, 2002.
7. Юран А. Об аффекте в психоанализе // Пленэр. – 2012. – Вып. 2 (2).

УДК 316.77

Мясникова Людмила Анатольевна

д-р филос. наук, профессор, проректор
по научной работе, НОУВПО Гуманитарный
университет (г. Екатеринбург)
E-mail: nauka-gu@mail.ru

Myasnikova Lyudmila Anatolievna

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
LAU Vice-Rector on Research and Development,
Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

Черепанова Татьяна Витальевна

канд. филос. наук, НОУВПО Гуманитарный
университет (г. Екатеринбург)
E-mail: tat.cherepanova@mail.ru

Cherepanova Tatyana Vitalievna

Candidate of Philosophy, Liberal Arts University
– University for Humanities (Ekaterinburg)

**ПУБЛИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ
ТРАНСФОРМАЦИИ
СОВРЕМЕННЫХ МЕДИЙНЫХ
КОММУНИКАЦИЙ¹**

**PUBLICITY IN CONTEXT
OF TRANSFORMATION
OF MODERN MEDIA
COMMUNICATIONS**

Аннотация

В статье анализируется проблема формирования публичной дискуссии и публичной сферы в современных медийных коммуникациях (прежде всего – в сетевых форматах). Выявляется распад классической модели публичной дискуссии, родившейся в эпоху Просвещения и описанной Ю. Хабермасом. Показано принципиальное отличие дискуссий и общения современных медийных коммуникационных практиках от классического варианта публичной дискуссии. Вместе с тем отмечается потребность в социальном связывании общающихся в общность и возможность формирования публичной сферы, для описания которой нужны иные критерии, нежели в классической модели.

Ключевые слова: публичность; публичная сфера; дискуссия; медийные коммуникации; культура.

Abstract

The article analyses the problem of the public discussion and the public sphere formation in modern media communications (mainly in online formats). The disintegration of the classical public discussion model, appeared in the Age of Enlightenment and described by J. Habermas, has been revealed. The fundamental difference between the modern media communication practice of discussion and socializing and the classic variant of the public discussion has been shown. It has been noted, however, that there is a need in binding the interacting subjects into the community and a possible emergence of the public sphere which requires different criteria to be described in comparison with the classical model.

Keywords: publicity; public sphere; discussion; media communications; culture.

Состояние современной культуры определенно связывают с теми изменениями, которые происходят в сфере медиа. Иначе говоря, культура XXI века – это культура новых технологий и новых медиа. «Медиация» культуры заставила по-новому осмыслить многие ее аспекты. К числу наиболее актуальных вопросов сегодня относится проблема реализации посредством новых медийных практик эффективной публичной дискуссии и формирования публичной сферы.

Вопрос о критериях и признаках эффективной публичной дискуссии всегда возвращает нас к «классическому» пониманию публичной сферы, предложенному

¹ Статья выполнена на основе диссертации Т. В. Черепановой (Черепанова Т. В. Влияние медиакоммуникаций на трансформацию публичной сферы в современной культуре : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / Черепанова Татьяна Витальевна. – Омск, 2014).

Х. Арендт и Ю. Хабермасом. Классический концепт восходит к периоду эпохи Просвещения и является своего рода эталоном дискуссии в публичном пространстве, апеллируя к идеальной ситуации, в которой как равные встречаются коммуниканты и обсуждают важные в заданном смысловом поле темы, актуализированные процессами социального и культурного взаимодействия. Ю. Хабермас указывает на наличие следующих необходимых признаков публичной сферы: общезначимости обсуждаемых проблем; открытости, свободы слова и равноправия дискутирующих, их осведомленности в сути обсуждаемых вопросов; рациональности и аргументации; гражданской активности; заинтересованности участников в результате дискуссии. Цель эффективной публичной дискуссии в этом случае – достижение консенсуса в пределах intersubjectively очерченного и значащего смыслового горизонта, воплощающего единство социальной системы, как ее представляют участники коммуникативного действия.

Современные дискуссионные форматы в своей реализации во многом ориентируются на сложившийся в XIX веке концепт, однако изменившийся характер коммуникации проблематизирует возможность публичной сферы в ее классической полноте.

Критико-оценочная деятельность, конструктивная дискуссия на острые общественно-политические темы однозначного формата в медийном пространстве пока не находят. Печатные СМИ и радиостанции ориентированы, в первую очередь, на формирование повестки дня, а предпринимаемые ими попытки конструирования публичной дискуссии направлены на достаточно узкую аудиторию. Телевидение, удерживая статус самого влиятельного медийного института, формирует общественное мнение в соответствии с национально-эtabлированным типом публичности.

Самыми «живыми» и влиятельными дискуссионными площадками на сегодня являются блоги и социальные сети. Отсчет смещения дискуссионного фокуса с традиционных медийных форматов на альтернативные, сетевые, пожалуй, можно начинать с 2006–2008 гг., когда реальную популярность в Рунете обрел Facebook, а вслед за ним русскоязычные социальные сети «Vkontakte» и «Одноклассики».

И если задуматься о влиянии современных интернет-форматов на формирование общественного мнения, то очевидна тенденция использования русскоязычных социальных сетей и блогов в политических целях. Так, к примеру, протестные акции декабря 2011 года в Москве оказались возможны в масштабе всей страны именно потому, что тема митингов активно поддерживалась в Сети, пополняемая фотоотчетами участников. Пользователи активно делились новостями о предстоящих митингах, публиковали репортажи о прошедших, предлагали идеи по решению тех или иных социально-культурных вопросов и чувствовали действительно демократическое единение. Причем в рамках таких фейсбук-революций каждый позиционировал себя как неравнодушный протестующий интеллигент. «Любой мобилизации, опирающейся на новейшие медиа, предшествует своего рода “массовая интеллектуальность”, которая в какой-то момент начинает действовать как самостоятельный фактор общественной жизни. Это ставит под вопрос многие клише о массовом обществе, а также представления об “иррациональной толпе” как его субъекте» [2. С. 161].

«На смену информационному интернету пришел социальный <...> Facebook стал гигантским агрегатом все более интенсивных социальных проявлений сетевой жизни на одной платформе» [6. С. 4]. В глазах активной facebook-общественности телевидение являлось выразителем, прежде всего, централизованной государственной власти в противоположность свободным коммуникативным площадкам Интернета, и «один из расхожих штампов текущих событий состоял в противопоставлении телевизионной и интернет-аудитории. Вторая пони-

мает себя как сугубо мыслящая и самостоятельная – в противоположность пассивной и оболваненной пропагандой первой» [5. С. 37].

Все вышесказанное, казалось бы, может подтолкнуть нас к выводу о формировании культуры активных политических дискуссий в интернет-пространстве, однако многие исследователи российского медийного пространства (В. Куренной, Ю. Меламед, Ю. Сапрыкин и др.) указывают на то, что возникающие обсуждения носят излишне эмоциональный характер: «Сугубо эмоциональная персонификация протеста явно доминировала над возможной дискурсивно-рациональной сложностью. И когда митинги закончились, бурная дискуссионная активность, явившаяся больше даже не причиной протестных движений, а радостной реакцией на них, постепенно спала, и вместе с ней пропало коллективное желание менять страну: дел не случилось, перепосты все больше напоминали змею, кусающую себя за хвост, обсуждение общих тем перешло в эмоциональное накручивание друг друга» [9. С. 49].

События 2014 г. в Украине вызвали такую же большую волну дискуссий в Сети. И поскольку интернет-пространство является, по сути, общим для россиян и украинцев, иницилируемые модераторами дискуссии неизбежно превратились в своего рода виртуальные сражения, представляющие собой эмоциональный поток взаимных обвинений. На форумах и в блогосфере стали даже появляться призывы не допускать вульгаризации дискуссий об Украине и рекомендации для обеих сторон по ведению политически грамотных споров. Действительно, наблюдаемая конфронтация не только носит эмоциональный характер, но также подкрепляется очевидной политической неграмотностью и недостаточной информированностью большинства участников дискуссий. Складывается ощущение, что сегодня каждый (начиная с 10 лет) считает своим гражданским долгом высказаться на тему Украины или хотя бы делать регулярные «репосты».

Сегодня даже появился термин, характеризующий эту ситуацию: *слактивизм* (от англ. «sluck» – лентяй и «activism» – активизм) – форма проявления активности в Сети, не требующая от участника особых усилий, но позволяющая ощутить причастность к совершающимся переменам в обществе. Любой интернет-пользователь таким образом может виртуально радеть за решение тех или иных социальных проблем, совершая при этом минимальные действия (по большей части, это «лайки» и «репост»). «В России даже возник специфический словарь слактивиста, который шаблонно возмущается политическим режимом, картинно поражается его трусостью и требует от соратников максимального репоста» [7. С. 24]. Но как только проходит основной накал страстей и обсуждаемая проблема требует решения в реальном времени и пространстве, слактивист находит другую нишу для применения своей решительности.

Мы могли бы предположить, что эффективная публичная дискуссия в современных медиа не реализуется вовсе. Но так ли это? Ситуация неопределенности в отношении общественного дискурса характеризует не только российское медийное пространство – если мы обратимся к опыту исследования зарубежной журналистики или проанализируем трансмедийные форматы, реализуемые в мировом масштабе, то увидим похожие тенденции: системный кризис старых, классических «жанров» публичной дискуссии и, наряду с множественностью смыслов и не до конца осознанными возможностями медиасреды, общее ощущение нестабильности в отношении публичной позиции, которую может занять индивид.

Если понимать под публичной сферой некий социальный институт или же единое пространство обмена смыслами, то можно сделать однозначный вывод, что современные средства массовой информации не способны сформировать такой институт или поддерживать целостность такого пространства – его границы размываются, как растворяется стол в метафоре, предложенной Х. Арендт для

описания хрупкого конструкта публичного пространства (в терминологии Х. Арендт – «общего мира» [1]): «Ситуация здесь приближается по своей жутковатости к спиритическому сеансу, на котором собравшаяся вокруг стола группа людей внезапно видит, что стол силою какой-то магии исчез из их среды, так что теперь два сидящих друг против друга лица ничем больше не разделены, но и ничем осязаемым больше не соединены» [Там же. С. 69].

Публичность в современных ее проявлениях, действительно, сложно ассоциировать с единым пространством обмена мнениями, так же как невозможно обозначить и объединенную общими переживаниями просвещенную публику. Не случайно поэтому многие исследователи публичности (к примеру, Н. Фрэйзер [11]) склоняются к необходимости употреблять термин «публичная сфера» во множественном числе. Признание множественных публичностей автоматически снимает вопрос о возможности реализации классического концепта публичной сферы в современных медиаформатах и допускает формирование публичного дискурса в рамках отдельных групп. Но что тогда представляет собой, например, какой-нибудь форум – самостоятельную дискуссионную нишу или объединенную общими интересами тусовку? «Одни называют себя либералами, другие социалистами, третьи патриотами. Общение идет в замкнутом кругу единомышленников. Ниши уподобляются лейбницеvским монадам, наглухо изолированным от внешнего мира. Это, кстати, явная дань постмодернизму. Вспомним утверждение Ж.-Ф. Лиотара о том, что в современном мире разные группы людей ведут разные игры на разных языках» [4. С. 109].

И вместе с тем мы можем наблюдать всё возрастающее желание человека принимать участие в интерпретации реальности. При этом, как было уже отмечено выше, желание участия часто предполагает лишь желание присоединения к дискутирующей тусовке: «диагноз российской жизни – это то, что все способны на интересное неформальное общение, тусовку... а вот на создание общественной организации не способны» [10. С. 491].

Кто же сегодня участвует в формировании общественного мнения? Отвечая на этот вопрос, можно отметить, что еще в конце 1920-х гг. У. Липпман писал, что публика – «это фантом, который материализуется только время от времени» (цит. по: [Там же. С. 520]). В отношении современной «публики» сравнение с фантомом более чем эффективно. Мы умеем и хотим общаться, но лишь изредка это *общение* делает нас *обществом*. И это – неизбежное следствие эпохи модернити: если в античный период возможна была дискуссия в условиях непосредственного присутствия ее участников, то с распространением электронных медиа дискретность и плюралистичность коммуникативного процесса окончательно преобразуют публичную дискуссию. Множественность публичных дискурсов в медиапространстве предопределяет новые логики *присутствия*: публичная активность индивида в Сети всегда предполагает наличие *другого*, множества *других*. «В условиях, когда культурная идентичность выстраивается как фрагментированная и сложно организованная, Сеть предлагает архитектуру коммуникаций, которая отвечает этой множественной идентичности, стимулирует и усиливает ее» [3. С. 248].

Ключевая потребность, которой отвечают актуальные форматы публичной активности, – потребность в коллективной идентичности. Разные по политическим интенциям и формам организации процесса обсуждения, сообщества в Рунете сопоставимы с друг другом в аспекте ответа на основной вопрос – «кто мы, россияне?» Это особенно актуально в контексте активной работы идеологов по формированию позитивного имиджа правящей власти в Сети: создание президентского аккаунта в Твиттере, проведение интернет-конференций В. Путина и Д. Медведева, появление целого медиасектора государственных сайтов с «надежным содер-

жанием» [8]. Отчасти в ответ на стремление власти утвердиться в интернет-пространстве, в последнее десятилетие в Рунете усиливается традиционное для российской культуры противопоставление народа и власти: «юзеры пытаются вести диалог (чаще воображаемый, но иногда реальный) с властями, выстраивая в своих текстах отношения оппозиции» [3. С. 250].

Таким образом, можно сказать, что для участников дискуссий публичная сфера сохраняет статус значащей ценности: когда заходит речь, к примеру, о правомерности действий правительства, судьбе страны и т. п., публичная сфера как то, что образует коллективную идентичность говорящих в момент обсуждения, всегда имеется в виду (так же, как всегда имеется в виду потенциальный консенсус в дискуссии). Для индивида это означает возможность иметь критическую позицию в отношении власти и делить ее с другими.

Стоит отметить, что востребованные на сегодняшний день форматы публичной активности, как правило, не претендуют на аргументированное ведение дискуссии – на смену провозглашенной Ю. Хабермасом рациональности публичной дискуссии приходит эмоциональность: «на площадках интернет-дискуссий тривиальное имеет такую же силу, как и социально важное; здесь нет особого статуса у рационального и аргументированного обсуждения, но есть яростные сражения, эмоции уравнены с логикой» [Там же. С. 15–16]. В этом контексте российское медиапространство также отличает склонность к мрачным прогнозам и негативная солидаризация пользователей [Там же. С. 189].

Те формы публичной активности, которые мы сегодня можем наблюдать в российском медийном пространстве, не имеют ничего общего с классической концепцией публичной сферы. Если попытаться применить перечисленные ранее критерии к современным коммуникативным практикам, производящим общественно значимый дискурс, то мы увидим, что не все критерии реализуются: статус публичной сферы меняется в сторону множественности смыслов, соответственно, сложно говорить и об общезначимости; включение в дискуссию не требует наличия особых знаний и осведомленности в происходящем; сохраняются открытость, свобода слова и равноправие; рациональное содержание и аргументативную манеру дискутирования сменяет эмоциональность высказываний; гражданская активность в основном получает выражение в культуре *лайков* и *репостов* (таким образом, вместо активизма имеет место слактивизм); коммуникативные процессы в Сети носят спонтанный и гипертекстуальный характер, так что результат дискуссии оказывается расплывчатым, да он и не является основной целью для коммуникантов. Само по себе участие, или даже причастность к обсуждению, – достаточный повод для продолжения разговора и развития дискуссии.

Однако, несмотря на наблюдаемую топологическую невнятность в организации публичной дискуссии в Сети, интенция к публичности имеет место. Актуальные форматы публичной активности отвечают ключевой потребности – потребности в коллективной идентичности. Сегодня мы можем диагностировать как крах классической модели публичной сферы, так и тенденции возникновения новых ее форматов, реализуемых в интернет-пространстве и выполняющих основную функцию публичной сферы – функцию социального связывания. Следовательно, имеет смысл говорить о необходимости выявления новых критериев публичной сферы, соответствующих актуальным социокультурным обстоятельствам.

Литература

1. Арендт Х. *Vita activa, или о деятельной жизни*. – СПб. : Алетейя, 2000.
2. Вирно П. *Грамматика множества: к анализу форм современной жизни*. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2013.
3. Зверева В. Сетевые разговоры : Культурные коммуникации в Рунете // *Slavica Bergensia*. – 2012. – № 10.
4. Красин Ю. А. Главное – сохранять и расширять публичную сферу // *Публичная политика : сборник статей / под ред. А. Ю. Сунгурова*. – СПб. : Норма, 2004.
5. Куренной В. Новая городская романтика. Политические и культур-социальные аспекты новейшего российского протеста // *Логос*. – 2012. – № 2. – С. 30–45.
6. Кушнарева И. Ко всему приделать лайки // *Логос*. – 2012. – № 2. – С. 3–9.
7. Мартынов К. От slackтивизма к республике // *Логос*. – 2012. – № 2. – С. 19–27.
8. Реут О. Агрессивный астротерфинг // *Русский журнал*. – 2011. – URL: <http://www.russ.ru/pole/Agressivnyj-astrotorfing> (дата обращения: 01.12.2014).
9. Сапрыкин Ю. Котик сдох. Что осталось от фейсбука // *Коммерсант*. – 2012. – № 49. – URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2091797> (дата обращения: 01.12.2014).
10. Хархордин О. В. *От общественного к публичному : колл. монография*. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.
11. Fraser N. *Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy* // *Habermas and the Public Sphere / ed. by C. Calhoun*. – Massachusetts, 1992.

УДК 793:008(470.55)

Полякова Анна Сергеевна

заместитель декана факультета современного танца, аспирант НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: cddguek@gmail.com>

Polyakova Anna Sergeevna

Deputy Dean of Contemporary Dance
Department, Postgraduate Student, Liberal Arts
University – University for Humanities
(Ekaterinburg)

**УРАЛЬСКАЯ КАДРИЛЬ
КАК ЯВЛЕНИЕ ИННОВАЦИЙ
ГОРНОЗАВОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

**THE URALS QUADRILLE
AS AN INNOVATIVE «MINING AND
FACTORY CULTURE» PHENOMENON**

Аннотация

Процесс интенсивного промышленного развития Среднего Урала в XVIII – начале XX в. естественным образом повлиял и на развитие социокультурной жизни общества. Сформировалась так называемая горнозаводская культура – адаптированная к условиям промышленности традиционная русская культура. Специфической чертой этого типа культуры является ее переходный характер: от традиционной народной культуры к культуре индустриального общества. В предлагаемой статье горнозаводская культура рассматривается как культура локальная, сформировавшаяся «в результате переплетения устоявшихся традиций и новаций в ходе процесса европеизации и модернизации России» [1] и явившаяся результатом формирования «локального мира», условно укладываемого в схему «завод – заводчик – мастеровые» [Там же]. Условия закрытости, погружения в особую «культурную преемственность» способствовали созданию определенной атмосферы, где человек приравнивал себя к существующей культурной традиции (в данном случае, к горнозаводской культуре), что способствовало формированию его «уральской идентичности» [6]. В хореографическом искусстве простых людей, являющихся носителями этой горнозаводской культуры, возникают новые, инновационные виды танца, к которым можно отнести уральскую кадрили.

Ключевые слова: горнозаводская культура; локальная культура; уральская идентичность; народное хореографическое искусство; уральская кадрили.

Abstract

The intense industrial development process in the Middle Urals from 18th to early 20th centuries naturally affected the sociocultural life development. So-called «mining and factory culture» emerged, i.e. traditional Russian culture adapted to industrial conditions. The specific feature of this type of culture is its transitional character from the traditional folk culture to the culture of industrial society. The article studies the «mining and factory culture» as the local culture «resulted from a plexus of long-standing traditions and innovations during the Russia's modernization and europeanization process». It stemmed from the «local world» establishment that conventionally can be set out in «factory – a campanologist – artisans» scheme. The closed nature of this culture as well as its specific «cultural continuity» contributed to the particular atmosphere where a man considered himself as a part of the existing cultural tradition (in this case, of the «mining and factory culture») that helped him to create his «Urals identity». Innovative dances, the Urals quadrille among them, appeared in choreographic arts of the common people who bore the «mining and factory culture».

Keywords: «mining and factory culture»; local culture; Urals identity; folk choreographic arts; the Urals quadrille.

Традиционная русская танцевальная культура Урала многообразна и специфична, длительное время она трансформировалась и приобретала свои неповтори-

мые, самобытные черты. Особое место занимает форма кадрили¹. 12 ноября 1944 г. состоялся первый концерт Уральского народного хора русской песни (в зале Свердловской филармонии), где был впервые представлен ряд танцевальных зарисовок на основе традиционного уральского танца, в том числе кадрильная пляска «Шестера» в постановке К. Муллера и «Курганская кадриль». Действительно, та кадриль, что увидел зритель в далеком 1944 году, – сценический продукт, действие, где по законам сцены лексическая основа танца, композиционные приемы профессионализированы, продуманы хореографами. Сохранены главные принципы кадрили – наличие фигур и объявление каждой фигуры, но содержание танца (лексика, темп исполнения, композиция танца) доведены до высокого сценического воплощения. В таком виде традиционная форма кадрили была представлена зрителю уже в форме кадрильной пляски – танца с элементами кадрили и основанного на материале кадрили.

Разумеется, кадриль не сразу была такой, какой знают ее современники. Длительное время она формировалась и приобретала свои отличительные черты в связи с интенсивным развитием горнозаводской культуры Урала в период с XVIII в. и вплоть до начала XX в.; относится данная форма танца к группе фабрично-заводских танцев Уральского региона. Именно кадриль впитала в себя все ценности, смыслы горнозаводской культуры и явилась художественным выражением модернистских трансформаций этого периода.

Активное промышленное развитие Среднего Урала в указанный период привело к возникновению новой экономической и социокультурной среды, маркируемой как «горнозаводской Урал». Для региона это не только важный период исторического развития, время самоопределения Урала, но и формирование своеобразной «локальной», «рабочей» культуры – культуры горнозаводского населения. По мнению С. В. Голиковой, важной в процессе становления так называемой «рабочей культуры» явилась выработка «уральской идентичности» (см. об этом: [4]) в условиях искусственно созданного государством горнозаводского сословия.

На протяжении XVIII – первой половины XIX в. процессы модернизации в социокультурной жизни горнозаводского населения привели к фундаментальным изменениям. Вместе с формированием нового типа личности – «мастеровых людей», с особым типом мышления, образом жизни, иной системой ценностей, традиций и обычаев, произошли «революционные» изменения в музыкальной и танцевальной культуре уральцев. Уже в первой четверти XVIII в. Урал становится центром крупного горнозаводского производства: возводятся металлургические, медеплавильные, чугуноплавильные заводы; развиваются камнерезные и гранильные разработки. Формируется система управления горно-металлургической промышленностью, и регион занимает ведущее место в развитии металлургической промышленности России. Для обеспечения непрерывного процесса производства на Урал съезжаются люди разных сословий и убеждений, увеличивается количество населенных пунктов (при заводах непосредственно возникали заводские поселки, либо к заводу приписывались крестьянские селения (вместе с их жителями)). Именно так называемые «приписные крестьяне» составляли большую часть заводских работников.

Другой категорией рабочих заводов являлись мастеровые и работные люди. Мастеровые выполняли все производственно-технические работы, работные люди, как и приписные крестьяне, трудились на вспомогательных работах и имели требуемые технические навыки (плотники, рудокопы, каменщики и др.). Обнов-

¹ Кадриль (франц. *quadrille*, от исп. *cuadrilla*, буквально – четверка, группа из четырех человек, от лат. *quadrum* – четырехугольник) – бальный танец, популярный с конца XVII в. и до конца XIX в. у многих европейских народов.

лялся состав заводских тружеников за счет перевода работников с других заводов (в основном из центральной России). Как откупленные, так и «вечноотданные» работники не могли по своей воле уйти с завода: заводской труд превратился в обязательное «государево тягло». «Жизнь при заводах, специфический быт стали универсальным объединяющим началом для оказавшихся на Урале людей – потомков переселенцев, имеющих разные исторические корни» [7].

В условиях сложного перехода от привычных, традиционных форм существования, в условиях «доиндустриального» уклада устойчиво проявлялось отношение к «своему» заводу: представление о заводе-защитнике, с его гарантиями на бытовом, социально-экономическом уровне. «Город-завод» как новый тип поселения создавал особый микроклимат и атмосферу, где социальная жизнь людей непосредственно была связана с деятельностью завода (новые смыслы, упорядоченность жизненного уклада, новые («корпоративные») праздники – «день рождения завода», «первая тонна чугуна», «жалование “наградными” кафтанами» и др.). Возникновение локальной «рабочей культуры» было естественно и неизбежно.

В контексте формирования «локальности», обособленности горнозаводской культуры как нового культурного образования значимым явился процесс модернизации – качественных изменений в жизни горнозаводского населения, усвоения новых привычек и правил. Здесь же не стоит забывать и о приспособлении (адаптации) к новым экономическим, социокультурным реалиям, где происходило усвоение новых норм, принятие новых условий жизни и совершалась попытка не только усвоить все новое, но и сохранить предшествующий культурный опыт.

В процессе формирования локальной культуры происходила самоидентификация людей, связанная с возникновением чувства сопричастности к неким традициям, опыту; а также – чувства включенности в определенную среду («я являюсь частью завода»). Идентичность – а в нашем случае «уральская идентичность» – предполагает осознанное приобретение системы представлений, которые разделяются группой людей (в нашем случае – горнозаводского населения), что позволяет человеку считать себя частью этой группы. Базисом «горнозаводской культуры» явилась трансформированная к условиям промышленности русская традиционная культура со свойственными ей формами художественного выражения, к которым относится и танец.

Танцевальная культура явилась ярким, осмысленным художественным воплощением новых реалий в жизни общества. Лексика традиционного русского танца на Урале до XVIII в. опиралась на традиционные танцевальные шаги, в том числе «бужения земли» (перетапывания) и традиционные композиционные построения – «посолонь» (хождение по кругу), своего рода предтечи пляски и хоровода. Заметным явлением было преобладание орнаментальных хороводов, подчиненных календарным и обрядовым праздникам. Именно в них укреплялись способы (модели) общения и взаимоотношений, характерные для традиционного общества: танцуют, исполнители лишь «ходили кругом, рядами», согласуя свой шаг с текстом и ритмом песни, сопровождающей танец. Исполнение орнаментального хоровода отличалось строгостью формы и определенным количеством фигур. Значительное место в движенческой культуре занимала импровизация. С началом XVIII в. танец на Урале обогатился появлением игровых хороводов, в которых можно заметить «танец с рассуждением»: в центр круга выходят парень и девушка и особым соединением жестов и движений разыгрывают текст песни. В основном, игровые хороводы исполнялись на свадьбу и посвящены были таким действиям, как выбор невесты, приезд жениха в дом невесты, величание невесты и ее приданого, проводы невесты в дом жениха. Именно здесь, в свадебных хороводах, появляются предвестники парного танца на Урале – лихой пляски, замысловатой кадрили и пр. Пока еще этот танец нельзя назвать парным, скорее это танец в па-

ре, где девушка танцует против юноши (отсутствуют непосредственные положения танцующих в паре).

Изменениям в народном хореографическом искусстве сопутствовали и способствовали изменения в музыкальном исполнительстве и облике городской одежды. Облик уральской женщины: сарафанный комплекс вытеснен новым видом одежды – «парочкой» (длинная юбка и кофта навывпуск). Головной убор также подвергся изменениям: на смену повязкам и венцам с лентами у девушек, кокошников и повойников у замужних женщин пришли шали, платки, косынки, которые иногда, по привычке, носили поверх кокошника.

В мужском костюме на смену туникообразным рубахам и штанам с широким шагом пришли рубахи из ситца и кумача, штаны плисовые и суконные. Неизменными остаются овчинные шубы и полшубки, прямые и приталенные. Подверглась изменениям и «мода» на обувь. На смену лаптям из лыка и бересты пришла покупная нарядная обувь из кожи, что являлось проявлением достатка и обеспеченности: сапоги у мужчин и полусапожки у женщин с высокими каблуками (необходимое условие для исполнения лихой пляски).

В музыкальной культуре уральцев также происходили некоторые преобразования. Так, песня сопровождала человека во всех его делах: на посиделках, на работе, в застолье. Гармонь, а с ней и гармонисты появилась в культуре только во второй половине XIX века. С этого момента берет свое начало такой песенный жанр, как частушка (первоначально в деревне, а затем уже и в городской культуре): короткие, но емкие по содержанию задорные куплеты органично влились в русскую пляску. Балалайка появилась уже только в начале XX века и в основном служила аккомпанементом хороводов. Можно допустить, что в одних поселениях более распространен был песенный тип танца, а в других – инструментальный. Взаимосвязано это с особенностями заселения Урала, и в том числе Свердловской области (с 1781-го по 1923 г. – Екатеринбургского уезда Пермской губернии). В горнозаводских поселках хороводно-игровая традиция утрачивалась интенсивнее, наиболее развивалась инструментальная культура. В старообрядческих поселениях, напротив, дольше сохранялась песенная традиция.

Уральская кадриль, которая появляется только во второй половине XIX в., хотя некоторые особенности ее формируются много ранее в игровых хороводах, – представляет собой ключевую форму хореографического самовыражения представителей горнозаводской культуры.

Первоначально кадриль – это танец английских крестьян «контрданс» (в пер. с англ. – сельский танец), появившийся в качестве салонного танца в Англии XVII века. Его первоисточником явились деревенские народные танцы. По мнению Карло Блазиса, контрданс «есть не что иное, как известные куплеты танца, повторяемые несколько раз; в этом танце могут участвовать все особы, составляющие собрание» [3. С. 314]. В отличие от салонных танцев того времени (павана, менуэт и пр.), исполняемых ограниченным количеством пар, в контрдансе могли принимать участие все желающие. По своему танцевальному содержанию и темпу контрдансы были увлекательнее и подвижнее, чем завоевали интерес людей на протяжении двух веков. Разновидностью контрданса явилась кадриль – танец, который исполнялся всегда по парам; состоял из нескольких фраз (фигур², куплетов), которые, в свою очередь, последовательно повторялись то одной, то другой линией танцующих. Наибольшей популярностью в светском обществе пользовалась французская кадриль, которая исполнялась четырьмя или восемью парами, построенными в каре; состояла из пяти фигур. Танцевальная техника исполнения

² Фигура в танце – часть танца, сочетание нескольких танцевальных шагов (движений), связанных между собой и расположенных на известное количество тактов музыки.

и танцевальные движения французской кадрили с течением времени были доведены до совершенства и приобрели свою законченную, каноническую форму.

В России кадрили стала популярной, как танец салонный, уже в XIX веке. Исполняли его русские дворяне на балах, а крепостные слуги внимательно наблюдали за их танцем, запоминая все нюансы танцевания. Уже переосмысленный танец они изучали со своими односельчанами, внося в него свой темперамент, манеру. Фигурами кадрили чаще всего становились родные танцы той местности и, вместо пяти изначальных фигур французской кадрили, кадрили русская насчитывала от десяти до двадцати фигур. В отличие от салонной кадрили, русская кадрили, благодаря народной фантазии и образному восприятию, развилась в особую форму танца, со своими названиями, правилами исполнения и пр.

С распространением кадрили в горнозаводской среде композиция танца обогатилась, появились новые фигуры, иными стали характер движений и манера их исполнения. Простые люди как носители культуры привнесли в исполнение кадрили много специфических региональных особенностей, приблизив этот танец к своей жизни, наполнив танец свободой, легкостью восприятия. Названия кадрили происходили от той местности, где она исполнялась («Байновская»), или от принципа композиционного построения (квадратная (угловая), линейная (двухрядная), круговая или смешанная), или от количества фигур («Семера»), или от содержания («Узелок с задумкой»). Фигуры кадрили тоже имели свои названия и чаще всего происходили: от характера исполнения («Задорная»), от композиционного построения («Уголочки»), от названия песен, под которые исполнялись («Я на горку шла»), от содержания («Прощальная»). Отличительным моментом уральской кадрили является значимая роль ведущего (распорядителя): он должен был определенными знаками (удар в бубен, кивок головы, хлопок в ладоши) или объявлением (по номеру фигуры «Фигура перва», или по названию фигуры «Поцелуйчики») дать танцующим команду к началу танца. Сам танец стал местом творчества, импровизации, проявления мастерства и техники исполнения.

На Урале кадрили меняет «среду бытования» и становится выражением новых отношений в быту и на производстве. Из салона «переходит» в избу (так называемый «избовой» танец). Парни и девушки, собравшись в избе, плясали не все сразу, а группами, насколько хватало помещения. Позже, с появлением клубов, кадрили обосновалась там и, кроме того, сохранялась старинная традиция танцевать кадрили и на большем, открытом природном пространстве (на берегу реки и т. д.). Но, возможно, потому, что погодные условия Урала больше располагали к интерьерному исполнению, закрепились форма кадрили для небольших групп, т. е. от 4 до 6 пар. По некоторым записям можно утверждать, что когда исполнялась кадрили, танцующие вставали пара против пары, или две пары против двух; а если желающих танцевать было много – вставали крест-накрест. Это описание принципиально важно, так как в сложившейся атмосфере горнозаводского единства, чувства сопричастности, «растворения» в заводской среде стирались традиционные взгляды на общение между мужчинами и женщинами. Народный танец становится парным.

Так, перед началом танца юноши, каждый по-своему, кто как умел, приглашали девушек: «Мужчина поклонился, берет за руку, выводит», или «Пойдем, сыграем кадрили!», или «Пойдемте плясать!» – «Пожалуйста!» – парень наклоняется, протягивает правую руку» и др. Более свободное общение между юношами и девушками, взаимный интерес и открытость зафиксированы в основных положениях рук в паре, свойственных только уральскому танцу, вот некоторые из них: положение рук «свечка» – когда исполнители стоят лицом друг к другу, соединив согнутые в локтях правые руки; положение рук «под крендель» – когда исполнители стоят правым боком друг к другу, правые руки согнуты «под крендель», ле-

вые руки подняты вверх; «за косынку» – когда юноша держится за концы косынки, «обхватывает» девушку, не касаясь ее, и многое др. Для более свободного общения молодежи во время танца, в уральских кадрилих была незаменимая фигура «Гулянье». Это импровизационная часть – данная фигура может исполняться в любом месте кадрили. По знаку распорядителя все танцующие чаще всего простым или переменным шагом начинали свободно передвигаться и подыскивать себе новую пару. И уже после, определившись, начинали кружение в паре, чаще всего по часовой стрелке: юноша правой рукой держал девушку за талию, а левой поддерживал ей правый локоть; обе руки девушки лежали на плечах юноши. Неизменной честью уральской кадрили является фигура «Бараба» или «Барабушка» (разг.) – общая часть, где танцующие двигались по кругу: девушки по часовой стрелке, юноши дробя ногами – против, перехватываясь руками (в народе – «Здоровкались»), обходя идущего партнера то справа, то слева, пока каждая пара вновь не соединялась. Данная фигура имела значение не только в формировании коммуникативных навыков у молодежи – в танце культивировались открытость, взаимопонимание, уважение друг к другу, – но и как проявление осознанного принятия поведенческих механизмов, свойственных горнозаводскому социуму.

Особенности лексики горнозаводской кадрили во многом определялись стремлением имитировать и зафиксировать фрагменты заводских технологических процессов. К новаторским, модернистским движениям уральского танца, основанным на «производственном» принципе, можно отнести движения ногами: «молоточки»; шаркающий шаг (возник с появлением обуви на каблуках); «моталочка» с захлестом и «маятник»; «стукалка» – отбивание одинарных ударов одной ногой; «гармошка» и другие.

Принципы композиционного построения уральской кадрили также подверглись переосмыслению с точки зрения производственной деятельности горнозаводского сословия. До появления кадрили танцевальный опыт уральцев был несколько однообразен: своеобразный «танец-топтание», чаще всего на месте, или «по ходу солнца» – рисунок танца представлял собой извивающуюся линию, переходящую в полукруг, круг. В кадрили же каждая фигура состояла из постоянно меняющихся рисунков и переходов, начиналась исполнителями со своих мест и заканчивалась также на своих местах. Наибольшее распространение на Урале получили кадрили линейные (двухрядные), квадратные (угловые) и круговые. В линейных (двухрядных) кадрилих, своеобразно выстроившись «улицей» (линиями), пары танцевали: одновременно сходились друг с другом и вновь расходились на свои места, или же одна линия стояла на месте, а другая подходила к ней и отходила на свое место. В квадратных (угловых) кадрилих встречались интересные переходы исполнителей, например: две противоположные пары двигались навстречу друг другу, меняясь местами, в тот момент оставшиеся две пары или стояли на месте, припевая куплеты, или кружились; или две противоположные пары сходились в центре, юноша одной пары передавал свою девушку другому юноше, сам при этом, оставшись один, танцевал перед ними, доказывая свою состоятельность. Появились такие рисунки танца, как «Прочес», напоминавший движение заводских станков и механизмов; «Восьмерка» – танцующие образуют два круга рядом, которые в дальнейшем «переливаются» один в другой; «Круг в круге» – рисунок танца, напоминающий движение шестеренки, и ряд других.

Исполнителей танца увлекала замысловатая форма кадрили и бесхитростное, живое взаимодействие партнеров; им нравились разнообразные переходы и кружения со своими и чужими (стоящими напротив) парнями и девушками. Танец явился отдушиной в трудной повседневной жизни горнозаводского сословия.

Специфичное понимание горнозаводской культуры как локальной культуры позволяет рассматривать ее как сложный процесс переосмысления способов са-

мвыражения. Подводя итоги, необходимо отметить: горнозаводская культура Урала, активно формировавшаяся с конца XVIII в., явилась результатом и одним из ранних примеров воздействия на общество модернизационных процессов, меняющих традиционный уклад жизни населения. Народное хореографическое искусство как одна из художественных форм отражения жизни и коммуникации людей «фиксирует» эти изменения появлением новых видов танца. Вместе с новой лексикой и композиционными приемами, при их посредстве, народный танец осваивает и презентует новые формы отношений между людьми. Кадриль как важнейший жанр нового танцевального «обихода», как вид осмысленного и содержательного заполнения досуга, как способ не только невербального общения, но и развития отношений, на определенное время становится способом самовыражения и новой поведенческой моделью для людей (в первую очередь молодых) в контексте горнозаводской культуры.

Литература

1. Алеврас Н. Н. Локальная культура горнозаводского населения дореволюционного Урала в контексте исторических свидетельств и фольклорных произведений // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 20 (274).
2. Баглай В. Е. Этническая хореография народов мира : учеб. пособие. – Ростов н/Д : Феникс, 2007.
3. Блазис К. Танцы вообще. Балетные знаменитости и национальные танцы. – 2-е изд., испр. – СПб. : Лань : Планета музыки, 2008.
4. Голикова С. В. Культура горнозаводского населения Урала XVIII–XIX вв.: жизнеобеспечение, ритуалы, религиозные верования» : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Екатеринбург, 2005.
5. История Урала с древнейших времен до конца XIX века / под ред. акад. Б. В. Личмана. – 2-е изд. – Екатеринбург : СВ-96, 2002.
6. Коробков Ю. Д. Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала, вторая половина XIX – начало XX в. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. – Челябинск, 2003.
7. Мурзина И. Я., Мурзин А. Художественная культура Урала с древнейших времен до конца XX века [Электронный ресурс]. – Екатеринбург : Форум-книга, 2008.

УДК 677

Филинкова Тамара Александровна

студентка 4 курса ф-та конструирования и моделирования одежды, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)

Filinkova Tamara Aleksandrovna

Student, Fashion Design Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Лаврова Людмила Борисовна

доцент кафедры конструирования и дизайна одежды, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)

Lavrova Lyudmila Borisovna

Associate Professor at Clothes Design Chair, Liberal Arts University – University or Humanities (Ekaterinburg)

**ТРАДИЦИОННАЯ ЯПОНСКАЯ
ТЕХНИКА ОКРАШИВАНИЯ
ТКАНЕЙ «СИБОРИ» КАК
ТВОРЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПРИ
ПРОЕКТИРОВАНИИ КРЕАТИВНОЙ
КОЛЛЕКЦИИ МОДЕЛЕЙ ОДЕЖДЫ**

**TRADITIONAL JAPANESE
«SIBORI» FABRIC DYEING
TECHNIQUE AS THE CREATIVE
SOURCE FOR DESIGNING
A CREATIVE CLOTHS
COLLECTION**

Аннотация

В статье исследуется процесс окрашивания ткани в традиционной японской технике «сибори». Дана историческая справка. В ходе исследования рассмотрена история техники, раскрыта специфика различных приемов окрашивания, а также применяемых материалов и инструментов. Результаты исследования применены на практике при проектировании творческой коллекции моделей одежды.

Ключевые слова: творческий источник; узелковый батик; техника «сибори»; «tie-dye» – психоделический рисунок в виде спирали; японский сад камней Рюан-дзи; краситель индиго; тенденции моды; разработка творческой коллекции.

Abstract

The article explores the fabric dyeing process in the traditional Japanese «sibori» fabric dyeing technique. The historical survey was presented. In the course of the research the history of the dyeing technique was reviewed, the specific features of different fabric dyeing methods were revealed and the materials and instruments used were described. The results were put into practice for designing a creative cloths collection.

Keywords: creative source; nodular batik; «sibori» fabric dyeing technique; «tie-dye» – a spiral psychedelic drawing; Japanese rock garden Ryōan-ji; indigo dye; fashion trends; designing of creative collection.

В XXI веке, когда модная индустрия может предложить любой рисунок с помощью компьютерной программы, разработанный принт переносится на ткань и доставляется заказчику за 3–4 дня, в дизайне одежды очень большое значение приобретает ручная работа. Ценность моделей возрастает, так как они приобретают эксклюзивность, а дизайнер, владеющий традиционной техникой исполнения, имеющей древние истоки, становится носителем очень ценной информации, и одной из его задач становится сохранение и передача мастерства следующим поколениям.

Ручная роспись тканей является разновидностью художественного текстиля, который, в свою очередь, представляет немаловажный раздел декоративно-прикладного искусства. Этот вид прикладного искусства имеет глубокие народные корни и традиции, дошедшие до наших дней. Искусство украшать ткани пришло к нам из глубины веков, а крашение и набойка тканей являются одним из самых давних ремесел. Родиной их считают Китай и Индию, где еще примерно за

4 тыс. лет до нашей эры применяли для этого природные красители растительного и животного происхождения [3]. Позднее технологии окрашивания тканей и отчасти формирование традиционного костюма были завезены в Японию.

Японский костюм сложился на основе заимствованных форм, однако в процессе его дальнейшего развития появилась самобытная культура японской одежды, включавшая систему государственных кодексов, комплекс народных верований и эстетических взглядов.

Изначально примитивные формы и конструкция одежды были далеки от современных. В процессе развития японский костюм испытал влияние многих факторов: климата, местных традиций и иностранных влияний, технических новшеств и быта. Благодаря контактам с соседними странами – Кореей, Китаем, Индонезией, в Японии появились новые ткани и виды одежды. Заимствования стали базой для творчества жителей японских островов: никогда не оставаясь в первозданном виде, они изменялись и затем входили в традицию. Огромный пласт материковой культуры, перенесенный в Японию, трансформировался под влиянием древних японских традиций и эстетических представлений. В результате этого синтеза родилась своеобразная национальная культура японского костюма.

В период Дзэмон и Яей в основном развивались технологии получения сырья для ткачества и окрашивания готовых тканей. Большинство технологических процессов были завезены из Южной и Восточной Азии. Плетение, вязание и отбеливание заимствованы с островов Тихого океана, а контакты с Китаем дали Японии ткацкий станок с челноком. Спецификой тканей полотняного переплетения объясняется появление кроя по прямым линиям, который оставался неизменным на протяжении всей истории японского костюма, вплоть до середины XX века.

Прямой крой стал первой из основ традиционной японского костюма и отчасти обусловил появление многослойности в одежде, внесенной в мировую моду японскими дизайнерами (Кензо Такада, Иссей Мияке, Йоджи Ямамото, Рэй Кавакубо и др.) в 70–80-х годах XX века.

Что касается технологий окрашивания тканей, то они появились в основном на Японских островах. Окрашивание тканей выполняло не столько декоративную функцию, сколько охранительную. В качестве красителей использовали лекарственные растения, которые наделялись магическими свойствами, поэтому полученный из них цвет приобретал особое значение.

Узелковый батик является одним из самых древних способов окрашивания ткани. Дословно с японского «shibogu» означает «скручивать, сжимать, сдавливать». Техника, насчитывающая многовековую историю, имеет и другие названия: «plangi» (собирающие и завязывающие) в Малазии и Индонезии, «tritik» (стежка и стягивание) в Африке, «bandhana» (узелковый батик) в Индии, а также многие другие. Вероятно, традиция резервации отдельных участков ткани перед погружением ее в раствор с красителем была заимствована из Китая (техника «кокэти»), в Японии же ее появление относят к VI–VIII вв.

Позднее появляется термин «санкэчи», который переводится как «три способа украшения ткани». В одном слове собраны все известные на тот момент технологии получения узора на полотне:

- «рокэчи» – «восковое окрашивание». Аналог современного горячего батика;
- «кекэчи» – «окрашивание складыванием», когда краска наносится на ткань по трафарету;
- «кокэчи» – самый древний способ, при котором участки полотна, которые должны были остаться незакрашенными, защищались с помощью намотанных ниток.

В VIII в. традиционный костюм императорского двора состоял из многослойных одежд и каждая ткань была окрашена в определенный цвет. Помимо окрашивания, ткани богато украшались вышивкой. Простолюдины же использовали для

окрашивания конопляную и хлопчатобумажную материю. Однако они все больше совершенствовали технику окрашивания и научились создавать разнообразные тонкие узоры, которые имитировали вышивку гладью. Такие орнаменты не уступали по своей красоте нарядам высших сословий, а времени на изготовление требовали значительно меньше. Постепенно появился метод «тсуджигихана». До сих пор неизвестно, кто именно и когда изобрел этот способ. Однако мы знаем, что к XV веку это был один из основных способов украшения тканей, особенно для ко-содэ (то, что мы обычно называем «кимоно») – главной детали одежды самурайской знати. Ткань в этой технике окрашивалась довольно просто: участки полотна защищали от краски листьями или обертками молодых побегов бамбука, в результате получались равномерные, регулярно чередующиеся неокрашенные фрагменты, а потом ткань расписывали красками в свободной технике [1].

В начале XVII в. на тракте Токайдо, связывающем Эдо и Киото, существовало поселение Аримацу. Его жители наладили производство небольших полотенец «тэнугуи», окрашенных в узелковой технике «сибори». Оно стало настолько прибыльным, что деревня процветает до сих пор. Для получения узоров мастера плотно натягивали ткань на деревянный колышек, а затем туго обматывали его нитью. Таким образом они работают по сей день. Считается, что легкое кимоно «юката» с узорами «сибори» и крупный орнамент, обычно расположенный на одном плече, произошли именно из Аримацу [4].

К XIX в. производство окрашенных тканей в технике «сибори» начало сокращаться. В Японии происходили серьезные изменения, а мастера сибори из-за большой конкуренции друг с другом оказались на грани экономического кризиса. Однако один из мастеров придумал новый способ окрашивания ткани – «сирокагэ» – «белая тень» – более известный как «араси-сибори», или «буря, шторм». Белую ткань с плотно заложеными складками наматывали на бамбуковый шест, а затем опускали в чан с индиго. Несмотря на то что для «араси-сибори» часто было необходимо два мастера, из-за чего процесс окрашивания становился дороже, он все равно оказался экономически более выгодным, так как требовал меньших затрат труда [2].

До 1937 г. окрашенные ткани активно экспортировались. Однако в послевоенные годы изменился уклад жизни в Японии. Женщины стали одеваться по-западному, традиционные костюмы использовались только для официальных мероприятий. Искусство окрашивания тканей оказалось под угрозой. Но в моде дизайнеры часто обращаются за вдохновением к традиционным техникам.

В Европе 70–80-х гг. возрождается интерес к Востоку, небывалую популярность обретает окрашивание «tie-dye», с помощью которого можно получить психоделический рисунок в виде спирали, столь любимый у движения хиппи. По всему миру художники по ткани и модельеры экспериментируют с техниками, а созданные ткани используют для коллекций. Высокий интерес к «сибори» подтверждает, что техника содержит в себе огромный потенциал и до сих пор жива как искусство, несмотря на свой возраст.

Существует несколько наиболее популярных способов работы с тканью и красителем в технике «сибори». Из комбинации двух основных видов – узелкового и способа стежки – создаются неповторимые орнаменты.

Узелковые техники «сибори» предполагают создание узора на ткани с помощью стягивания ее отдельных участков нитью. Благодаря плотной обвязке краситель из раствора не проникает под обмотанные участки, поэтому они остаются неокрашенными.

- «Нэ-маки»: мотивы из колец, создаются с помощью обвязывания нитью отдельных точек на ткани, внешний вид кольца зависит от плотности и ширины обмотки;

- «хонэусомб» («медовые соты»): жгут из ткани стягивают в кольцо, благодаря чему получается орнамент, напоминающий соты, а также градиентная окраска материала.

В стеганой технике создание орнамента происходит благодаря предварительному прошиванию ткани наметочным швом (шов «вперед иголку»).

- «Мокумэ» (древесная фактура): параллельные линии стежки, нити которой стягиваются, дают интересный рисунок, напоминающий кору дерева;

- «карамацу» («японский жаворонок»): орнамент состоит из концентрических кругов, расположенных в шахматном порядке, считается, что темные линии, расходящиеся от центра круга, символизируют ветви сосны. Ткань необходимо закладывать в складки и прошивать, затем нити затягиваются;

- «ори-нуй»: с помощью этой техники можно получить различные линии, в виде зубьев, нить необходимо наметать на складку ткани;

- «маки-нуй»: с помощью шва «через край» получают узор «шеvron» (угловая скобка);

Техника «маки-агэ» предполагает сочетание стежки и узлов нитей.

Отдельно стоит отметить знаменитое «араси-сибори», описанное ранее. Существуют два вида расположения полос в этой технике: горизонтальное («хосойто еко кайре») и диагональное («хосойто итидо кайре»). Направление зависит от положения ткани относительно колышка во время намотки.

Также выделяют «тесудзи-сибори» – это гофрирование ткани с последующим ее обвязыванием нитью или закреплением деревянными дощечками. Узор напоминает ветви плакучей ивы. Хотя чаще всего он применяется для создания более графичных орнаментов [1].

Рис. 1. Примеры окрашенных тканей в техниках «нэ-маки», «мокумэ» и «араси-сибори» диагональное (слева направо)

Сочетание этих техник было использовано при создании тканей для творческой коллекции одежды «Сибори», источником вдохновения для которой послужил японский сад камней Реандзи. Известен он тем, что в нем расположено пятнадцать камней, но на самом деле замечаешь лишь четырнадцать. Пятнадцатого камня перед глазами нет, его загораживают соседние. Делаешь шаг по деревянной галерее, расположенной вдоль края песчаного прямоугольника, и снова четырнадцать камней. Пятнадцатый – тот, что до сих пор был сокрыт и теперь появился, но исчез другой камень. Еще один шаг, и гениально спланированный хаос предстает в иной композиции, состоящей из пятнадцати камней, из которых один всегда остается невидимым. Это математически организованное человеком пространство, которое как будто бы создано природой, учит монаха искать то, что сокрыто, видеть то, чего не видят другие, понимать, что всегда есть что-то спрятанное от глаз, не лежащее просто так на поверхности [5].

Коллекция посвящена медитации в прохладе тенистой деревянной галереи сада камней. Она об умиротворении, свободе от посторонних мыслей и внутреннем

покое. Для нее были созданы свободные силуэты, а рисунок для тканей продиктовали особые бороздки, которые создаются на песке вокруг главных камней сада.

Творческий источник и стилевое направление являются основой формирования креативной коллекции «Сибори». Прослеживается влияние Востока (Япония) во взаимосвязи конструкции, формы и декора. Традиционно для «сибори» применен краситель индиго, он и продиктовал главный цвет для коллекции. Помимо глубоких синих оттенков, в коллекции можно увидеть голубой, белый, серебряный и черный. Цветовая гамма отвечает тенденциям сезона весна–лето 2015, а также отсылает зрителя к источнику вдохновения дизайнера – саду камней с его серо-голубыми оттенками.

*Рис. 2. Творческая коллекция «Сибори»
(автор Т. А. Филинкова, конкурс молодых дизайнеров факультета конструирования
и моделирования одежды «Креатив-2015»)*

В результате проведенного исследования были изучены различные приемы окрашивания ткани в технике «сибори» и проверены на практике, а созданная коллекция одежды, отвечающая тенденциям моды, доказывает актуальность данной техники в современной моде и искусстве. Вещь, созданная вручную, способна поражать своей красотой, она всегда ценится выше во многом за те трепетные чувства, которые вызывает у ее обладателя. Наверное, пока эти чувства не иссякнут, интерес к техникам, подобным «сибори», не пропадет.

Литература

1. Японский батик: техника сибори : пер. с англ. – М. : Ниола-Пресс, 2010.
2. Горюшкина Н. История рукоделий: сибори – батик по-японски! // Osinka.ru: мода, шитье, рукоделие : [сайт]. – URL: <http://www.osinka.ru/Sewing/Dekor/About/Sibori.html>
3. Соболева Е. И. Узелковая окраска тканей : метод. разработка урока в рамках реализации комплексной модифицированной дополнительной образовательной программы по предмету «Художественный текстиль» для учащихся художественной школы второго года обучения. – URL: <http://nsportal.ru/shkola/izobrazitelnoe-iskusstvo/library/2011/10/13/uzelkova-okraska-tkaney-metodicheskaya>
4. Искусство узелкового окрашивания // Восточный стиль. – 2010. – 26 декабря. – URL: <http://orientstyle.ru/>
5. Цветов В. Я. Пятнадцатый камень сада Реандзи. – М. : Политиздат, 1986.

|| Рецензии

УДК 1(540)

Уймина Юлия Анатольевна

преподаватель английского языка, языковой центр «Консул»; аспирант НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: yulia.uimina@yandex.ru

Uimina Julia Anatol'evna

English teacher, Language center «Consul»; Postgraduate Student, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ
Р. В. ПСХУ «“ВЕДАРТХАСАМГРАХА”
РАМАНУДЖИ И СТАНОВЛЕНИЕ
ВИШИШТА-АДВАЙТА-ВЕДАНТЫ»***

**REVIEW: R. PSFHY «RAMANUJA'S
“VEDARTHASAMGRAHA”
AND BECOMING OF VISHISHTA-
ADVAITA-VEDANTA»**

Аннотация

Монография Р. В. Псху «“Ведартхасамграха” Рамануджи и становление вишишта-адвайта-веданты» – первое исследование философии вишишта-адвайта-веданты в истории российской индологии. В ней автор рассматривает основные принципы этой системы веданты, анализирует научные исследования, посвященные Раманудже, дает адекватный перевод «Гитартхасамграхи» Ямуначарьи и «Ведартхасамграхи» Рамануджи, делает глубокий анализ этих священных текстов вишишта-адвайты. Такие тексты было сложно понять обычным людям из-за обилия в них сложных фраз и предложений, понятий из санскрита, и вот почему ценность этой книги столь велика: она позволяет прочесть и проанализировать ранее закрытые трактаты. Монография интересна не только для исследователей систем веданты, но и для всех, кто интересуется индийской философией.

Ключевые слова: монография; система веданты; вишишта-адвайта; религия и философия Индии; священные тексты.

Abstract

This monography R. Psfhy «Ramanuja's “Vedarthasamgraha” and Becoming of Vishishta-advaita-vedanta» is the first study of Vishishta-advaita-vedanta philosophy in the history of Russian Indology. In this book the author considers the main principles of this system of Vedanta, scrutinizes foreign and native researches of Ramanuja's philosophy, analyses his treatise “Vedarthasamgraha” and makes the adequate translation of Yamunacharya's “Gitarthasamgraha” and Ramanuja's “Vedarthasamgraha”, the sacred texts of vishishta-advaita system. This kind of texts was difficult to understand because of the amount of complicated sentences, phrases, so the ordinary people weren't able to read it. This monography gives us the opportunity to read the forbidden texts, that's why the value of this book is so high. It's good not only for vedantists, but to everyone, who is interested in Indian philosophy.

Keywords: monography; vedanta system; vishishta-advaita; Indian religion; philosophy; sacred texts.

Шри Рамануджа – философ, мыслитель, духовный деятель, индийский религиозный реформатор XII века, один из основателей *вишишта-адвайта-веданты* – учения, интерпретирующего веданту (т. е. упанишады, своего рода «квинтэссенцию Вед», как их называет С. Радхакришнан (1888–1975), индийский философ, общественный и государственный деятель). Рамануджа продолжал и развивал учение своего предшественника Ямуначарьи (X в.), а также был активным проповедником *вишнуизма* (одного из двух главных течений в индуизме наряду с *шиваизмом*), заключающегося в почитании Вишну (одного из трех главных богов индийского пантеона) как верховного бога. «Ведартхасамграха» – краткое изложе-

* Псху Р. В. «Ведартхасамграха» Рамануджи и становление вишишта-адвайта-веданты : монография. – М. : РУДН, 2007.

ние смысла Вед, является одним из наиболее значительных трудов Шри Рамануджачарьи. В нем трактуются основные понятия веданты в соответствии с концепцией *вишишта-адвайты*, решаются традиционные в индуизме проблемы знания и незнания (*видья-авидья*), иллюзорности мира (*майя*), *Брахмана* (Бога), рассматриваются и другие основополагающие понятия индийской мысли, ведется полемика с представителями других школ веданты.

Текст «Ведартхасамграха», важнейшая часть рецензируемой книги, чрезвычайно труден для понимания и перевода. Во-первых, и это отмечает В. К. Шохин в предисловии к монографии, тексты в эпоху Рамануджи (XII в.) специально усложнялись слиянием авторского текста с цитатами, сложными словами и фразами, «вмещающими до десятка обычных предложений», и прочесть и понять их человеку непосвященному было бы чрезвычайно трудно, если вообще возможно. Впрочем, незнание санскрита, священных текстов и их толкований не мешало и не мешает индуистам исповедовать веру своих предков так же, как незнание латыни и Библии – исповедовать католицизм миллионам христиан.

Во-вторых, за века существования текстов Рамануджи было написано множество трудов, дающих различные трактовки сути и основных понятий *вишишта-адвайты*, которые обязан учитывать переводчик. Р. В. Псху оригинально справляется с трудностью учета уже имеющихся толкований переводимых ею текстов. В первой части монографии, состоящей из двух глав, она систематизирует и анализирует научную литературу, посвященную Раманудже и «Ведартхасамграхе» (статьи, монографии, переводы), что не менее важно, чем сам перевод средневекового текста. Поскольку проблематика статей «находит свое логическое завершение в монографии» [С. 25], Р. В. Псху выделяет десять «ключевых» монографий и систематизирует их в соответствии с пятью основными «историографическими периодами»: «Жизнь и учение Рамануджи», «Философия Рамануджи», «Мистичность Рамануджи», «Рамануджа в сопоставлении с другими», «Философия и религия Рамануджи» [С. 30]. Автор выделяет «три базовых этапа», вытекающие из этих пяти периодов, которые отражают специфику исследовательского отношения к Раманудже: «апокрифический», «аналитический» и «синтетический» [С. 32]. Российские исследования автор рассматривает отдельно «с точки зрения структуры, содержания и используемой библиографии» [С. 33]. Анализируя монографии, автор, опираясь на собственные переводы, полемизирует с трактовками воззрений Рамануджи на *карму* (причинно-следственную связь деятельности с законом воздаяния, определяющим судьбу человека в последующих жизнях), на Бога (*Брахман*, *Атман*) и индивидуальную душу (*дживу*).

Во второй главе анализируется текст Рамануджи «Ведартхасамграха»; *вишишта-адвайта* сравнивается с другими философскими системами: *адвайтой*, *мимамсой*, школой *Прабхакары* и *бхеда-абхеда-вадой*. Автор рассматривает, как трактуются в этих системах основополагающие термины Веданты: *Брахман* (Божественность), *джива* (душа), *карма*, *видья* (знание), *дхарма* (порядок, долг), *мокша* (освобождение) и др.

Так, *мимамса* признает авторитет Вед, считая их вечными и непогрешимыми, отрицает достижение *мокши* (освобождения) целью жизни и существования Богатворца, ее принципами является обрядовость, отрицание аскетизма и мистики. *Дхарма* рассматривается в ней как обязательное исполнение набора определенных ритуалов: «Если *мимамса* ставила акцент на предписаниях, или *виддхи*, то Рамануджа – на разъяснениях, или *артхавадах*» [С. 66]. *Школа Прабхакары* рассматривает значения слов, которые могут быть познаны только в контексте предложения, предписывающего действие, а все «слова Упанишад должны пониматься как то, на основе чего предписывается медитировать или познавать с целью освобождения» [Там же]. Р. В. Псху рассматривает полемику Рамануджи с последовате-

лями Прабхакары как «наиболее интересную часть трактата», характеризующуюся смещением «общей тематики обсуждения от ведантистских проблем соотношения Брахмана, мира и освобождения души к проблемам философии языка и этики» [С. 68].

Бхеда-абхеда-вада (учение о тождествах и различиях) рассматривает *Брахмана* как одновременно существующего в двух аспектах: как трансцендентного миру абсолютно отличного от него, и как имманентного миру и душам, составляющего с ними неразрывное единство. Бхаскара (VIII в.), последователь этого учения, рассматривал вопрос о «реальности мира и соотношении его с Брахманом» [С. 93], спорил с основоположником *адвайта-веданты*, настаивая на реальности мира. Согласно Бхаскаре, «существует Брахман как чистое бытие и знание, и существует Брахман как проявленное следствие, мир», а природа всех вещей сводится к принципу «единство в различии» [С. 98]. Душу (*дживу*) Бхаскара определял как «ограниченного Брахмана». Рамануджа же полагал, что Брахмана, чистого от всех характеристик, не существует; природа *дживы* сводится к ее тождественности с Брахманом и «никакие различия тут недопустимы» [С. 99].

Обычно систему вишишта-адвайты сравнивают с адвайта-ведантой, созданной Амди Шанкарой (788–820), в соответствии с которой Брахман (Божественность) реален, мир есть иллюзия (*майя*), а индивидуальная душа (*джива*) и Брахман – суть одно и то же (*Атман* тождественен *Брахману*). Рамануджа, напротив, считает материальный мир реально существующим, душу индивидуальной и существующей отдельно от божества, трактует Брахмана как «материальную причину мира» [С. 115], принимающего «многочисленные образы» [С. 118]. «В противовес учению Шанкары, – пишет автор, – в системе Рамануджи Брахман создает мир из самого себя и по своей воле через материю не иллюзорно, но реально...»; «Души не тождественны Брахману, но подобны ему в своей вечности и сознательности» [С. 14]; «Он [Брахман] является неотъемлемым принципом, без которого душа и тело существовать не могут» [С. 124]. Автор также отмечает, что система Рамануджи заслуживает изучения не только в сравнении с А. Шанкарой, но и как самостоятельное, оригинальное учение.

Автор обращает внимание на многочисленные цитаты в «Ведартхасамграхе» из священных писаний Индии: упанишад, Бхагавад-Гиты, Рамаены, Махабхараты, Законов Ману и др. и определяет цитирование как основной метод доказательства Рамануджей своих идей, трактующего священные тексты как единственно соответствующие идеям Вишишта-адвайты. Р. В. Псху приводит своеобразную статистику обращений философа к тем или иным источникам. К примеру, наиболее часто цитируемым текстом у Рамануджи является Чхандогья-упанишада (35 обращений), затем Шветашватара-упанишада (26 обращений) и т. д. Автор также отмечает, в связи с каким понятием или идеей Рамануджа обращается к тому или иному тексту: «Реальность мира Рамануджа обосновывает исключительно ссылкой на Чхандогья-упанишаду» [С. 142].

В конце первой части монографии дается сравнительный текстологический анализ трудов Ямуначарьи и Рамануджи («Гитартхасамграха» и «Ведартхасамграха»), выделяются сходные и отличительные черты (терминологический, тематический анализ, основные «пути спасения» Рамануджи и Ямуначарьи). В конце каждого раздела автор резюмирует все сказанное в краткой форме, что значительно облегчает понимание, помогает читателю собрать кусочки мозаики воедино.

Монография Рузаны Владимировны Псху – книга, которая представляет большой интерес не только для тех, кто изучает Вишишта-адвайту и другие системы Веданты, она занимательна для индологов, востоковедов, философов в целом. Данный труд объясняет основные понятия индийской философии (веданты), содержит многочисленные обращения к основным терминам веданты, что не

только облегчает понимание смысла учения Рамануджи, но и знакомит читателя с древними писаниями Индии, истоками этого учения. Доказательность, глубокое понимание и тщательная проработка текстов, трактовка учения Рамануджи с научной точки зрения – отличительные особенности данной книги.

Редакционная коллегия

- Закс Лев Абрамович** – доктор философских наук, профессор, ректор Гуманитарного университета.
- Мясникова Людмила Анатольевна** – доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе Гуманитарного университета.
- Агеносов Александр Васильевич** – кандидат технических наук, доцент, декан факультета компьютерных технологий Гуманитарного университета.
- Балмаева Светлана Дашиевна** – кандидат философских наук, доцент, декан факультета телерадиожурналистики Гуманитарного университета.
- Борисова Ирина Николаевна** – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского и иностранных языков Гуманитарного университета.
- Брандт Галина Андреевна** – доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, профессор Гуманитарного университета.
- Глушкова Светлана Игоревна** – доктор политических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета, заведующая кафедрой прав человека Гуманитарного университета; приглашенный профессор Университета Париж-Запад (Франция).
- Дроздова Алла Владимировна** – кандидат философских наук, доцент, заместитель декана по научной работе факультета социальной психологии, заведующая кафедрой рекламы факультета социальной психологии Гуманитарного университета.
- Зотова Ольга Юрьевна** – доктор психологических наук, доцент, заместитель декана по развитию факультета социальной психологии Гуманитарного университета.
- Зубков Константин Иванович** – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой регионоведения Гуманитарного университета.
- Крутько Инна Сергеевна** – доктор психологических наук, заведующая кафедрой управления персоналом факультета социальной психологии, профессор Гуманитарного университета.
- Мицек Сергей Александрович** – доктор экономических наук, доцент, декан факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета.
- Мицек Елена Борисовна** – доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой менеджмента и маркетинга факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета.
- Перельгина Елена Борисовна** – доктор психологических наук, профессор, декан факультета социальной психологии Гуманитарного университета, член Президиума Российского психологического общества, действительный член Международной академии педагогических наук и Международной академии акмеологических наук.
- Рамзина Снежана Александровна** – кандидат социологических наук, заведующая кафедрой социально-культурного сервиса и туризма Гуманитарного университета.
- Росновская Людмила Валентиновна** – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой конструирования и дизайна одежды Гуманитарного университета.
- Семитко Алексей Павлович** – доктор юридических наук, декан юридического факультета, заведующий кафедрой публичного права, профессор Гуманитарного университета; приглашенный профессор университета Париж-Запад (Франция).
- Семякин Михаил Николаевич** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой частного права Гуманитарного университета; профессор УрГЮА.
- Хмелькова Наталья Владимировна** – кандидат экономических наук, доцент факультета компьютерных технологий, заведующая кафедрой экономики и информатизации факультета компьютерных технологий Гуманитарного университета.

Ямалетдинова Галина Александровна – доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой оздоровительной тренировки и профессионально-прикладной физической подготовки, профессор Гуманитарного университета; профессор Института физической культуры, спорта и молодежной политики (ИФКСиМП) УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина.

Редакционный совет

Алексеев Вениамин Васильевич – доктор исторических наук, профессор, академик РАН.

Аман Ив – профессор факультета славистики Университета Париж-Запад (Нантер, Франция).

Болдыгин Геннадий Васильевич – кандидат философских наук, доцент, консультант ректора по экономическим вопросам, почетный профессор Гуманитарного университета.

Бурбулис Геннадий Эдуардович – кандидат философских наук, проректор Международного университета в Москве, Президент Гуманитарно-политологического центра «Стратегия», почетный профессор Гуманитарного университета (Москва).

Гольнец Сергей Васильевич – академик Российской Академии художеств, профессор, заведующий кафедрой истории искусств УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина, профессор Гуманитарного университета.

Зборовский Гарольд Ефимович – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор Гуманитарного университета, профессор УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина и Сургутского государственного педагогического университета.

Киселева–Кастельс Эмма – исполнительный директор Кафедры ЮНЕСКО по образованию и технологиям для социальных изменений, Universitat Oberta de Catalunya (Барселона, Испания).

Руденко Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института философии и права УрО РАН.

Руткевич Алексей Михайлович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии и декан философского факультета НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева (ИГИТИ) НИУ ВШЭ, заведующий сектором современной западной философии Института философии РАН (г. Москва).

Тарасьев Александр Михайлович – доктор физико-математических наук, старший научный сотрудник Института математики и механики УрО РАН, профессор факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета.

Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»

«Вестник Гуманитарного университета» включен в **Российский индекс научного цитирования** (лицензионный договор № 136-03/2014). Журнал размещается в РИНЦ на сайте Научной электронной библиотеки постатейно (**полные тексты в открытом доступе**).

Журнал принимает к публикации теоретические, научно-методические, научно-практические статьи по следующим наукам:

- **Гуманитарные науки** (исторические науки, филологические науки, языкознание, философские науки, искусствоведение и культурология)
- **Социально-экономические и общественные науки** (экономические науки, психологические науки, педагогические науки, социологические науки, юридические науки, политология)
- **Технические науки** (информатика, технология материалов и изделий текстильной и легкой промышленности)
- **Физико-математические науки** (математика, математическая логика)

К изданию преимущественно принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся. Если статья уже была опубликована (полностью или частично), автор должен сообщить об этом редакции.

Требования к оформлению материалов

- Текстовый редактор Word 2003–2007, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 0,7 см; поля: сверху, снизу – 2 см, слева, справа – 3 см.
- Максимальный объем статьи 40 000 знаков (с пробелами, включая сноски).
- Ссылки на литературу – в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и номера страницы (например, [2. С. 15]), список литературы – в конце статьи.
- Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
- Иллюстративные материалы принимаются только в черно-белых тонах.
- Статье должен быть присвоен код УДК.

ОБЯЗАТЕЛЬНО УКАЖИТЕ СЛЕДУЮЩИЕ СВЕДЕНИЯ:

- **На русском и английском языках** приводятся:
 - **название статьи;**
 - **сведения об авторах:**
фамилия, имя, отчество **полностью;**
ученая степень, ученое звание, должность,
место работы – **полное название организации;**
контактная информация: адрес электронной почты (*укажите, согласны ли Вы опубликовать его*), телефон;
 - **аннотация** (5–10 строк);
 - **ключевые слова** (5–6 слов или словосочетаний).

Журнал рецензируемый. Обязательна рецензия на статью специалиста по данной отрасли знания, **для магистрантов, аспирантов** – отзыв научного руководителя и внешняя рецензия.

Рецензии заверяются подписью и печатью организации и высылаются в адрес редакции (возможен отсканированный вариант – по электронной почте).

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

Публикации бесплатные. Авторский гонорар не выплачивается.

Статьи направляются на электронный адрес редакции ektbriogu@mail.ru с указанием в теме письма «Вестник ГУ, область наук», например «Вестник ГУ, психология». При успешном рецензировании редакция высылает автору ответ о приеме статьи в определенный номер журнала.

Редакция оставляет за собой право не публиковать статью или рекомендовать ее доработку с учетом замечаний. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Периодичность издания – 4 номера в год: апрель, июль, октябрь, декабрь.

Сроки представления материалов к публикации:

№ 1 (апрель) – до 15 марта

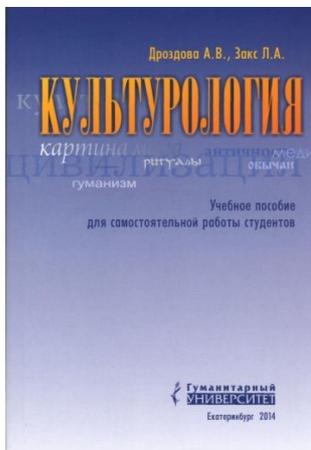
№ 2 (июль) – до 15 мая

№ 3 (октябрь) – до 15 сентября

№ 4 (декабрь) – до 15 ноября

Адрес редакции: г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207,
тел. (343) 365-99-73.

**Приглашаем Вас опубликовать свои работы
в «Вестнике Гуманитарного университета»!**

Дроздова А. В., Закс Л. А.

Культурология. Учебное пособие для самостоятельной работы студентов / А. В. Дроздова, Л. А. Закс. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2014. – 634 с.

ISBN 978-5-7741-0216-7

Настоящее издание дает представление об основных направлениях, школах и понятиях культурологии. В учебном пособии показана эволюция культурных идей и взаимодействие разных концепций культуры, рассматриваются проблемы современной культуры, ее актуальные формы и социокультурные практики в эпоху информационного общества.

В издание включены необходимые методические рекомендации, которые позволят студентам самостоятельно познакомиться с наиболее яркими работами культурологической классики и текстами современных авторов, а также помогут углубленному изучению дисциплины.

Издание является существенным дополнением к курсу лекций и учебникам, рекомендовано для подготовки студентов всех специальностей, аспирантов и магистрантов.

Границы искусства и территории культуры : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина : Гуманитарный университет, 2013. – 261 с.

ISBN 978-5-7741-0220-4

Авторы статей – философы и культурологи продолжают исследование специфики современной художественности, начатое в сборнике «Онтология искусства» 2005 года. В настоящем сборнике представлен итог работы серии теоретических семинаров, в центре которых традиционно центральная проблема философской эстетики – природа искусства – исследуется сквозь призму концепта «границы». Идея подобного подхода принадлежит известному российскому эстетике А. Ф. Еремееву. В книге обобщаются методологические поиски внутренних границ искусства: показана неисчерпаемость классической парадигмы философии искусства, а также предлагаются к обсуждению новые концепции на базе освоения опыта современной западной и отечественной философии искусства, осмысливается трансформация художественной онтологии под влиянием новых культурных феноменов постиндустриального общества: электронных медиа, компьютерных игр, рекламы. Сборник адресован исследователям искусства и культуры (эстетикам, искусствоведам, филологам), преподавателям и студентам, всем, кто интересуется искусством, его сложным «устройством» и существованием.

Хмелькова Н. В.

Теоретико-методологические основы ко-брендинга : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 294 с.

ISBN 978-5-7741-0217-4

В монографии предложен авторский взгляд на формирование теоретико-методологических подходов, позволяющих совершенствовать маркетинговые взаимодействия организаций в рамках ко-брендинговых стратегических маркетинговых альянсов.

Структура работы обусловлена стремлением автора раскрыть теоретические аспекты, методологию формирования и реализации ко-брендинга с междисциплинарных позиций и на основе системного подхода. В первых главах монографии дано теоретико-методологическое обоснование предпосылок возникновения ко-брендинговых стратегических маркетинговых альянсов, предлагаются направления совершенствования теории объединения брендов, методология, алгоритм и инструментарий ко-брендинга и организационно-экономический механизм его реализации. В заключительной главе работы определены современные направления реализации ко-брендинга в России и мире, представлены результаты апробации предложенных автором теоретико-методологических подходов в условиях международных и российских ко-брендинговых альянсов.

Монография адресована руководителям коммерческих и некоммерческих организаций, бренд-менеджерам, преподавателям, аспирантам, студентам и всем интересующимся последними тенденциями в теории и практике маркетинга и брендинга.

Ямалетдинова Г. А.

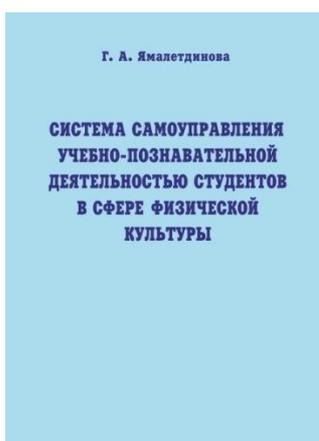
Система самоуправления учебно-познавательной деятельностью студентов в сфере физической культуры : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2013. – 278 с.

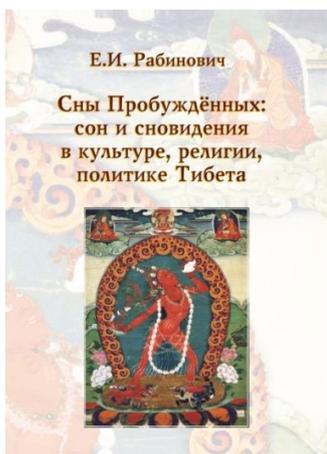
ISBN 978-5-7741-0218-1

В монографии раскрывается сущность и специфика самоуправления учебно-познавательной деятельностью студента вуза с использованием средств физической культуры и возможностей модульно-проектных технологий.

Рассмотрены структура и содержание комплекса условий (организационно-функциональных, процессуально-содержательных, управленческих и информационных) повышения эффективности процессов самоуправления учебно-познавательной деятельностью для проектирования личностных программ здорового стиля жизни и управление ими.

Монография носит теоретико-методологический и эмпирический характер и предназначена для специалистов сферы физической культуры, преподавателей вузов, аспирантов и студентов вузов.

Рабинович Е. И.

Сны Пробужденных: сон и сновидения в культуре, религии, политике Тибета : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 200 с.

ISBN 978-5-7741-0196-2

Монография посвящена исследованию сна и сновидений как культурного феномена. Выявляются происхождение и эволюция представлений о сакральной природе сновидений в традиционных сообществах. Теоретические положения применяются автором к исследованию культурной модели сновидений в Тибете. Представлена и специфика культуры сновидений монгольских народов, исповедующих буддизм.

Читатель узнает, как из пространства снов индийских и тибетских святых возникали религиозные тексты, священные танцы, иконография божеств, актуальные политические модели. Познакомится с магическими практиками обретения пророческих сновидений, снами в тибетских житиях, явлениями божеств и кладами, извлеченными из мира снов. Увидит, как сновидения становились источником религиозных реформ и орудием политической борьбы.

Книга может быть полезна преподавателям и студентам гуманитарных факультетов – культурологам, религиоведам, востоковедам, историкам. Она адресована и широкому кругу читателей, интересующихся буддизмом Центральной Азии и иррациональными аспектами культуры в целом.

Полиевский С. А., Ямалетдинова Г. А.

Безопасность адекватного питания спортсменов и туристов : учебное пособие. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 172 с.

ISBN 978-5-7741-0189-4

Авторы пособия рассматривают питание как важнейший фактор адаптации организма спортсменов и туристов к физическим нагрузкам.

Гигиеническая и экологическая адекватность питания, контроль за качеством продовольственного сырья и пищевых продуктов на всех этапах их получения, переработки и реализации, характеристика пищевых отравлений, врачебно-санитарный контроль за организацией питания спортсменов и туристов – актуальные проблемы, находящиеся в сфере научных интересов авторов.

Пособие предназначено для студентов спортивных вузов, факультетов БЖД, врачей, тренеров, спортсменов. Книга может представлять интерес и для работников пищеблоков, обеспечивающих питание спортсменов.

Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1600–1850. Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2005. – 640 с. : 947 ил.

ISBN 5-94799-423-2

Книга представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание 200 опер – большинство из них малоизвестны в России, – комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. Прилагается компакт-диск с записями фрагментов важнейших сочинений.

«Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для широкого круга читателей.

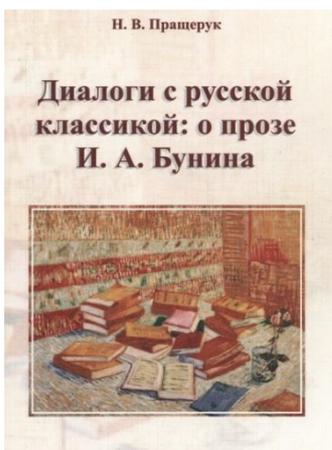
Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1851–1900. Екатеринбург : Антверта (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2012. – 616 с. : 688 ил.

ISBN 978-5-905148-06-4

Книга продолжает издание *авторской* энциклопедии, начатое в 2005 («Хроника мировой оперы. 1600–1850»). Она представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание, увлекательный комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. «Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для самого широкого круга читателей.

Пращерук Н. В.

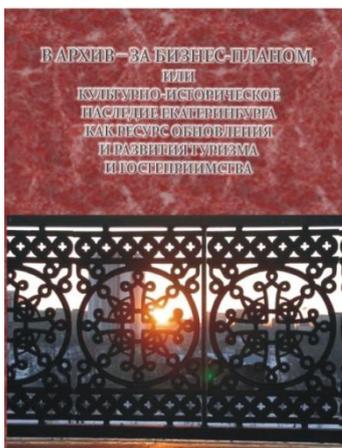
Диалоги с русской классикой: о прозе И. А. Бунина : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2012. – 144 с.

ISBN 978-5-7741-0187-0

В монографии исследуется диалогический потенциал прозы И. А. Бунина (1870–1953). Опираясь на идеи философскокоммуникаторов XX века – М. Бубера, К. Ясперса, М. Бахтина, В. Библера и др., автор показывает, как в художественной практике писателя выстраивается диалогический способ общения с русской литературной классикой XIX века.

На материале произведений 1910–1940-х годов исследуются конкретные межтекстовые связи, механизмы взаимодействия художников, специфика и предмет диалога Бунина с предшественниками. Выявляется, как соединяются в творчестве писателя определенность авторского видения и желание услышать голос собеседника.

Книга адресована преподавателям, студентам, изучающим эстетику, культурологию, теорию и историю литературы, а также мировоззренческие и методологические основы гуманитарных наук.

В архив – за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства : колл. монография / Л. А. Мясникова, С. Ю. Каменский, С. А. Рамзина [и др.]; под общ. ред. проф., д-ра филос. наук Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 368 с. : цв. фото.

ISBN 978-5-7741-0165-8

Одна из первых монографий, в которой исследуются возможности использования культурно-исторического наследия для развития туризма и гостеприимства Екатеринбурга.

Рекомендуется специалистам-практикам и теоретикам социально-культурного сервиса и туризма, краеведам, регионоведам, культурологам.

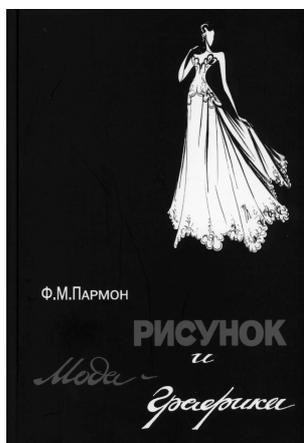
Майданова Л. М., Чепкина Э. В.

Медiateкст в идеологическом контексте : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 304 с.

ISBN 978-5-7741-0171-9

В монографии на материале советской и российской прессы нескольких последних десятилетий рассматриваются жанрово-стилистические изменения медiateкста, обусловленные сменой идеологического контекста. Авторы исследуют как соотношение советская/российская пресса, так и соотношение текстов разной идеологической направленности в российском медиадискурсе.

Книга рассчитана на читателей, интересующихся проблемами журналистики, и на студентов факультетов журналистики.

Пармон Ф. М.

Рисунок и мода-графика : учебник для вузов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2002. – 256 с. ил.

ISBN 5-901527-14-3

В книге излагается изобразительная грамота, рассматривается рисунок как наиболее быстрое и подвижное средство выражения творческой мысли художника. Большое внимание уделяется специальной художественной графике – мода-графике, составлению многопредметных художественно-графических композиций на основе предварительных зарисовок фигур человека в костюме или группы предметов /натюрморт/.

Основное внимание уделяется рисованию фигуры человека. Оригинальность издания заключается также в изложении изобразительной грамоты и мода-графики впервые с учетом направленности и специфики подготовки специалистов.

Для студентов вузов, а также колледжей, техникумов, училищ.

**По вопросам приобретения книг обращайтесь
в редакционно-издательский отдел Гуманитарного университета.
E-mail: ektbriogu@mail.ru**

АСПИРАНТУРА

В аспирантуру Гуманитарного университета на конкурсной основе принимаются граждане Российской Федерации, имеющие высшее профессиональное образование на уровне дипломированного специалиста или магистра по следующим направлениям:

- Психологические науки (37.06.01)
- Экономика (38.06.01)
- Социологические науки (39.06.01)
- Юриспруденция (40.06.01)
- Политические науки и регионоведение (41.06.01)
- Философия, этика и религиоведение (47.06.01)
- Культурология (51.06.01)

Срок обучения в аспирантуре составляет 3 года (очная форма), по заочной форме – 4 года.

Подготовка аспирантов в университете осуществляется:

- за счет ассигнований федерального бюджета;
- на платной основе.

Прием в аспирантуру проводится в следующие сроки:

- прием документов: с 1 июня по 25 августа;
- вступительные экзамены: с 1 сентября по 15 сентября.

Телефоны приемной комиссии: (343) 369-10-11, 271-58-56

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.
Точки зрения авторов статей и редакции могут не совпадать.

Н а у ч н о е и з д а н и е

**Вестник Гуманитарного университета
2015. № 3 (10)**

Главный редактор Л. А. Закс

Редактор С. В. Фельдман
Переводчик Е. А. Батюта
Оригинал-макет В. В. Курьянович

Подписано в печать 30.10.2015.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 8,02
Тираж 100 экз. Заказ №

Гуманитарный университет
620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, 19.
Лицензия № 0074 от 29.05.2012

Отпечатано с оригинал-макета
в копировальном центре
Гуманитарного университета
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3